

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА»**

На правах рукописи

МАГДАЛИНСКАЯ Екатерина Николаевна

**СИТУАТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ
КАК ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ
ПОЛЕВАЯ СТРУКТУРА**

(на материале современных русского и польского языков)

10.02.01 – русский язык

10.02.19 – теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
С.С. Ваулина

Калининград

2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	5
Глава I. Категория модальности в различных лингвистических парадигмах.....	13
§ 1. Вопрос о категории модальности в современной лингвистике.....	13
1.1. Узкое понимание категории модальности.....	14
1.2. Широкое понимание категории модальности.....	16
1.2.1. Вопрос о соотношении модальности и эмоциональности.....	19
1.2.2. Модальность и оценка.....	21
1.2.3. Вопрос о соотношенности значений утверждения/отрицания и модальности.....	23
1.2.4. Проблема вопросительной модальности.....	24
§ 2. Языковая модальность в аспекте функционального подхода.....	26
2.1. Принципы функциональной грамматики как методологическая основа изучения модальности.....	26
2.2. Принцип поля как метод исследования модальности.....	28
§ 3. Ситуативная модальность как фрагмент функционально-семантической категории модальности.....	31
3.1. Вопрос о терминологическом обозначении ситуативной модальности.....	31
3.2. Вопрос о составе значений ситуативной модальности.....	32
3.3. Вопрос о семантическом объеме значений ситуативной модальности.....	34
§ 4. Модальность как категория текста.....	37
§ 5. Проблематика функциональных стилей.....	39
§ 6. К вопросу о сопоставительных исследованиях.....	45

Глава II. Функционально-семантическое поле ситуативной модальности в современном русском языке	50
Предварительные замечания.....	50
§ 1. Микрополе возможности	51
1.1. Центральная зона микрополя возможности.....	51
1.2. Ближняя периферия микрополя возможности.....	60
1.2.1. Лексические экспликатеры значения возможности	60
1.2.2. Грамматические экспликатеры значения возможности	71
1.3. Дальняя периферия микрополя возможности	77
1.3.1 Лексические экспликатеры значения возможности	77
1.3.2. Грамматические экспликатеры значения возможности	82
§ 2. Микрополе необходимости.....	82
2. 1. Центральная зона микрополя необходимости.....	82
2. 2. Ближняя периферия микрополя необходимости.....	85
2.2.1. Лексические экспликатеры значения необходимости.....	85
2.2.2. Грамматические экспликатеры значения необходимости	92
2. 3. Дальняя периферия микрополя необходимости.....	95
§ 3. Микрополе желательности.....	99
3.1. Центральная зона микрополя желательности.....	99
3. 2. Ближняя периферия микрополя желательности.....	103
3. 3. Дальняя периферия микрополя желательности.....	110
Выводы.....	116
Глава III. Функционально-семантическое поле ситуативной модальности в современном польском языке	118
§ 1. Микрополе возможности	118
1.1. Центральная зона микрополя возможности.....	118
1.2. Ближняя периферия микрополя возможности.....	125
1.2.1. Лексические экспликатеры значения возможности	125
1.2.2. Грамматические экспликатеры значения возможности	133
1.3. Дальняя периферия микрополя возможности	137

1.3.1. Лексические экспликативы значения возможности	137
1.3.2. Грамматические экспликативы значения возможности	142
§ 2. Микрополе необходимости	144
2.1. Центральная зона микрополя необходимости	144
2.2. Ближняя периферия микрополя необходимости	151
2.3. Дальняя периферия микрополя необходимости	156
2.3.1. Лексические экспликативы значения необходимости	157
2.3.2. Грамматические экспликативы значения необходимости	161
§ 3. Микрополе желательности	163
3. 1. Центральная зона микрополя желательности	163
3.2. Ближняя периферия микрополя желательности	168
3. 3. Дальняя периферия микрополя желательности	177
Выводы	183
Заключение	185
Библиография	191
1. Теоретическая литература	191
2. Словари и энциклопедические издания	225
3. Источники	227
Приложения	229

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая диссертация посвящена исследованию особенностей функционирования ситуативной модальности как полевой структуры в современных русском и польском языках.

Наш выбор **темы** диссертации обусловлен рядом причин.

Модальность, являясь одной из универсальных семантических категорий, «в разных формах обнаруживающихся в языках разных систем» [Виноградов 1975: 57], характеризуется активным интересом к ней со стороны отечественных и зарубежных исследователей (В.В. Виноградов, Ш. Балли, Дж. Лайонз, А.Б. Шапиро, Г.А. Золотова, В.З. Панфилов, В.Г. Адмони, Т.П. Ломтев, А.В. Бондарко, Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак, Е.Е. Корди, Н.Е. Петров, Т.И. Дешериева, С.С. Ваулина, Г.П. Немец, П.А. Лекант, Т.Б. Алисова, В.А. Плунгян, С.Я. Гехтляр, П. Эслон, А.В. Зеленщиков, Д. Рытель, Б. Ханзен, А. Вежбицкая, З.Л. Новоженова, Н.Ю. Павловская, Ф. Палмер, Ф. де Хаан, И. Пете, А. Холвоет, Р. Лапа, Д. Вайсс, Р. Гжегорчикова, Б. Бонецка, Х. Годовска, Я. Пузына и многие другие). Помимо ряда монографий, большого количества диссертаций и статей, посвященных разработке вопросов языковой модальности в современном языкознании, фактом, свидетельствующим о не ослабевающем интересе к данной категории, являются регулярные международные научные конференции соответствующей тематики («Znaczenie-Modalność-Wartość» (Торунь 1999), симпозиум «Модальность в славянских языках. Новые перспективы» (Регенсбург 2004), «Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению» (Калининград 2007), «Modalność / temporalność w ujęciu kontrastycznym i typologicznym» (Гданьск 2008), «Conference on tense, aspect, modality and evidentiality» (Париж 2009, Бирмингем 2011), «Modalität im Deutschen» (Ганновер 2010), «Modality, Typology and Universal Grammar» (Мюнхен 2012) и др.). Столь устойчивое внимание к данной категории объясняется тем, что модальность, как указывает Г.А. Золотова, «понятие сложное и многоплановое, включающее разнородные модальные характеристики, которые проявляют-

ся в разных аспектах структуры предложения, зачастую наслаиваясь одна на другую» [Золотова 1973: 140]. При этом исследователи подчеркивают центральное положение модальности среди других семантических категорий и связывают это с тем, «что именно в ней прежде всего находят свое непосредственное отражение и выражение представления говорящего лица об окружающем мире и интерпретация им, говорящим, этого мира в речи» [Будняк 2004: 55]. Ключевую роль модальности подчеркивает и А.В. Бондарко, указывая на то, что «доминирующим компонентом актуализационного комплекса является модальность» ... она «занимает наиболее независимое положение и оказывает наибольшее влияние на другие функции» [Бондарко 1976: 58].

Особенный интерес к категории модальности проявился в последние десятилетия, поскольку именно в это время в языкознании прочно утвердился функциональный подход, позволивший взглянуть по-новому на одну из самых неоднозначно интерпретируемых категорий. Говоря о преимуществах функционального подхода к языковым фактам, его сторонники замечают, что он успешно сочетает системоцентричность с анализом взаимосвязей системно-структурных и коммуникативных аспектов предмета исследования [см., например, Бондарко 2003: 5; Золотова 2002: 65-66]. Немаловажным также является тот факт, что данный подход «имеет возможность интегрировать в единой системе те языковые средства, которые в традиционной грамматике оказываются разделенными в зависимости от их принадлежности к той или иной формальной подсистеме» [ТФГ: 290]. Это позволяет в полной мере охватить многообразные средства выражения вариантов определенной функционально-семантической категории, и в частности, категории модальности.

Вместе с тем активное изучение модальности как одной из ключевых функционально-семантических категорий выдвинуло ряд проблем. С одной стороны, задачей исследователей является описание категории модальности отдельных языков с упором на специфические особенности ее реализации, с другой – все большее значение приобретает сопоставительное изучение модальности [см., например: Koseska-Toszewa 1983; Roszko 1993; Besters-Dilger 1997; Włodarczyk

1998; Попова 2000; Hansen 2001; Базалина 2001; Maldžieva 1988, 2003; Демидова 2005; Шлык 2006; Andrzejewska-Kwiatkowska 2006; Ваулина 2007; Лопатюк 2009; Matulewska 2009; Palásti 2009; Выдрин 2011; Nowak 2011; Коковина 2013; Толстая 2013 и др.] как одной из универсальных семантических категорий, ведь, как отмечал в свое время А.Б. Шапиро, «предложений, в которых не было бы тем или иным способом выражено отношение содержания высказываемого к действительности, ни в одном языке не существует» [Шапиро 1958: 57].

Обобщение системы языковых средств, получающих регулярное выражение в различных языках, «позволяет дать типологическую характеристику их строя, т.е. показать наиболее важные явления всех языков (универсалии), а на их фоне – специфические для языковых групп черты» [Райхштейн 1980: 6]. Сопоставление, традиционно являющееся важным элементом исследований как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике, позволяет выявить «существенные особенности языка и тем более культуры» [Тер-Минасова 2000: 33]. Однако стоит добавить, что сопоставительный анализ, как справедливо замечает Л. Юнхун, «представляет собой не просто перечисление или сравнение языковых фактов и не одно лишь вскрытие различий и сходств языковых явлений, но эффективный способ познания языковых закономерностей» [Юнхун 2009: 103].

Для родственных языков (в данном случае, русского и польского), «характеризующихся значительной мерой общности в структуре анализируемых полей и ситуаций» [ТФГ 1990: 296], сопоставление имеет важное значение также для установления исторических языковых связей. Кроме того, рассмотрение категории модальности в сопоставительном аспекте является перспективным ввиду значительной интенсификации межкультурных взаимодействий в современном мире и расширения коммуникативных связей, ведь, на что в свое время обращал внимание В. фон Гумбольдт, «через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем; и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия» [Гумбольдт 1985: 349]. Именно сопоставительный аспект исследования модальности, как

справедливо отмечает Д. Рытель, дает возможность «в случае схожих средств ее выражения в двух языках рассматривать их в одной плоскости, проводя аналогии, а в случае расхождений – описывать по принципу контраста»¹ [Rytel 1982: 15]. Немаловажным представляется также мнение Л.В. Щербы, который писал, что «вполне овладеть родным языком..., т.е. оценить все его богатство, все его выразительные средства, понять все его возможности, можно только изучая какой-либо иностранный язык... При помощи сопоставления иностранный язык помогает вскрывать разнообразные средства выражения и в родном языке и отучает смешивать способы выражения с существом вещей» [Щерба 1974: 44].

Однако следует отметить, что до сих пор в вопросе исследования различных видов модальности в сопоставительном аспекте на материале славянских языков остается еще много неизученного и дискуссионного, при этом количество работ, посвященных изучению модальности именно в русском и польском языках, сравнительно невелико и в них представлены либо общие замечания об особенностях реализации категории модальности [Birkenmaier 1981; Koseska-Toszewa 1981; Besters-Dilger 1997; Hansen 2001, 1998], или содержится фрагментарный анализ отдельных модальных значений и средств их выражения [Аскоченская 1971, 1998; Рыболовлев 1989; Chojnacka 1999; Будняк 2004; Rakoczy 1978; Czapiga 2005 а, б; Puk 2005, 2007, 2010 а, б; Hansen 2004], либо рассматривается вопрос об адекватном выражении модальных значений при переводе художественных произведений [Ваулина 2004, 2007; Толстая 2013].

Вышесказанным определяется **актуальность** настоящего диссертационного исследования, **объектом** которого послужила функционально-семантическая категория модальности, а непосредственным **предметом** анализа явилось исследование особенностей функционирования одного из структурно-содержательных компонентов данной категории – ситуативной модальности – в современных русском и польском языках.

Целью диссертационной работы является рассмотрение специфики реализации значений функционально-семантического поля ситуативной модальности,

¹ Здесь и далее перевод с польского языка наш.

образуемого микрополями возможности, необходимости и желательности, в современных разножанровых текстах русского и польского языков.

На достижение вышеуказанной цели исследования направлено решение ряда конкретных **задач**, в числе которых:

- установить семантический объем микрополей ситуативной модальности;
- определить конституентный состав плана выражения микрополей ситуативной модальности в исследуемых языках;
- выявить центральные и периферийные конституенты микрополей;
- установить типологические признаки в плане выражения модальных значений возможности, необходимости и желательности в исследуемых языках и выявить их внутриязыковые особенности;
- определить специфику реализации экспликаторов рассматриваемых модальных значений в текстах различной функционально-стилистической принадлежности.

Выполнению указанных задач послужила комплексная **методика** анализа, включающая методы описательного, контекстуального, функционально-семантического и сопоставительного анализа, а также приемы функционально-стилистического сопоставления и количественных подсчетов.

Теоретическую базу исследования составили положения по теории модальности [Виноградов 1975; Балли 1955; Золотова 1962, 1973; Бондарко 1971; Рытель 1982; Ваулина 1988; Зеленщиков 1997; Павловская 2001 и др.], по теории функциональной и коммуникативной грамматики [Бондарко 1983, 1984; Гак 1985; Золотова 1982, 2004 и др.], а также по теории сопоставительного анализа [Будагов 1980; Гак 1979; Широкова 1978, 1983; Манакин 2004 и др.].

Материалом для анализа послужили 5000 предложений-высказываний со средствами выражения ситуативной модальности (значений возможности, необходимости и желательности), полученных методом сплошной выборки из современных газетно-публицистических, научных и официально-деловых текстов русского и польского языков. Сразу оговорим, что к анализу мы сознательно не привлекаем художественные тексты, поскольку реализующиеся в них модаль-

ные значения, в том числе значения ситуативной модальности, концентрируются вокруг авторской модальности, в значительной степени теряя при этом свою пропозициональную функцию – сообщение о «положении дел» с точки зрения возможности, необходимости или желательности их осуществления.

Научная новизна данного исследования заключается в том, что в нем впервые на основе принципов функциональной грамматики проведен комплексный анализ экспликаторов микрополей функционально-семантического поля ситуативной модальности как структурно-содержательного фрагмента макрополя пропозициональной модальности в русском и польском языках на материале современных разножанровых письменных источников, установлены закономерности и внутриязыковая специфика употребления конstituентов микрополей с учетом их функционально-стилистической принадлежности.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что ее материал, наблюдения и выводы вносят определенный вклад в дальнейшую разработку теории модальности как функционально-семантической категории, имеющей полевую структуру, а также расширяют сведения, с одной стороны, подтверждающие универсальный характер модальности как семантической категории, а, с другой стороны, свидетельствующие о внутриязыковой, национальной специфике средств ее выражения в родственных славянских языках.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования ее основных положений, материалов и выводов в курсах по функциональной и коммуникативной грамматике русского и польского языков, в спецкурсах по языковой модальности, на практических занятиях по русскому языку как иностранному, а также в переводческой и лексикографической практике.

Апробация работы. Основные результаты диссертационного исследования обсуждались на кафедре исторического языкознания, зарубежной филологии и документоведения БФУ им. И. Канта, были представлены в докладах на межвузовских научно-практических конференциях «Язык – образование – культура – общество: от идеи к реализации» (Москва, 2010) и «Современные теории и методы обучения иностранным языкам в ВУЗе» (Москва, 2013), на нескольких

международных научных конференциях: XIV международной научной славянской конференции «Польско-восточнославянские культурные, литературные и языковые контрасты: факты, стереотипы, мифы» (Ольштын, 2011), международной научно-практической конференции «Стратегии исследования языковых единиц» (Тверь, 2012), международной научной конференции «Коммуникация как предмет междисциплинарных исследований: научные теории и социальная практика» (Калининград, 2012), XXIX международной научной конференции «Research Journal of International Studies» (Екатеринбург, 2014), а также отражены в четырнадцати публикациях.

В соответствии с поставленной целью в качестве **основных положений**, определяющих научную новизну и теоретическую значимость диссертационной работы, на защиту выносятся следующие:

1. Языковая модальность, выполняя сложную задачу установления многоаспектной связи между языком и внеязыковой действительностью, основу которой составляют пропозициональная (номинативная) и коммуникативная (прагматическая) функции, характеризуется не меньшей сложностью своей содержательной структуры, выступающей в виде функционально-семантического макрополя с входящими в нее полями и микрополями.

2. Ситуативная модальность как важный структурно-содержательный компонент пропозициональной модальности, раскрывающий через отношения между субъектом действия и действием конкретный характер связи высказывания с внеязыковой действительностью относительно «положения дел» с точки зрения наличия или отсутствия ситуации возможности, необходимости, желательности сообщаемого действия, выступает как функционально-семантическая полевая структура, образуемая соответствующими микрополями.

3. В силу универсальности категории модальности и близкородственности русского и польского языков план выражения ситуативной модальности в рассматриваемых языках имеет типологическую основу, что отчетливо проявляется как в составе модальных конститuentов, так и в их структурно-функциональной иерархии.

4. Типологическая общность русского и польского языков, свидетельствующая об их генетическом родстве, не исключает внутриязыковых особенностей в выражении значений возможности, необходимости и желательности, обусловленных национальной спецификой в становлении и эволюции рассматриваемых языков, что, в частности, проявляется в составе периферийных компонентов микрополей и достаточно отчетливо отражается в функционально-стилистической сфере их употребления.

5. Важным структурным признаком функционально-семантического поля ситуативной модальности является проницаемость его микрополей, что достаточно наглядно проявляется в случаях совмещения отдельных модальных значений и функциональных «переливов» средств их выражения в рассматриваемых микрополях как русского, так и польского языков.

ГЛАВА I. КАТЕГОРИЯ МОДАЛЬНОСТИ В РАЗЛИЧНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПАРАДИГМАХ

§ 1. Вопрос о категории модальности в современной лингвистике

Исследование категории модальности является одной из фундаментальных проблем языкознания, поскольку, по справедливому замечанию В.В. Виноградова, она «принадлежит к числу основных, центральных языковых категорий» [Виноградов 1975: 57], пронизывающих всю языковую систему. «Каждое высказывание, каждое выраженное языковыми средствами отношение говорящего к действительности всегда имеет какой-либо модальный статус» [Грепл 1978: 27].

Актуальность изучения данной категории заключается в научном обосновании процессов выражения модальных отношений, наблюдаемых в языке и речи «как важного стимула в стремлении познания окружающей действительности» [Немец 1989: 4]. Модальность также открывает пути к «изучению многообразия системного восприятия познанного на разных уровнях социально-мировоззренческих оценок как с позиции синтетического, так и аналитического уровня языкового статуса» [Там же].

Однако, несмотря на большое количество работ, посвященных изучению категории модальности, у исследователей нет единства взглядов «по самым основным вопросам, касающимся сущности этой категории, ее отношения к модальной мысли, типов модальности предложения, ее отношения к предикативности и т.п.» [Панфилов 1971: 183]. Вследствие многоаспектности содержательной природы модальности возникло множество ее квалификаций, порой противоречащих друг другу. «В лингвистике, – отмечает М.Б. Бергельсон, – трудно отыскать термин, который охватывал бы более широкий круг разнородных языковых явлений, чем модальность» [Бергельсон 2005: 332]. Многие исследователи включают в состав модальности значения, являющиеся разнородными по

своей сущности, принадлежности к уровням структуры языка и функциональному назначению.

Справедливости ради, следует заметить, что определенной попыткой упорядочения существующего квалификационного разнообразия модальности явилось выделение так называемого узкого и широкого подходов к пониманию ее содержательного объема. Анализ данных подходов достаточно подробно представлен в ряде диссертаций [см., например: Лопатюк 2009; Толстая 2013], поэтому мы остановимся на рассмотрении лишь основных принципов данных подходов.

1.1. Узкое понимание категории модальности

Сторонники узкого подхода к пониманию модальности (В.З. Панфилов, Г.В. Колшанский, Т.И. Дешериева, С.И. Небыкова, Е.А. Зверева, М.К. Сабанеева, В.Н. Бондаренко, И.И. Гребенкина, Н.Д. Рыболовлев, П.В.Чесноков, К.М. Галкина-Федорук, О.В. Трунова, К. Sommerfeldt и др.) считают, что анализ языковой модальности неотрывен от анализа логической категории модальности и, соответственно, свойственной ей формы мышления, т.е. суждения. Объясняется это тем, что «категория модальности принадлежит к той области языковых явлений, где их связь с логическим строем мышления оказывается наиболее непосредственной» [Панфилов 1977: 37], а «связь компонентов семантики языковой модальности с соответствующими типами модусов модальной логики дает возможность более аргументированно определить объем и содержание первой» [Дешериева 1987: 35]. Н.Д. Рыболовлев замечает, что обращение к категориям логики является продуктивным для лингвистов, поскольку это «дает возможность систематизировать модальные значения, выражаемые различными языковыми формами, выявить их универсально-понятийную основу и связь с более общими категориями действительности и познания» [Рыболовлев 1989 а: 6]. Данное высказывание исследователя перекликается с мнением К.М. Галкиной-Федорук, согласно которому «модальность – это логическое понятие, отражающее отношение говорящего к действительности, устанавливаю-

щее достоверность или недостоверность связей, фактов, обозначаемых и выражаемых в предложении. Поэтому не только суждению, но и предложению свойственна модальность» [Галкина-Федорук 1958: 31].

В концепции некоторых исследователей узкий подход сводится к выделению только ассерторической и неассерторической модальности [Składnia 1984: 27; Bogusławski 1971]. Так, например, А. Мирович полагает, что модальность – это «отношение содержания высказывания к действительности, взятое с точки зрения соответствия (абсолютная реальность или нереальность) или же несоответствия (относительная нереальность) данной действительности» [Mirowicz 1956: 81].

Заметим при этом, что в польском языкознании внутреннее членение категории модальности в большинстве своем производится в соответствии с правилами логической операции деления понятий. Так, подавляющее большинство польских исследователей делит модальность на деонтическую, алетическую и эпистемическую [см., например: Bellert 1971; Bogusławski 1971, 1994; Grzegorzczkova 1973, 2001; Laskowski 1984; Jędrzejko 1987, 2000, 2002; Godowska 1991; Łapa 1996, 2003 a; Gajewska 2002; Tutak 2003; Kiklewicz 2004; Żabowska 2008]. Б. Бонецка пишет, что лингвисты перенесли взгляды традиционной логики на модальность, «так что когда возникла необходимость сформулировать строго лингвистическое определение модальности, трудно было забыть о составленной логиками классификации видов модальных суждений и критериях оценки того, что является модальным» [Boniecka 1976: 100]. Однако некоторые исследователи отмечают, что не все критерии выделения данных типов с точки зрения логики являются релевантными в языкознании. Так, например, Д. Рытель спецификой лингвистического подхода к модальности называет принятие во внимание «мира убеждений субъекта» [Rytel 1982: 14].

В плане вышесказанного весьма правомерным представляется замечание М.В. Ляпон, считающей, что «принятые в логике модальные квалификации суждения с точки зрения действительности, необходимости и возможности не могут... служить ориентиром для лингвистической концепции модальности, так

как они не только не исчерпывают семантического диапазона реализуемых в естественном языке средств объективизации предложения, но даже не воспроизводят той гаммы смысловых оттенков, которая связана только с уточнением степени достоверности утверждения» [Ляпон 1971: 4]. С мнением исследователя солидаризируется Г.П. Немец, отмечающий, что «не исключая, а, наоборот, беря за основу философское понимание языковой модальности в ее многоаспектном функционировании в процессе общения на уровне языка и речи, мы различаем логическую и лингвистическую категории модальности как два феномена в процессе отражения объективной действительности» [Немец 1989: 8]. Н.Е. Петров в свою очередь также утверждает, что «всякие попытки уточнить понятие языковой модальности, сузить ее объем, исходя из требований логических операций, логической модальности, модальности суждения, не могут способствовать полному охвату разнообразных значений языкового материала, которые можно было бы объединить грамматическим понятием модальности» [Петров 1982: 15].

1.2. Широкое понимание категории модальности

Г.А. Золотова, объясняя релевантность широкого понимания модальности, пишет, что «различные определения не исключают, а дополняют друг друга, свидетельствуя о сложности, многоплановости самого понятия модальности» [Золотова 1962: 65], о разных аспектах ее проявления. О.Н. Соловьева, также высказываясь за данный подход, пишет, что по сравнению с логической категорией модальности, которая ограничена аспектами суждения, «языковая располагает куда более значительным (в количественном и качественном отношении) арсеналом семантико-лингвистических средств, позволяющим квалифицировать не только так называемые прямые средства модальности в предложении, выражающие традиционно представляемые отношения в предложении, но и многочисленные отеночные варианты речевых реализаций, обусловленные контекстуально, значительно расширяющие возможности передачи разных модальных значений в процессе общения» [Соловьева 2012: 74].

Оценивая широкое понимание модальности, безусловно, следует иметь в виду, что в отечественном языкознании концепция модальности как важной семантической категории была впервые сформулирована В.В. Виноградовым. Именно положения данной концепции послужили основой для большого количества лингвистических работ других исследователей, стремящихся теоретически осмыслить сущность языковой категории модальности и рассмотреть разноплановые средства ее выражения.

Вслед за И.И. Мещаниновым, относящим модальность к понятийным категориям, которые «не описываются при помощи языка, а выявляются в нем самом, в его лексике и грамматическом строе» [Мещанинов 1978: 196], В.В. Виноградов указывает, что «каждое предложение включает в себя, как существенный конструктивный признак, модальное значение, т.е. содержит в себе указание на отношение к действительности» [Виноградов 1975: 55]. Основные положения модальной концепции В.В. Виноградова можно свести к следующему: 1) модальными различиями определяются типы предложения, категория модальности «ярче всего и многообразнее выражается интонационным способом» [Там же: 58]; 2) модальность передается «синтетическими и аналитическими формами наклонений глагола» [Там же: 62]; 3) значения «модально-вводных членов предложения» считаются модальными и обозначают степень достоверности, стиль речи, переживание, экспрессию речи и пр. [Там же: 66-70]; 4) глагол в сочетании с инфинитивом выражает различные модальные значения, например, «возможность, необходимость, желание, намерение, просьбу, изъявление воли и пр.» [Там же: 65]; 5) отыменные слова, обозначающие состояние и являющиеся предикативными прилагательными, в сочетании с инфинитивом выражают значения возможности, необходимости, долженствования, эмоционального отношения и пр. [Там же: 66]; 6) широкий спектр значений имеют модальные слова и модальные частицы, союзы и союзная связь предложений [Там же: 72-87].

Широкое понимание модальности мы находим и у Ш. Балли, в чьей трактовке она выступает как «синтаксическая категория, в выражении которой первостепенную роль играют модальные глаголы – подкласс глаголов, обозначающих

суждение говорящего о предмете речи, которые отличаются от других глаголов тем, что они могут присоединять дополнительное придаточное предложение» [Балли 1955: 44-45]. Ш. Балли включает в число модальных значений «самые различные оттенки суждения, чувства или воли», которые выражаются модальными глаголами, наклонением, формами вопроса, приказания, междометиями, интонацией, мимикой и мн.др. [Там же: 43-62].

В современном языкознании исходные положения концепций модальности, сформулированные В.В. Виноградовым и Ш. Балли, согласно которым в содержательный объем модальности включаются не только значения действительности, возможности и необходимости, но и значения желательности, вероятности, достоверности, а также значения реальности / ирреальности, получили активную поддержку у многих специалистов и отражены в академической литературе. «Структурная схема предложения, – отмечается в «Русской грамматике», – обладает такими грамматическими свойствами, такими особенностями своего языкового существования, которые позволяют обозначить что-то, о чем сообщается, или реально осуществляется во времени (настоящем, прошедшем или будущем; это – план реальности, или, что то же самое, временной определенности), или же мыслится все возможное, желаемое, должное или требуемое (это план ирреальности, или, что то же самое, временной неопределенности)» [Русская грамматика 1980: 86].

При этом следует отметить, что в содержание понятия «ирреальность» исследователи включают различные значения, на что указывает, в частности, П. Эслон [Эслон 1997: 233-234]. Например, А.А. Шахматов относит к ирреальности значения желаемого и условного [Шахматов 1954: 484], В.В. Виноградов – значения желательного, требуемого, недействительного и т.п. [Виноградов 1955: 405], Н.Ю. Шведова включает значения условного, желательного, повелительного и значение долженствования [Шведова 1967: 8]. Некоторые ученые под ирреальностью понимают гипотетичность и потенциальность [см., например: Володин 1961; Хрычиков 1986; Аскоченская 1971, 1998]. По мнению Р. Гжегорчиковой, в содержание понятия «ирреальность» входят возможность,

желательность, необходимость, вероятность и пр. [Grzegorzycykowa 2001: 121], при этом каждое высказывание исследователь трактует как субъективное, поскольку оно «сообщает об определенном положении вещей с точки зрения субъекта» [Grzegorzycykowa 1991: 20]. Подобное понимание модальности представлено также в работах Я. Пузыны [Puzynina 1974: 225–233] и в «Энциклопедии польского языка», «Словаре лингвистических терминов», «Энциклопедии общего языкознания» [EJP 1999: 228, STJ 1970: 351–352, EJO 1999: 371].

В.А. Плунгян использует термин *ирреалис*, который «применяется к обозначению грамматической категории, показатели которой, в первом приближении, характеризуют всякую ситуацию либо как реальную (= существующую или существовавшую), либо как нереальную (= воображаемую); последняя граммема часто также называется ирреалисом (а противопоставленная ей граммема — реалисом)» [Плунгян 2004: 14]. При этом исследователь отмечает, что «связь ирреалиса с семантической зоной модальности является одной из наиболее сложных проблем описания этой категории» [Там же: 16]. «Ирреалис, – пишет В.А. Плунгян, – не является модальной категорией уже хотя бы потому, что семантика ирреальности гораздо шире семантики модальности, но можно было бы считать, что модальность занимает по отношению к ирреальной семантике привилегированную позицию: все значения косвенной модальности связаны с описанием ситуаций, не принадлежащих реальному миру» [Там же: 16–17].

1.2.1. Вопрос о соотношении модальности и эмоциональности

По данному вопросу в научной литературе нет единства. Некоторые исследователи [см., например: Mirowicz 1949; Бордович 1956; Rieger 1957; Галкина-Федорук, Горшкова, Шанский 1958; Распопов 1973; Puzynina 1974; Панфилов 1977; Grzegorzycykowa 2001; Валгина, Розенталь, Фомина 2002] полагают, что эмоционально-экспрессивные значения не относятся к числу модальных. «Эмоциональное отношение говорящего и субъективная модальность, – отмечает В.З. Панфилов, – хотя и могут быть отнесены к актуализирующим компонентам высказывания, однако их языковая природа и роль в конституировании струк-

туры предложения настолько различны, что объединять их в пределах одной грамматической или лексико-грамматической категории модальности не представляется возможным» [Панфилов 1977: 48].

Другие же исследователи, придерживающиеся широкого понимания модальности, квалифицируют эмоциональное отношение к сообщаемому как модальное [см., например: Виноградов 1975; Шведова 1960; Закиев 1963; Адамец 1978; Грeпл 1978; Петров 1982; Мразек 1990; Пиотровская 1994; Трофимова 2004; Ткаченко 2011; Девина 2012]. В.В. Виноградов выделяет особый круг слов, «выражающих эмоциональную характеристику действия, эмоциональное отношение к действию или объекту» [Виноградов 1975: 66], и классифицирует их как модальные. Ученый полагает, что «с категорией модальности соприкасаются и даже частично переплетаются с нею разные виды и типы эмоциональной экспрессии» [Там же: 62]. В ТФГ эмоциональность также включена в перечень типов модальных значений [ТФГ 1990: 68]. «Модальные реакции, – отмечает Т.В. Романова, – связаны с определенным эмоциональным состоянием говорящего, поэтому эмоциональность входит в модальность (через «я» говорящего)» [Романова 2008: 19]. Исследователь отмечает, что «эмоциональная экспрессия, в которой отражается эмоциональное отношение говорящего к предмету речи, является специфической формой выражения отношения человека к окружающему его миру, что дает объективные основания для включения эмоциональной экспрессии в категорию модальности» [Там же].

Эмоциональность, переданная с помощью языковых средств, по мнению Н.Е. Петрова, – это «модальное явление и нет необходимости отделения ее от других разновидностей языковой модальности» [Петров 1982: 101-102]. Исследователи выделяют субъективную модальность как характеристику «отношения сообщаемому, экспрессивное выражение тех или иных эмоций говорящего по поводу содержания сообщения» [Шведова 1960: 16]. Как отмечает Л.Л. Нелюбин, эмоциональность – это «проявление в речи чувств и настроений говорящего по отношению к действительности или, другими словами, субъективное отношение к действительности» [Нелюбин 1990: 301]. С. Йодловский также счи-

тает, что эмоциональность следует квалифицировать как модальное явление, если «под модальностью понимать любое субъективное отношение к объективной действительности» [Jodłowski 1971: 138]. Г. Врубель выделяет экспрессивную модальность, которая заключается «в выражении говорящим своих чувств и эмоций по отношению к содержанию высказывания» [Wróbel 2001: 325]. В «Словаре лингвистических терминов» Д.Э. Розенталя, М.А. Теленковой, «Лингвистическом энциклопедическом словаре» эмоциональность включается в круг значений субъективной модальности [Сл. Розенталя 2008; ЛЭС 1990].

Некоторые исследователи, например [Лукьянова 1976; Худяков 1980; Петров 1982; Шаховский 1987; Чернейко 1996], объединяют эмоциональный и оценочный компоненты в один и называют их «эмоциональной оценкой», объясняя данную взаимосвязь зависимостью оценки от эмоций. Так, например И.Н. Худяков считает, что «при непосредственном коммуникативном акте оценка не может не сопровождаться эмоциями» [Худяков 1980: 81]. Н.Е. Петров полагает, что «...эмоциональное отношение к познаваемому, выраженное грамматически, всегда неразрывно связано с рассудочной оценкой, характером понимания реальной действительности и является важной составной частью языковой модальности» [Петров 1982: 14].

Данная точка зрения на соотношение модальности и эмоциональности нам представляется более аргументированной и мы придерживаемся ее в своем исследовании.

1.2.2. Модальность и оценка

Вопрос о соотношении категории модальности и оценки получил в лингвистике широкое освещение [см., например: Золотова 1973; Виноградов 1975; Клобуков 1984; Маркелова 1996; Гак 1996; Краснова 2002; Касторнова 2006; Ваулина 2010]. Некоторые исследователи считают оценку сущностью субъективной модальности [Русская грамматика 1980; Телия 1991; Попова 1996] или одним из видов субъективной модальности [Вольф 1985; Арутюнова 1988]. Так, например, в «Русской грамматике» Н.Ю. Шведовой указывается, что «собст-

венно оценочные значения целиком лежат в сфере субъективной модальности. Это многообразные значения, заключающие в себе личное, субъективное отношение говорящего к содержанию высказывания» [Русская грамматика 1980: 216]. Е.А. Попова также полагает, что «модальность, как выразитель отношения, по природе своей оценочна и субъективна, так как исходит только от личности.... Таким образом, снимается дихотомия „модальность – оценка”. Сутью модальности можно признать оценочные отношения» [Попова 1996: 39-40]. М.В. Ляпон в свою очередь отмечает, что «семантическую сторону категории модальности образует категория оценки» [Ляпон 1971: 7].

Исследуя соотношение оценки и модальности, Л.М. Васильев обращает внимание на их сходные аспекты. «Часто оценку относят к сфере модальности, – отмечает исследователь, – и в этом есть свой резон. Если под модальностью понимать способ отражения действительности, то модальность действительно шире семантической категории оценки: оценка – лишь один из способов познания действительности... Однако некоторые собственно модальные значения (например, значение необходимости, значение возможности и т.п.) могут быть истолкованы и как оценочные, ибо выражают оценочные суждения о „положении дел”, оценочный способ познания мира» [Васильев 1996: 57].

Другие исследователи придерживаются мнения о целесообразности разграничения понятий модальности и оценки [Маркелова 1994, 1996; Милосердова 1991]. «Субъективная модальность, – указывает Т.В. Маркелова, – это отношение говорящего к предмету речи, а оценка – ценностное отношение, связанное не только с личностно-прагматической интерпретацией обозначаемого, но и с определением его места по шкале ценностей отражающей известное каждому говорящему соотношение языковых и внеязыковых знаний о том, что такое хорошо, а что такое плохо» [Маркелова 1994: 61]. Проводя дифференциацию этих понятий, Т.В. Маркелова отмечает, что «устойчивость и признанность высказывания как главного средства оценочного значения, обязательность уникальных для него имплицитных (принадлежащих „мыслительному языку”) семантических компонентов – шкалы оценки и стереотипов – убедительные аргументы в

пользу „разведения” категорий модальности и оценки в функционально-семантическом и системно-структурном аспектах» [Маркелова 1996: 84].

В плане вышесказанного несомненного внимания заслуживает замечание С.С. Ваулиной о причинах разноречивости мнений относительно характера отношений модальности и оценки. Так, исследователь указывает на недостаточно четкое различие понятий «оценочность» и «оценка». «Между тем, – пишет С.С. Ваулина, – такое различие представляется принципиально важным, ибо именно оценочность (а не оценка!), с нашей точки зрения, является широкой семантической категорией, служащей важнейшим движущим компонентом в процессе познания и в языковой интерпретации познавательных фактов» [Ваулина 2010: 47-48]. При этом исследователь справедливо отмечает, что оценка «выступает во множестве своих разновидностей» и может быть «как собственно модальной, характеризующей высказывание реальности/ нереальности отношения его содержания к внеязыковой действительности с точки зрения говорящего, степени достоверности, возможности и т.п., так и немодальной, выражающей целый ряд общеоценочных и частнооценочных значений» [Там же: 48].

1.2.3. Вопрос о соотносительности значений утверждения / отрицания и модальности

Ряд исследователей [Адмони 1955; Черепанова 1964; Алисова 1971; Распопов 1973; Адамец 1978; Грепл 1978; Савельева 1988; Савельева, Черепанова 1989; Нагорный 1995; Громоздова 2000; Калинина 2010] квалифицируют значения утверждения и отрицания как модальные на том основании, что, как полагает В.Г. Адмони, «во всех типах предложения, во всех формах выявления предикативности утверждается связь между двумя предметами или явлениями и признаками объективной действительности и выражается определенная оценка реальности связи» [Адмони 1955: 163-164]. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» и «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой значения утверждения / отрицания также отнесены к сфере модальности [ЛЭС 1990; Сл. Ахмановой 1969].

Другие ученые не относят значения утверждения / отрицания к числу модальных. Так, А.М. Пешковский отмечает, что «утверждение и отрицание взаимно обуславливают друг друга» ... и полагает, что они «материально тождественны..., формально же различны, так как отношения между представлениями в них неодинаково, различие это выражено ... формами словосочетаний и притом ... исключительно присутствием особого бесформенного словечка *не*, имеющего чисто формальное значение» [Пешковский 1956: 386]. В.В. Виноградов значения утверждения / отрицания также не включает в число модальных [Виноградов 1975]. По мнению Г.А. Золотовой, деление предложений по признаку утвердительности – отрицательности основано не на модальном принципе, поскольку «другие виды модальных характеристик не организуются вокруг» данных значений, «потому что само это противопоставление – собственно смысловое, оно накладывается на выраженное в предложении модальное значение реальности или нереальности» [Золотова 1973: 146]. Подобная точка зрения представлена также в «Русской грамматике» и «Словаре лингвистических терминов» Д.Э. Розенталя, М.А. Теленковой [Русская грамматика 1980; Сл. Розенталя 2008].

Соглашаясь с данной точкой зрения в принципе, все же считаем, что отрицание в целом ряде случаев, в чем нам дает возможность убедиться фактический материал, вносит дополнительные нюансы в характер модальных значений и обуславливает специфику их языковой экспликации.

1.2.4. Проблема вопросительной модальности

Мнения исследователей относительно статуса вопросительной модальности также неоднозначны. Как компонент категории модальности квалифицируют вопросительные предложения Э. Бенвенист, Дж. Лайонз, Н.М. Вахтель, И.Б. Шатуновский, Т.Б. Алисова, Х.Р. Мелиг, Г.С. Заикин, Е.В. Рагозина, Е.Н. Малуга и др. «Совершенно ясно, – утверждает Дж. Лайонз, – что вопросительные предложения модальны, и им можно приписывать дополнительные модальные признаки, указывающие на те или иные ожидания говорящего» [Лайонз 1978: 326]. П.В. Чесноков считает вопрос основной модальной разновидностью фра-

зы, которая «по степени достоверности получает лишь свою дальнейшую конкретизацию» [Чесноков 1961: 44-45]. Г. Врубель, уделяя особое внимание прагматическому аспекту модальности, также предлагает выделять вопросительную модальность, понимаемую как «желание говорящего узнать у собеседника, соответствует ли действительности содержание высказывания» [Wróbel 2001: 320].

Другие ученые придерживаются противоположной точки зрения [см., например: Ломтев 1969; Золотова 1973], обосновывая свою позицию тем, что «вопросительная форма предложения не является средством выражения отношения высказывания к действительности, поскольку познавательная установка не представляет разновидности модального значения» [Золотова 1973: 145]. При соединяясь к данной позиции в целом, хотим все же отметить, что речь в данном случае идет о собственно вопросительных предложениях (т.е. предложениях первичной функции), поскольку вопросительные предложения вторичной функции (так называемый риторический вопрос), как показывают наблюдения исследователей [см., например: Рагозина 2008] и наш фактический материал, выступают в качестве грамматических экспликаторов ряда модальных значений.

х х х

Таким образом, несмотря на различные трактовки категориального содержания модальности, лингвисты не отрицают важнейшей роли модальности как категории, организующей предложение. Наличие же большого количества работ еще не означает того, что в отношении категории модальности в лингвистике уже сказано последнее слово. Видимо, этого и не может быть, так как «изучаемая категория может обнаруживать все новые и новые совсем не изученные стороны и качества» [Хрычиков 1986: 12]. А учитывая разногласия в трактовке самой модальности и ее аспектов, необходимо дальнейшее изучение данной категории.

Однако многие исследователи считают, что зачастую модальность охватывает слишком большой комплекс явлений, отличающихся по своей функции и

значению, поэтому вполне естественно, «что главное место в истории вопроса о модальности ... занимают попытки уточнить объем названной категории, дифференцировать включаемые в нее семантические отношения, установить иерархию и на указанной основе разработать более или менее четкие критерии модальной классификации предложения» [Распопов 1973: 3]. При этом большинство исследователей в настоящее время сходятся на мнении о том, что наиболее эффективным направлением в исследовании модальности является функциональный подход, поскольку «модальность является категорией, присущей языку только в действии (в речи), и поэтому является самой сущностью коммуникативного процесса. Основание для выделения этой категории – речь, потребности говорящего отразить в процессе общения разные аспекты внеязыковой действительности и его (говорящего) оценку этой действительности» [Гальперин 1981: 115].

§ 2. Языковая модальность в аспекте функционального подхода

2.1. Принципы функциональной грамматики как методологическая основа изучения модальности

Функциональная грамматика ориентирована на описание закономерностей и правил функционирования грамматических единиц, участвующих в передаче содержания высказывания, и включает в себя «описание функций языковых средств не только от средств к функциям, но и в направлении от функций к средствам» [Бондарко 2001: 4]. Особенностью этой грамматики является единство «функционального и структурного аспектов» [Ганиев 2009: 106], а основным элементом ее описания являются собственно конкретные языковые значения (функции). Так, В.С. Храковский указывает, что «исходным пунктом исследования должна служить опора на значение, а результатом исследования должен быть реестр тех формальных средств, которые используются для обозначения данной грамматической функции как в одном и том же, так и в различных языках» [Храковский 1977: 78]. По мнению А.В. Бондарко, функция языковой

единицы – «это свойственная ей в языковой системе способность к выполнению определенного назначения и к соответствующему функционированию в речи; вместе с тем функция – результат функционирования, т. е. реализованное назначение, достигнутая в речи цель» [Бондарко 1983: 8]. Необходимо также добавить, что функциональная грамматика основывается на понимании «грамматического строя языка как исторически и социально обоснованного единства взаимосвязанных категориальных явлений, которое включает в себя не только системные, но также и асистемные явления» [Бондарко 2001: 4].

Функциональный подход, при котором «в центре внимания оказываются отношения и связи объекта как целого с окружающей средой» [Марков 1981: 148], «дает возможность наиболее оптимально раскрыть, объяснить языковые факты в их конкретной реализации, показать средства языковой передачи экстралингвистических ситуаций» [Петровская 1989: 64]. Функциональная грамматика рассматривает функционально-семантические категории как универсальные значения, которые воплощаются при помощи разноуровневых языковых средств и соответствуют основным понятийным категориям. Центральное место среди них занимает категория модальности. Идеи функциональной грамматики открыли новые возможности для исследования языковых средств, формирующих категорию модальности. По верному замечанию С.С. Ваулиной «при подходе, основанном на приоритете формы, не могут быть вполне замечены и учтены те „функциональные“ переливы модальных значений и средств их выражения, которые становятся весьма отчетливыми при функционально-семантическом анализе» [Ваулина 1991: 4]. «Функционально-семантический подход, – указывает М.А. Шевцова, – позволяет свести в единую категорию систему разноуровневых средств выражения модальности» и «рассматривать эти средства как взаимообусловленные» [Шевцова 2011: 1].

Категория модальности с точки зрения функционального подхода рассматривалась многими лингвистами [Бондарко 1971, 1990; Гехтляр 1975, 1996; Беляева 1985, 1988; Ваулина 1988, 1991, 1993; Зайнуллин 1986; Эслон 1987; Макарова 1989; Ляпон 1990; Зеленщиков 1997; Павловская 2001; Пляскина 2001; Чи-

бук 2004; Кошева 2006; Новоженова 2008; Сагалова 2009; Устинов 2009; Алиева 2010; Шевцова 2011 и др.]. Необходимо также добавить, что определенный вклад в разработку функционально-семантической концепции модальности внесли диссертационные работы исследователей БФУ им. И. Канта [Колобкова 1995; Кукса 1997; Федорова 1997; Кочеткова 1998; Суворова 2001; Островерхая 2004; Трофимова 2004; Старовойтова 2006; Гапонова 2007; Лопатюк 2009; Подручная 2010; Ткаченко 2011; Девина 2012; Коковина 2013; Толстая 2013; Пробст 2014].

2.2. Принцип поля как метод исследования модальности

Функциональный подход позволяет изучать модальность как функционально-семантическую категорию, основанную на принципе поля. В нашей работе мы, вслед за А.В. Бондарко, под функционально-семантическим полем будем понимать группировку «разноуровневых средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций и выражающих варианты определенной семантической категории» [Бондарко 2002: 289].

Каждое функционально-семантическое поле включает «систему типов, разновидностей и вариантов определенной семантической категории, соотнесенную с разнообразными формальными средствами их выражения» [ТФГ 1987: 11], при этом поле имеет не только план содержания, но и план выражения. «Будучи системой особого типа, – отмечает Н.А. Тупикова, – полевая структура ... в плане содержания представляет собой многоступенчатую иерархическую систему семантической вариативности, соотносительную с вариативностью средств формального выражения» [Тупикова 1997: 10].

В функционально-семантическом поле устанавливается конфигурация центральных и периферийных компонентов данного поля, а также выделяются зоны пересечения с другими полями [см., например: Адмони 1964: 49-51; Бондарко 1971: 17; Гухман 1968: 172; Гулыга, Шендельс 1969: 117; Новоженова 2010; Тупикова 2013]. Организация полевого принципа осуществляется по определенным критериям, наиболее релевантными среди которых представляются критерии,

предложенные А.В. Бондарко: «а) максимальная концентрация специфических признаков, характеризующих данную группировку (центр) – разреженность таких признаков (периферия); б) максимальная функциональная нагрузка (центр) – уменьшение такой нагрузки (периферия); в) наибольшая специализация данного языкового средства для реализации определенной семантической функции (центр) – меньшая степень специализации (периферия); г) высокая частотность употребления данного языкового элемента (центр) – меньшая употребительность (периферия)» [Бондарко 1972: 20-35]. Таким образом, построение функционально-семантических полей «помогает систематизировать и объединить языковые элементы, имеющие общую семантическую функцию, и выделить те из них, для которых данный семантический признак является преобладающим в ядре семантического поля, а остальные по степени ослабления данного признака расположить на периферии» [Алиева 2010: 18].

Категория модальности «располагает множеством лингвистических форм выражения, в разной степени участвующих в организации синтаксической структуры предложения и текста и вступающих в многоаспектные парадигматические отношения друг с другом» [Зеленщиков 1997: 4], и именно полевой принцип изучения данной категории, использующийся в современных исследованиях [см., например: Ваулина, Кукса 2011; Новоженова 2008; Лопатюк 2009; Толстая 2013; Коковина 2013; Пробст 2014], позволяет в полной мере охватить все средства ее выражения.

Поскольку в нашей работе исследуются средства выражения модальности на материале двух языков, русского и польского, мы затрагиваем не только конкретно-языковой аспект поля, но и универсально-понятийный. Как отмечает Ф.А. Ганиев, «без функциональной грамматики языков невозможно научно достоверное сопоставительное изучение», поскольку «сопоставление с точки зрения формальных средств не дает желаемых результатов, носит поверхностный характер» [Ганиев 2009: 109].

Структура функционально-семантических полей является объектом многих лингвистических исследований, при этом особое внимание уделяется специфике

функционирования единиц, конституирующих данное поле в конкретных высказываниях, особенностям взаимодействия ядерных и периферических элементов, соотношению их значений и функций. Как отмечает Г.А. Кривенко, «адекватный семантический анализ модальности возможен только при учете ее функционирования в речи, в коммуникации, высшей единицей которой является текст. Именно в тексте актуализируются значения всех модальных единиц, в результате синтеза и взаимодействия которых возникает модальный смысл текста, представляющий собой сложное явление, не равное простой сумме модальных значений единиц, составляющих текст» [Кривенко 2011: 51]. В связи с этим безусловную важность имеет понятие категориальной ситуации, которое непосредственно связано с репрезентациями функционально-семантического поля в речи и определяется как «выражаемая различными средствами высказывания типовая содержательная структура, а) базирующаяся на определенной семантической категории и образуемом ею в данном языке функционально-семантическом поле; б) представляющая собой один из аспектов общей ситуации, передаваемой высказыванием, одну из его категориальных характеристик» [Бондарко 1987: 12], в нашем случае модальную. Таким образом, полное описание категории модальности не представляется возможным без учета её коммуникативного аспекта, который подразумевает условия употребления разнообразных форм выражения модальности в конкретных ситуациях.

Применительно к практической значимости нашей диссертации следует отметить, что понятие функционально-семантического поля является также весьма продуктивным и в прикладной, функционально-коммуникативной лингводидактической модели языка [см. об этом: Амиантова и др. 2001]. В практике преподавания иностранного языка, в частности польского и русского как иностранного, функциональный подход позволяет подавать языковой материал «от смысла», когда на занятии даются средства выражения модальности разных уровней.

Категория модальности, с точки зрения функционального подхода, понимается исследователями как широкая семантическая категория, состоящая «из

двух содержательно разнородных модальных пластов»: пропозициональной модальности, связанной «с актуализацией обозначаемого (номинаруемого) события внеязыковой действительности», и «прагматической модальности, реализующей субъективную оценку информации о данном событии» [Ваулина 1993: 17]. Исходя из принципа полевой организации пропозициональной модальности можно представить ее в качестве функционально-семантического макрополя, включающего поле объективной модальности с микрополями реальности / ирреальности и поле ситуативной модальности, состоящее из микрополей возможности, необходимости и желательности. Ситуативная модальность и представляет собой интересующий нас структурно-содержательный фрагмент функционально-семантической категории модальности.

§ 3. Ситуативная модальность как фрагмент функционально-семантической категории модальности

3.1. Вопрос о терминологическом обозначении ситуативной модальности

3.1. Исследуемый тип модальности обозначается в лингвистических работах разными терминами: «внутренняя модальность» [Барышева 1974; Ермолаева 1977: 98], «внутрисинтаксическая модальность» [Золотова 1973: 152; Теремова 1988: 7; Миронова 1979: 4; Аскоченская 1998а: 23], «лексическая модальность» [Бондарко 1971: 47; Svetlik 1973: 127], «вторичная модальность» [Филипповская 1978: 42], «субъектная модальность» [Ломов 1977: 51], «потенциальная модальность» [Беляева 1985: 33], «предметная модальность» [Пете 1970: 219; Рудник 1977: 6; Дронова 2006а: 24; Ваулина 1988]². В своем диссертационном исследовании мы используем термин «ситуативная модальность», предложенный Е.Е. Корди [Корди 1982], поскольку данный термин, как верно замечают авторы коллективной монографии «Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность», позволяет в рамках модальности, квалифицируемой как

² Обзор существующих точек зрения относительно обоснованности употребления данных терминов см., например: Ваулина 1988: 16-18, 1993: 19-22; Беляева 1985: 32-33.

«устанавливаемое говорящим отношение содержания высказывания к действительности», акцентировать внимание на «оценке обозначаемой в высказывании ситуации с точки зрения ее возможности, необходимости или желательности» [ТФГ 1990: 67]. Поддержкой в правомерности нашего выбора данного термина может служить также мнение С.С. Ваулиной о том, что он является наиболее адекватным, ведь, «акцентируя внимание на участниках того события, фиксация которого осуществляется в рамках соответствующего высказывания», он подчеркивает «пропозициональный план рассматриваемой модальности» [Ваулина 1993: 21]³. Кроме того, именно данный термин получил в настоящее время наиболее широкое употребление в работах специалистов по модальности [см., например: Ваулина 1996, 2006; Островерхая 2004; Лопатюк 2009; Ткаченко 2011; Толстая 2013 и др.].

3.2. Вопрос о составе значений ситуативной модальности

Другим дискуссионным моментом, часто возникающим при исследовании ситуативной модальности, до сих пор остается вопрос о составе значений, включаемых в ее семантический объем. Как отмечают С.С. Ваулина и О.Л. Кочеткова, «признавая за модальностью статус семантической категории и рассматривая ее как некоторое единство языковых значений, к последним неизменно относят значение возможности, которое находится в семантической оппозиции к другим, не всегда столь же бесспорно выделяемым субкатегориям пропозиционального модального уровня» [Ваулина, Кочеткова 2010: 93]. Так, далеко не все исследователи категории модальности, к которым, прежде всего, относятся представители так называемого узкого подхода, рассматривают значение желательности в качестве компонента ситуативной модальности. Например, В.З. Панфилов, считает, что объективная модальность отражает «характер объективных связей, наличных в той или иной ситуации, на которую направлен познавательный акт, а именно связи возможные, действительные и необходи-

³ Попутно отметим, что в своих ранних работах по модальности применительно к данному модальному фрагменту С.С. Ваулина использовала термин «предметная модальность» [см., например: Ваулина 1988, 1991].

мые» [Панфилов 1977: 39], при этом глаголы типа *хотеть*, *желать* и т. п. «своими лексическими значениями не указывают на характер объективных связей и, следовательно, не выражают модальных значений» [Там же: 40; см. также: Бондаренко 1979; Небыкова 1981].

По мнению Анны А. Зализняк «желательность» является одним из аспектов категории оценки [Зализняк 1984: 86-87]. Согласно Е.В. Алтабаевой, средства выражения значения желательности «формируют отдельное функционально-семантическое поле оптативности», при этом желательность выражает отношение к действительности «как к желательному событию, явлению», а оптативность представляет собой «совокупность средств выражения желательности в языке» [Алтабаева 2003: 21].

Особое внимание определению статуса значения желания уделяет В.А. Плунгян, по мнению которого, данное значение сочетает в себе оценочную и ирреальную модальности. «Если ‘X хочет Р’, то это значит, что, во-первых, Р не принадлежит реальному миру (человек, как известно, может хотеть только того, чего не существует), а, во-вторых, что X положительно оценивает Р (человек хочет того, что считает хорошим). В отличие от необходимости и возможности, – пишет ученый, – желание способно приписываться как субъекту ситуации (‘X хочет Р’), так и говорящему (‘я хочу, чтобы Р’)» [Плунгян 2000: 316].

Ф.Р. Палмер трактует ситуативную модальность как «отношение говорящего к возможному событию в будущем», причем данная модальность «зависит только от объективной действительности и не связана с мысленными представлениями говорящего» [Palmer 2001: 111-112]. Исследователь разделяет ситуативную модальность на «деонтическую, при которой факторы, влияющие на осуществление ситуации, являются внешними», и «динамическую, при которой данные факторы являются внутренними» [Там же: 112-113]. При этом в деонтическую модальность он включает «разрешение, долженствование, обязательство», а в динамическую – «возможность и желание» [Там же: 112-113]. Критикуя данное понимание ситуативной модальности, А.П. Выдрин утверждает, что данное определение не охватывает всех случаев модальности, и считает неубе-

дательным «ограничение динамической модальности только значениями возможности и желания, без включения в нее значения необходимости» [Выдрин 2011: 39].

С.С. Ваулина, обращаясь к философским определениям соответствующих значений, делает вывод о том, что желательность как предрасположенность субъекта к образованию соответствующих связей субъекта действия и действия может быть одним из условий реализации возможности и в этом случае желательность соотносится с необходимостью, которая является одним из способов превращения возможности в действительность [Ваулина 1993: 25-26]. Отдавая должное логике данного вывода, мы в своем исследовании выделяем в рамках ситуативной модальности значения действительности⁴, возможности, необходимости и желательности.

3.3. Вопрос о семантическом объеме значений ситуативной модальности

3.3.1. Ситуация возможности «базируется на семантике потенциальности» [Овсейчик 2004: 5] и является «объективной тенденцией становления предмета [действия. – Е.М.], которая выражается в наличии условий для его возникновения» [ФЭС: 87]. Возможность понимается как «хотя и реально существующая, но скрытая тенденция данной действительности» [Антонова 2007: 9], она «определяет, программирует один из вариантов дальнейшего развития ситуации» [Ваулина, Федорова 2010: 115].

План содержания микрополя возможности формируется комплексом частных значений, характеризующих отношения между субъектом действия и действием. При этом условия, определяющие характер этих отношений, могут быть как не зависящими от субъекта, так и непосредственно связанными с ним, вследствие чего принято разграничивать возможность объективную и субъективную [подробнее об этом см. Ваулина 1988: 29 – 30]. Вслед за С.С. Ваулиной,

⁴ При этом данное значение мы не рассматриваем специально, поскольку оно выражается теми же средствами, что и значения объективной модальности (реальность / ирреальность) – формами глагольного наклонения.

мы выделяем следующие частные значения объективной возможности: '(не) иметь возможность выполнить действие', '(не) иметь право выполнить действие'. В качестве частных значений для субъективной возможности мы рассматриваем значения '(не) быть в состоянии выполнить действие', '(не) иметь способность выполнить действие' [Ваулина 1988: 30].

3.3.2. Микрополе необходимости в рамках общей функционально-семантической категории модальности и ее отдельных ситуативных фрагментов отличает волюнтативный и безальтернативный характер, значение непременно-го превращения потенциального в актуальное. Модальность необходимости «обозначает отношения, устанавливаемые между субъектом и содержанием высказывания, которое мыслится как необходимое под влиянием разнообразных факторов: социальных норм, обстоятельств, жизненных законов и др.» [ТФГ 1990: 142-143]. Как отмечает Е.А. Загородская, «концептуальное значение необходимости как неизбежность, обязательность реализации какого-либо действия» «получает специфическое звучание в каждом конкретном высказывании» [Загородская 2001: 213]. Именно поэтому анализ ситуаций необходимости, «неких типовых структур, служащих актуализации модального значения необходимости» [Бондарко 1983: 99-100], дает возможность определить разнообразие смысловых оттенков необходимости и языковых средств выражения данного значения.

Модальное значение необходимости реализуется в ситуациях, при которых «перед субъектом стоит проблема не выбора, а, скорее, согласования собственной воли с „волей” объективных обстоятельств, не позволяющих ему проявлять инициативу, направляющих его деятельность в строго определенное (единственно возможное) русло» [Кочеткова 1998: 15]. Таким образом, в большинстве своем условия, устанавливающие соответствующие связи субъекта и действия, определяются «какими-либо общественными, юридически оформленными законами, традициями, обстоятельствами и т.п.» [Ваулина 1993: 23], т.е. объективными факторами. Однако, как замечает С.С. Ваулина, необходимость соответствующей связи субъекта и действия может также «обуславливаться внут-

ренными законами долга, которые можно квалифицировать как объективно-субъективные законы» [Там же]. Следуя логике данных рассуждений исследователя, мы, вслед за С.С. Ваулиной, выделяем ряд частных значений необходимости. Так, применительно к объективной необходимости мы рассматриваем значение «вынужденности, связанной с обязательностью выполнения общепринятых законов, как правило юридического характера или подчинения каким-либо внешним обстоятельствам», значение «неизбежности, связанной с наличием неотвратимых, находящихся вне сферы влияния субъекта обстоятельств», а к частным значениям объективно-субъективной необходимости относим значение «долженствования, связанного с наличием обуславливающих факторов морально-этического порядка», и значение «потребности, основанной на квалификации необходимого для выполнения действия как полезного, нужного и, стало быть, в значительной мере желательного для субъекта» [Ваулина 1991: 21]. Кроме того, вслед за О.А. Толстой [Толстая 2013: 92], считаем целесообразным выделение в значении долженствования две его разновидности: общее долженствование (закрепленные в социальной практике, общепринятые нормы, а также действие, которое «намечено, запланировано, предопределено» [ТФГ 1990: 151]), и частное долженствование, детерминируемое понятием морального долга субъекта, существующего «независимо от воли его носителя или каких-либо посторонних лиц» [Булыгина, Шмелев 1991: 114 – 121].

3.3.3. Значение желательности, в отличие от других значений ситуативной модальности, реализуется в отношениях субъекта и действия, в основе которых лежат «причины внутреннего, субъективного характера» [Ваулина 1988: 69]. Как отмечает Е.А. Жук, «желание является мотивом всех произвольных невынужденных действий субъекта и занимает центральное место в системе атрибутов психики человека» [Жук 1994: 6].

«Желание, – указывает С.С. Ваулина, – это осознанное ощущение какой-либо внутренней потребности субъекта, которое неизменно связано с намерением, стремлением, попыткой удовлетворить данную потребность» [Ваулина 1988: 20; см. также Алтабаева 2003: 428].

Вслед за С.С. Ваулиной, в качестве частных модальных значений желательности мы выделяем следующие: 1) 'иметь желание выполнить действие', обозначающее желание в его общем проявлении; 2) 'иметь стремление выполнить действие', обозначающее интенсивное желание; 3) 'иметь намерение выполнить действие', обозначающее обдуманное желание; 4) 'пытаться выполнить действие', обозначающее желание с указанием на попытку осуществления желания [Ваулина 1988: 69].

При этом важным для нашего исследования представляется замечание С.С. Ваулиной о том, что «желание субъекта осуществить действие может служить основой для возможной реализации последнего, что, в свою очередь, свидетельствует об определенной подчиненности значения желательности значению возможности и создает случаи соответствующих модальных взаимоотношений, которые могут прослеживаться в частном значении '(не) быть в состоянии выполнить действие'» [Там же: 69 – 70].

§ 4. Модальность как категория текста

Исходя из положения о том, «что доступным наблюдению язык является в форме текста...» [Hartmann 1972: 1], считаем важным рассмотреть некоторые вопросы модальности как текстовой категории, имеющие непосредственное отношение к нашей работе.

Как известно, текст создается «ради того, чтобы объективировать мысль автора, ... предать знания и представления о человеке и мире, вынести эти представления за пределы авторского сознания и сделать их достоянием других людей» [Бабенко, Казарин 2004: 13]. При этом Е.Т. Горбунова обращает внимание на необходимость изучения коммуникативно-целевой семантики текста, на особую роль установки автора, которая «определяет не только отнесенность произведения к тому или иному литературному роду и жанру, но и выбор лексико-грамматического материала, актуального для выражения интенции автора» [Горбунова 2012: 8]. Н.Д. Арутюнова связывает важность исследования комму-

никативного содержания высказывания с «возросшим интересом к субъективному фактору» [Арутюнова 1981: 356-357].

А.В. Бондарко соотносит понятие интенциональности с исследованием языковых значений в высказывании и целостном тексте. «Имеется в виду, – отмечает ученый, – связь языковых значений с намерениями говорящего, с коммуникативными целями речемыслительной деятельности, т.е. способность содержания, выражаемого данной языковой единицей, в частности, грамматической формой (во взаимодействии с ее окружением, т.е. средой), быть одним из актуальных элементов речевого смысла» [Бондарко 2001: 5]. Нас интересует, что «хочет сказать, выразить говорящий с точки зрения отношения обозначаемых ситуаций к смыслам, которые охватываются различными категориями» [Бондарко 2001: 5], в том числе и модальностью. Н.С. Валгина также замечает, что «семантико-структурная и коммуникативная организация текста осуществляется в результате следования некоторым правилам, среди которых немаловажную роль играет выбор ... типа модальности» [Валгина 2003: 51]. Исходя из этого, особое внимание исследователей привлекают текстообразующие категории, «которые активно участвуют в создании речевых произведений» [Хачецукова 2010: 222].

Текстообразующие категории «отвечают за создание смыслового пространства, называемого речевым смыслом» [Гусева 2006: 3], т.е. «это не только и не столько та информация, которая закодирована теми или иными языковыми средствами, но и вся та информация, которая может быть передана с его помощью и быть извлечена из него благодаря знанию коммуникаторов о мире, друг друге, о ситуации общения и т.п. не собственно лингвистическими знаниями» [Кобозева 2000: 200].

«Функциональная предназначенность категории модальности, – указывает Т.В. Романова, – состоит в обеспечении единства и целостности текста как системы. Эта категория играет исключительно важную роль в организации текста, выступая как логико-композиционный компонент высказывания» [Романова 2003: 22]. При этом автор акцентирует внимание на том, что на уровне текста модальность «обладает более своеобразным набором средств выражения по

сравнению с другими текстовыми категориями, а в крупных текстах – сложным взаимодействием средств актуализации модальных значений» [Там же].

Установление специфики функционирования средств выражения модальности является одной из актуальных исследовательских задач, решение которой позволит определить статус данной категории на уровне текста. При этом важно учитывать функционально-стилистические особенности текстов, которые напрямую соотносятся с выбором лексико-грамматического материала.

§ 5. Проблематика функциональных стилей

Среди работ по стилистике заметное место занимают исследования Л.В. Щербы, В.В. Виноградова, М.М. Бахтина, Г.О. Винокура, Б.В. Томашевского, Ю.С. Степанова, Б.Н. Головина, О.Б. Сиротининой, М.Н. Кожиной, О.А. Крыловой, Г.Я. Солганика и мн. др. Как отмечает М.Н. Кожина, развитию учения о функциональных стилях способствовал «поворот языкознания от структурной парадигмы к коммуникативно-функциональной, которому, в свою очередь, содействовала функциональная стилистика» [СЭС 2003: 582].

Одним из существенных параметров любого текста является его принадлежность к определенному стилю. По определению В.В. Виноградова, стиль языка – это «семантически замкнута, экспрессивно ограниченная и целесообразно организованная система средств выражения, соответствующая тому или иному жанру литературы или письменности, той или иной сфере общественной деятельности» [Виноградов 1946: 225]. Приведем также определение, данное Ю.С. Степановым, в котором особо подчеркивается соотнесенность стиля языка «со всеми сферами человеческой деятельности, что обеспечивает все основные типы общественной информации» [Степанов 1976: 50–51]. Ю.С. Степанов пишет, что функциональный стиль – «это исторически сложившаяся, осознанная обществом подсистема внутри системы общенародного языка, закрепленная за теми или иными ситуациями общения (типичными речевыми ситуациями) и ха-

рактирующая набором ... средств выражения и скрытым за ним принципом отбора этих средств из общенародного языка» [Степанов 1985: 38].

Следует заметить, что исследователи неизменно выделяют в качестве функциональных стилей публицистический (газетно-публицистический), научный и официально-деловой, которые находятся в некоторой оппозиции к художественному стилю, не всегда столь же бесспорно выделяемому. При этом многие специалисты указывают на правомерность выделения языка художественной литературы в качестве функционального стиля. Так, например, М.Н. Кожина полагает, что «выведение художественной речи за пределы функциональных стилей обедняет наше представление о функциях языка» [Кожина 1983: 49]. Автор утверждает, что основной функцией художественной речи является эстетическая, а «использование языка в эстетической сфере – одно из высших достижений литературного языка, и от этого ни литературный язык не перестает быть таковым, попадая в художественное произведение, ни язык художественной литературы не престаёт быть проявлением литературного языка» [Там же]. «Язык художественной литературы, – пишет Б.Н. Головин, – соотнесен с художественной, эстетической деятельностью людей, занимающей в современном обществе свое особое место в системе деятельности» и «с образно-эмоциональной и эстетической работой сознания и мышления» [Головин 1978: 115]. Исходя из этого, ученый делает вывод, что язык художественной литературы «рядоположен другим стилям языка как по соотнесенности с типами социальной деятельности, так и по соотнесенности с типами работы сознания» [Там же: 116]. Правомерность выделения среди функциональных стилей художественного стиля речи отмечают также И.Р. Гальперин, Э.Г. Ризель, К.А. Долинин, О.Б. Сиротина, Й. Мистрик, К. Гаузенблас и др. [Гальперин 1954; Ризель 1961; Долинин 1978; Сиротина 1986; Mistrík 1970; Hausenblas 1962].

В свою очередь, другие специалисты полагают, что невозможно говорить о едином художественном стиле, поскольку, как отмечает И.В. Арнольд, «литературная норма стилистически нейтральна и используется в художественной литературе в разных сочетаниях с различными функциональными стилями, при-

чем художественный эффект часто зависит именно от столкновения стилей» [Арнольд 2002: 172]. На это же указывал и В.В. Виноградов, считавший, что «язык художественной литературы не вполне соотносителен с другими стилями», «он использует их, включает их в себя, но в своеобразных комбинациях» [Виноградов 1972: 22].

А.В. Федоров обращает внимание на то, что принцип отбора и организация языковых средств зависят от общих идейно-художественных воззрений писателя, от идейного замысла произведения, его литературного жанра, они органически связаны «с содержанием произведения и часто отличаются огромной сложностью» [Федоров 2002: 38]. Близкое понимание статуса художественного стиля в общей системе функциональных стилей мы находим в работах Е.В. Одинцова, О.А. Одинцовой, квалифицирующих его как «особую сферу, в которой раскрываются изобразительные ресурсы языка и в которой языковые средства живут по специфическим законам художественного творчества» [Одинцов, Одинцова 1997: 149]. По словам Д.Н. Шмелева, «научная, официально-деловая и публицистическая речь регулируются нормами общелитературного языка, составной частью которого они являются, язык художественной литературы включает в себя такие средства и способы выражения, оценка которых с точки зрения норм литературного языка недостаточна» [Шмелев 1977: 34].

Общепризнано также, что определяющей для художественного стиля является эстетическая функция, которая в других разновидностях стиля если и проявляется, то является не главной. В этом смысле художественный стиль не стоит в одном ряду с функциональными стилями, которые в первую очередь выполняют «практическую функцию языка, функцию передачи информации, функцию общения» [Горшков 2006: 319]. Целый ряд исследователей [см., например: Степанов 1952; Федоров 1971; Троянская 1978; Михель 1980; Баженова 2009; Максимов 1976; Шмелев 1977; Бондалетов 1989, 1995; Мещерский 1967] также рассматривают язык художественной литературы как явление особого рода, которое нельзя поставить в один ряд с функциональными стилями.

С учетом вышесказанного в своей работе мы будем придерживаться мнения тех исследователей, которые не рассматривают художественный стиль речи в общей системе стилей «в связи с присущим ему своеобразием» [Розенталь 1977: 23]. Материалом для нашего исследования послужили тексты научного, официально-делового и газетно-публицистического стилей, которые фиксируются практически во всех работах по стилистике и о включении которых в систему функциональных стилей не возникает разногласий.

Общеизвестно, что каждый функциональный стиль отражает определенную сторону общественной жизни, имеет особую сферу применения, а также имеет общую установку, главную задачу речи. Эти экстралингвистические признаки определяют языковой облик функциональных стилей.

Так, для научного стиля, «задачу которого можно определить как доказательство тех или иных положений» [Гальперин 1954: 79], характерны «объективность и некатегоричность, т.е. взвешенность и соразмерность оценок, обобщенность, подчеркнутая логичность и доказательность, точность, ясность, а также сфокусированная коммуникативная направленность на адресата, т.е. диалогичность изложения» [Чернявская 2005: 22], а «отступления от них могут носить лишь частный характер» [Васильева 1981: 67].

Интересно заметить, что В.Е. Чернявская, вслед за М.П. Котюровой [Котюрова 1988, 1996] и Е.А. Баженовой [Баженова 2001], разделяет идею детерминированности «смысловой структуры научного текста сложным комплексом субъектно-объектных отношений научно-познавательной деятельности и ее продукта – научного знания» [Чернявская 2005: 23]. При этом субъектный компонент «научной деятельности раскрывают антропоцентрические составляющие эпистемической ситуации», которая определена как результат осознания субъектом текстовой деятельности трех основных аспектов познавательной деятельности: онтологического, методологического и аксиологического [Чернявская 2005: 23-24].

Говоря об исследованиях, существующих по модальности научного текста, следует заметить, что ученые выделяют некоторые особенности выражения

данной категории в указанном стиле речи и выявляют значимость языковых средств выражения модальности в осуществлении эффективной передачи научной информации [см., например: Родионова 2007, Пуховская 1995, Миронова 1991, Мильруд 2009, Н.С. Золотова 2007].

Задачей официально-делового стиля является «достижение договоренности об условиях взаимных отношений, прав, обязанностей и пр.» [Гальперин 1954: 79], что определяет собою наличие своеобразной системы взаимообусловленных средств выражения. В.Г. Хартавакян отмечает, что официально-деловой стиль является наиболее стандартизованным и формализованным из всех функциональных стилей [Хартавакян 2011: 294].

Многие исследователи в зависимости от сферы использования деловых текстов подразделяют официально-деловой стиль на несколько подстилей или разновидностей, а именно законодательно-правовой, юридический и административно-распорядительный, считая при этом ядром, центром официально-делового стиля именно последний подстиль [Колтунова 2000; Функциональные стили... 1993; Pierzchała 2009]. При этом для всех разновидностей данного стиля являются общими «стандартизация, использование речевых стереотипов, лексическое однообразие, максимум простоты и прозрачности синтаксических отношений в предложениях при неизбежно громоздких синтаксических конструкциях из-за наличия в них однородных членов, причастных и деепричастных оборотов» [Кузнецова 2007: 68].

Официально-деловой текст «направлен на создание прагматического эффекта, определяемого как специфический вид воздействия, заключающийся в побуждении адресата к совершению определенного действия» [Комлева 2003: 5], а также передает «определенные нормы поведения, рекомендации и запреты», «воплощает волеизъявление законодателя в языке» [Сологуб 2009: 226] с помощью конструкций объективной модальности. При этом многими исследователями неоднократно отмечалось, что основной модальной характеристикой текстов официально-делового стиля является модальность необходимости [Кутяева 2006; Гребнева 2004; Комарова 2000; Руберт 1996; Мартыненко 1988; Максимов

1984]. Ряд польских лингвистов также указывает на особенности реализации категории модальности в официально-деловых документах, например, Й. Гжелак полагает, что для данных текстов «первостепенное значение имеет деонтическая модальность» [Grzelak 2010: 89] «повествовательных предложений, в которых действие лица квалифицируется с точки зрения определенной нормы» [Ziemiński 1994: 127], данные нормы регулируют поведение людей. С. Вронковска и З. Зембиньски называют такую квалификацию правовой модальностью [Wronkowska, Ziemiński 2001: 100].

Следует добавить, что официально-деловой стиль является одним из наиболее динамично развивающихся. Его динамика «связана в значительной мере с изменениями в социально-экономической и политической сферах» [Кушнерук 1999: 41], поскольку формирование данного стиля «неразрывно связано с формированием законов, обязывающих в каком-либо государстве в определенное время» [Malinowski 2006: 373].

Необычайно возросшая роль средств массовой информации в современном мире обусловила возрастание значения газетно-публицистического стиля в системе функциональных стилей литературного языка. Газетно-публицистический стиль «открыт для элементов официально-делового и научного стилей, в нем находят применение разговорные способы выражения и нередко используются художественные средства (в частности, образность)» [Горшков 2006: 272].

Тематическая неограниченность данного стиля определяет широту и разнообразие лексики, при этом выбор языковых средств во многом определяется их «социально-оценочными качествами и возможностями с точки зрения эффективного воздействия на аудиторию» [Солганик 2006: 313]. Как отмечает М.А. Кормилицына, авторы текстов современных СМИ представляют читателю свое видение и оценку проблемы и при этом «убеждают в справедливости своего мнения, максимально воздействуя на интеллект и эмоции адресата» [Кормилицына 2008: 151]. Одним из способов информирования читателя о реальности описываемого события, а также демонстрации автором своего отношения к сообщаемому является использование конструкций объективной и субъективной

модальностей. Не случаен поэтому возросший интерес исследователей к изучению модальности на материале публицистических текстов [см., например: Матвеев 2003; Демидова 2005; Сон 2009; Ткаченко 2011; Ранинен 2011; Зекиева 2012; Пробст 2014].

В связи с вышесказанным представляется перспективным исследование модальности в различных типах текстов с учетом их функционально-стилистических особенностей, что позволяет сделать определенные обобщения на уровне языка.

§ 6. К вопросу о сопоставительных исследованиях

Сопоставительное изучение языков традиционно является актуальным направлением в современном языкознании, поскольку оно позволяет выявить те особенности, которые «ускользают при внутриязыковом описании» [Жук 1994: 3]. В.Г. Гак называет сопоставление одним из основных методов изучения языка [Гак 1976: 5], а Р.А. Будагов отмечает, что именно сопоставительные исследования дают возможность тщательно изучить особенности каждого национального языка, осмысляя при этом и «универсальные тенденции, свойственные данному языку или данным языкам» [Будагов 1980: 4]. По образному выражению Ю.С. Степанова, именно сопоставительные исследования вскрывают «существующие в каждом языке словарные пробелы, „белые пятна” на семантической карте языка, незаметные изнутри, например, человеку, владеющему только одним языком» [Степанов 1965: 120]. По мнению Е.М. Кубарева, «сопоставление с иностранным языком ... оказывается полезным при рассмотрении неясных случаев, пограничных или переходных явлений» [Кубарев 1963: 110].

При наличии многочисленных работ, посвященных сопоставительным исследованиям, следует отметить недостаточное внимание к изучению в сопоставительном аспекте близкородственных языков, в то время как именно подобные исследования необходимы именно потому, что «внутри, казалось бы, внешне сходного „набора” грамматических категорий функциональные различия и расхождения оказываются весьма значительными и вместе с тем очень тонкими»

[Будагов 1980: 7]. А.А. Реформатский также подчеркивает, что для сопоставительного метода близкородственные языки представляют особый интерес, поскольку «отождествление своего и чужого там „лежит на поверхности”, но это именно и есть та провокационная близость, преодоление которой таит в себе большие практические трудности» [Реформатский 1987: 41].

Как полагает А.Г. Широкова, «при сопоставительном описании генетически родственных языков изучение функционального плана совершенно необходимо, так как в этих случаях наибольшее число различий представлено именно на уровне функционирования» [Широкова 1998: 20]. При этом автор справедливо утверждает, что функциональный метод исследования «позволяет детально изучить не только сходства и различия в способах выражения одних и тех же содержательных категорий, но и делает также возможным выявление их дистрибуции, комплементарности средств реализации функционально-семантических категорий, конкуренции синонимических средств выражения» [Широкова 1998: 37].

Р.А. Будагов также отмечает необходимость функционального подхода при сопоставительном анализе. По мнению ученого, «лишь такая позиция может приблизить лингвиста к пониманию подлинных сходств и подлинных несходств между языками» [Будагов 1980: 4]. «Каждая черта языка, каждая его особенность, – указывает Р.А. Будагов, – должны осмысляться функционально. Важен удельный вес каждой категории» [Там же: 8]. А.В. Бондарко указывает на то, что при функциональном походе понятия функционально-семантического поля и категориальной ситуации дают основу для соотнесения общего и различного в изучаемых единствах. «Функционально-семантические поля, – отмечает ученый, – в разных языках, связанные с одной и той же семантической категорией, могут существенно различаться по своей структуре» [Бондарко 2002: 296]. С.А. Рылов отмечает важность при сопоставлении близкородственных языков функционального аспекта, который необходимо предполагает изучение границ употребления различных языковых единиц и категорий, «способов их организации в речевых разновидностях неодинаковой стилиевой отнесенности, в реаль-

ных условиях функционирования славянских языков на современном синхронном срезе» [Рылов 2010: 698].

В связи с вышесказанным представляется весьма закономерным интерес ученых к исследованию близкородственных языков, и в частности славянских, в сопоставительном аспекте [см., например: Бабанов 1985; Козлова 1993; Косенко 1993; Ананьева 1998, 2004, 2009; Тираспольский 1999; Полонский 2000; Шкапенко 2000; Уразова 2003; Маслова 2004; Мельниченко 2004; Шорохова 2007; Стефанский 2009 и др.].

Известно, что объектом исследования в сопоставительной лингвистике могут являться различные элементы языка, прежде всего лексика, «обращение к которой открывает перспективы выхода на культурологические, в том числе этнокультурные, аспекты» [Островерхая 2010: 276]. Как отмечает К. Хейл, «естественно искать следы культурного развития и совершенствования в лексических структурах языка» [цит. по: Вежбицкая 1996: 71]. А. Вежбицкая, присоединяясь к этому бесспорно справедливому, по ее словам, суждению, дополняет его, утверждая, что «культурное развитие отражается не только в лексических, но и в грамматических структурах» [Вежбицкая 1996: 72]. При этом, как отмечает А.В. Бондарко, «для сопоставительного изучения славянских языков, характеризующихся значительной мерой общности в структуре анализируемых полей и ситуаций, особое значение имеет выявление различий в типах употребления грамматических единиц, определение эквивалентности / неэквивалентности сопоставляемых типов и вариантов функционирования форм и конструкций» [Бондарко 2002: 296].

А. Вежбицкая обращает внимание на то, что при сопоставительном анализе необходимо учитывать не только разработанность словаря, который, «несомненно, представляет собой ключевой показатель специфических черт различных культур», но и частотность употребления слов [Вежбицкая 2001: 30-31]. В.Н. Манакин указывает также на целесообразность обращения к истории тех или иных языковых фактов при сопоставительный анализ генетически родственных языков, поскольку считает, что на структурном и в особенности на се-

мантическом уровне данный анализ «всегда глубже и интереснее, если показ современных различий сопровождается необходимыми историческими комментариями, которые дают информацию о том, как из общего появились различия» [Манакин 2004: 18].

Не менее важную роль в сопоставительных исследованиях играют также универсальные понятийные категории, «определяемые концептуальной общностью между языками, связью языка с мышлением, общим для всех людей» [Тренина 1998: 192]. Как указывает А.В. Голованова, «всеобщий характер языковых универсалий обусловлен, во-первых, единством материального мира, а во-вторых, едиными закономерностями человеческого познания и мышления» [Голованова 2002: 76]. При этом важно отметить, что, поскольку «язык представляет собой форму индивидуального поведения и одновременно форму общественной культуры, универсалии дают возможность ... сформулировать выводы относительно человеческой культуры в целом» [Гринберг и др. 1970: 31].

В контексте вышесказанного заслуживает несомненного внимания мнение И.И. Мещанинова по вопросу определения статуса понятийных категорий, которые, с точки зрения ученого, «... служат тем соединяющим элементом, который связывает, в конечном итоге, языковой материал с общим строем человеческого мышления» [Мещанинов 1948: 15]. Именно к числу таких категорий относится модальность, которая «выражает комплекс сложных смысловых отношений высказывания с внеязыковой действительностью» [Дешериева 1987: 42] и «в сфере которой находится каждое предложение любого языка, независимо от характера его типологии» [Там же].

В настоящее время исследование категории модальности в сопоставительном аспекте является одним из актуальных направлений [см., например, Нур 1995; Громоздова 2000; Попова 2000; Базалина 2001; Яковлев 2002; Зятькова 2003; Демидова 2005; Трошина 2008; Лопатюк 2009; Островерхая 2008, 2010; Толстая 2013; Коковина 2013; Ваулина, Лашкова 2013, 2014], что обусловлено «стремлением исследователей создать общую типологию языков на базе изучения разноуровневых лингвистических универсалий» [Ваулина 2004: 201].

Сопоставительный анализ способствует установлению эквивалентных элементов различных языковых систем, предоставляет широкие возможности для выявления тех особенностей функционирования модальных экспликаторов, которые остаются незамеченными при обособленном изучении славянских языков, и позволяет определить причины расхождений между ними. При этом, как отмечает В.Ф. Аскоченская, сопоставление русского и польского языков «помогает яснее осознать грамматические возможности и своеобразие родного языка, позволяет оценить его богатство и гибкость» [Аскоченская 1998: 18]. В свою очередь отражение национальной культуры в языке, по мысли В.Г. Гака, «может иметь двоякий характер: статический и динамический. Статический аспект заключается в значениях слов, грамматических форм и конструкций, динамический – в их употреблении в высказывании» [Гак 2000: 54]. Наша диссертация охватывает как статический, так и динамический аспекты, поскольку, рассматривая значения модальных экспликаторов, мы также обращаем свое внимание на употребление их в высказывании, реализуя тем самым принцип функционального подхода.

Глава II. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ СИТУАТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Предварительные замечания

Как нами отмечалось выше, ситуативная модальность, «которая предполагает наличие семантического звена, координирующего связь субъекта и действия» [Ваулина 2006: 190], с точки зрения функционально-семантического подхода основана на полевом принципе, что позволяет квалифицировать как модальные не только лексические модификаторы с зависимым инфинитивом, но и различные элементы грамматического контекста «при наличии некоторого семантического инварианта» [Бондарко 1983: 44] в значениях данных языковых средств. Так, в модальном поле ситуативной модальности выделяются микрополя возможности, необходимости и желательности, представляющие собой «минимальный элемент поля функционально-семантической категории» модальности [Бондарко 1971: 68] и обладающие «самостоятельностью в плане содержания и в плане выражения» [Там же]. В предложениях (высказываниях) основное модальное значение «обогащается, уточняется, дифференцируется разнообразными дополнительными модальными значениями или оттенками» [Золотова 1962: 78], что обуславливает наличие совмещенных межполевых значений. Для нашего исследования представляется важным показать, как представлены элементы микрополей возможности, необходимости и желательности в высказывании, как они реализуются и взаимодействуют друг с другом, «включаясь в содержание высказывания» [Бондарко 1983: 45]. При этом в каждом из данных микрополей устанавливаются конфигурации центральных и периферийных компонентов. Важным также представляется проследить соотношение функционально-стилистических особенностей текстов с выбором языковых средств, относящихся к исследуемым микрополям.

§ 1. Микрополе возможности

1.1. Центральная зона микрополя возможности

В качестве конstituентов центральной зоны микрополя возможности в русском языке выступают наиболее частотные, обладающие емкой модальной семантикой и стилистически не маркированные модальные модификаторы: глагол *мочь*, предикативы *можно* и *нельзя* в сочетании с зависимым инфинитивом, частотность функционирования которых в рассматриваемом микрополе составляет 51,9 % ⁵.

Доминантой центральной зоны микрополя возможности является глагол *мочь* ‘быть в состоянии, в силах что-л. делать; иметь возможность что-л. делать’ (БАС; МАС), частотность функционирования которого составляет 38,3%. Столь широкая употребительность модального глагола *мочь* обусловлена, как отмечает С.С. Ваулина, его «принадлежностью к древнейшим пластам лексики, восходящим к индоевропейскому языку-основе и имевшим устойчивую семантику» [Ваулина 1993: 38]. Согласно этимологическим словарям, данный глагол восходит к и.-е. основе *māgh* ‘быть в состоянии’, ‘быть в силе’ (Сл. Фасмера; Сл. Черных). На доминантное положение глагола *мочь* в микрополе возможности русского языка указывают и другие исследователи, например, А.В. Бондарко, Е.И. Беляева и Л.А. Бирюлин, отмечающие, что модификатор *мочь* отличается «от всех остальных единиц поля широтой семантического объема и способностью выразить все типовые ситуации и их варианты» [ТФГ: 141]. Заметим также, что в словаре «Лексические минимумы современного русского языка» [Сл. Морковкина 1985] глагол *мочь* входит в первый градуальный минимум, а именно в пятьсот самых употребительных слов русского языка.

Глагол *мочь*, выступая в различных контекстах, передает весь спектр модальной семантики возможности. Ср.:

– Значение ‘(не) иметь возможность выполнить действие’: «Перевод – необычайно сложное искусство, но именно в этом случае *носитель* иного языка и

⁵ Здесь и далее количество процентов рассчитывается от общего количества функционирования модальных модификаторов в рамках каждого из рассматриваемых микрополей.

иной культуры *может* в идеальной форме *получить* то, что переводимый поэт хотел выразить в произведении» (Аста 12, с. 178); «В громком скандале с «Оборонсервисом» Анатолий Сердюков действительно засветился по полной. И если он сам непричастен к аферам, которые крутили его подчиненные, *отговориться* незнанием *он не может* ни в каком варианте» (КП, 06.10.2012); «Лингвистический анализ *может* проводиться на уровне слогана, и в этом случае возможно обнаружение функциональных и структурных особенностей языковых единиц, характерных именно для данного текста» (Аста 12, с.222).

При реализации данного частного значения в высказывании могут указываться условия, способствующие или препятствующие выполнению действия. Ср.: «Канцлер Германии Ангела Меркель *могла упасть* при катании на лыжах *из-за их плохого состояния*» (РГ, 06.01.2014); «Это средние показатели. *Они могут меняться*, в зависимости от *некоторых причин*. Главные среди них – две» (АиФ, 30.11.2012); «Полностью ручные *методы* получения этой оценки *не могут быть признаны* достоверными *вследствие*: 1) необходимости единообразного применения большого количества правил при анализе даже отдельного слова и 2) достаточно большого количества слов, которые при этом должны быть подвергнуты соответствующему анализу» (ВЯ № 5, с. 79).

– Значение ‘(не) иметь право выполнить действие’: «Право на защиту *несовершеннолетние могут осуществлять* лично, а также с помощью защитника, законного представителя» (РГ, 11.02.2011); «Суд *может принять* решение о допросе законного представителя в качестве свидетеля при его согласии, о чем выносит постановление» (РГ, 11.02.2011); «Оператором лотереи *не может выступать* юридическое *лицо*, руководителем, членами коллегиального исполнительного органа или главным бухгалтером которого являются лица, имеющие судимость за преступления в сфере экономики (за исключением лиц, у которых такая судимость погашена или снята)» (РГ, 30.12.2013); «Уровень софинансирования расходного обязательства субъекта Российской Федерации *не может быть установлен* выше 95 и ниже 5 процентов расходного обязательства субъекта Российской Федерации» (РГ, 20.01.2012).

Реализация глаголом *мочь* частного значения '(не) иметь право для выполнения действия, в связи с наличием (или отсутствием) соответствующих законов юридического характера' преобладает именно в официально-деловых текстах, что представляется вполне логичным, поскольку официально-деловой текст содержит преимущественно материалы об общих нормах поведения, рекомендациях, запретах и т.п. Указывая на соответствующие отношения между субъектом и его действием, данное модальное значение регулирует и координирует взаимоотношения государства и общества, фиксирует права и возможности субъекта, позволяет закрепить в законе то, что *можно* и что *нельзя*, тем самым «обеспечивая стабильность и эффективность функционирования общественного организма в целом» [Сологуб 2009: 225].

Следует заметить, что для конструкций, в которых актуализируется указанное частное значение, как правило, характерны основные черты официально-делового стиля, а именно «нейтральность, отсутствие эмоциональности, полнота и точность формулировок» [Кушнерук 1999: 96]. Ср.: «Причиной послужило превышение заявленного тиража агитационных материалов приблизительно на 140 тысяч рублей. При этом с выборов по закону *могут снять* за превышение уже в 50 тысяч рублей» (АиФ, 22.09.2012) = «имеют право снять»; «*Вскрыть* «тайник» *сотрудники* правоохранительных органов *могут* только после получения соответствующей санкции» (КП, 28.01.2010) = «имеют право вскрыть»; «Традиционно фольклором *может считаться* только то, что имеет отношение к крестьянам и удовлетворяет критерию устности» (Акта 11, с.269) = «вправе считаться фольклором».

Отметим, что указанное значение довольно часто совмещается со значением долженствования / запрета, что особенно отчетливо прослеживается при его реализации в отрицательной форме. Ср.: «Президент США *Барак Обама не может пользоваться* iPhone по соображениям безопасности» (РГ, 05.12.2013) = «не имеет права / не должен пользоваться»; «Если взрослый не осознавал этого, то *он не может привлекаться* к ответственности по статьям 150 и 151 УК РФ» (РГ, 11.02.2011) = «не имеет права / не должен привлекаться»; «*Граждане РФ*

не могут быть приняты на военную службу, федеральную государственную гражданскую службу или на работу в органы государственной охраны ... по основаниям, предусмотренным законодательством Российской Федерации» (РГ, 14.12.2011) = «не имеют права / не должны приниматься».

В контексте вышесказанного интерес представляют случаи параллельного употребления глагола *мочь* с модификаторами модального микрополя необходимости *должен, обязан* и т.п. Как правило, подобные конструкции встречаются в газетно-публицистических текстах, основной целью которых является воздействие на адресата и убеждение «в справедливости авторского мнения» [Кормилицына 2008: 151]. Например: «Речь идет о необходимом минимуме, ниже которого *мы не можем, не должны, не имеем права опускаться*» (РГ, 25.04.2006); «Они [мигранты. – Е.М.] *не обязаны предоставлять* справку о своем здоровье сразу после прибытия и *могут не проходить* медосвидетельствование, пребывая на территории России до 90 суток» (АиФ, 23.11.2012).

– Значение ‘(не) быть в состоянии выполнить действие’, реализация которого обусловлена факторами психологического или физического состояния субъекта, указанными в контексте. Например: «Обабия Айша Аджиболы из Нигерии стала победительницей конкурса красоты „Мусульманка мира“... *Девушка не могла сдержать слез радости*» (РГ, 20.09.13); «В молодости *Мятлев, утверждая свое достоинство, мог бесцеремонно посягать* на честь других, хотя и сомнительную, с его точки зрения» (Акта 13, с. 158); «Решая вопрос о передаче несовершеннолетнего под надзор родителей или лиц, их заменяющих, суд должен убедиться в том, что указанные *лица имеют положительное влияние на него, правильно оценивают содеянное им, могут обеспечить* его надлежащее поведение и повседневный контроль за ним» (РГ, 11.02.2011); «*Из-за повреждения лодыжки я не мог играть* как минимум на протяжении месяца» (РГ, 16.11.12); «Конечно, *Клара с ростом в 166 сантиметров* вряд ли могла бы *выхаживать* по подиуму, но это даже и лучше. Мир не лишился выдающейся теннисистки» (АиФ, 11.10.2013).

– Значение ‘(не) иметь способность выполнить действие’, реализация которого связана с наличием или отсутствием умений, навыков субъекта. Например: «Мы теряем рабочий класс, тех людей, *которые руками могут делать* необходимые вещи для машиностроения» (КП, 28.01.2010); «Если бы человек действительно обладал *такими способностями*, что по перевернутой фотографии *мог бы определить* и пол, и судьбу, и причину смерти, и много чего еще, то разве такой специалист участвовал бы в дешевом балаганном представлении?» (КП, 10.11.2012); «*Камера* такие махинации *распознать не может*, а вот человек определяет такое вмешательство запросто» (АиФ, 22.10.2013); «Всю жизнь я терпеть не мог риторику и эстрадный пафос, игры в „гражданскую позицию поэта“ рождали у меня зубовный скрежет и идиосинкразию. В стихах Бродского так просто и точно было сказано главное из того, что *я бы хотел сказать* сам, но *не мог*» (РГ, 25.05.2009).

Заметим, что реализация двух последних значений, о чем свидетельствуют и вышеприведенные примеры, преимущественно наблюдается в конструкциях, извлеченных из газетных текстов.

Отдельно следует отметить специфику функционирования глагола *мочь* в страдательных конструкциях, которые представляют действие, в определенной степени отстраненное от субъекта. Субъект действия в предложениях с подобными конструкциями, как правило, не известен, мыслится обобщенно, что придает реализуемому в них значению возможности особую объективность. Данные конструкции широко распространены в текстах научного и официально-делового стилей, что представляется вполне закономерным, поскольку содержание научной литературы по определению должно отражать объективные результаты познания действительности, а официально-деловые документы предельно безлично и объективно фиксировать выражение правовой воли. Например: «Нас интересует функциональное и семантическое разнообразие наиболее употребительных языковых средств, а не раритетные специфические *единицы*, которые *могут быть описаны* в отдельном исследовании» (Acta12, с. 225) = «есть возможность описать»; «Интертекстуальность осложняет процесс обще-

ния автора и читателя, ибо эти многомерные интертекстуальные *связи могут быть восприняты* только очень подготовленным *читателем*» (Аста11, с. 255) = «в состоянии воспринять»; «Если несовершеннолетнему назначено одновременно несколько принудительных мер воспитательного воздействия (часть 3 статьи 90 УК РФ) и в течение определенного срока он допустил единичные нарушения (не более двух раз по каждой из них), такие *нарушения не могут быть признаны систематическими*» (РГ, 11.02.2011) = «не имеют права признать»; «В отношении иных видов наказаний к несовершеннолетним осужденным *могут быть применены* общие положения статьи 80 УК РФ о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания с учетом определенных в статье 88 УК РФ видов наказаний, назначаемых несовершеннолетним» (РГ, 11.02.2011) = «имеют право применить».

Отдельных комментариев заслуживает и вопрос о функционировании в русском языке модального глагола *смочь*, имеющего словарные дефиниции ‘быть в состоянии, в силах сделать что-л.; иметь возможность’ (МАС), ‘получить возможность’ (Сл. Ушакова) и квалифицируемого в основных толковых словарях русского языка (см., например: МАС; Сл. Ушакова; Сл. Ожегова/Шведовой) и в русских грамматиках (РГ-80; ТФГ) в качестве видовой пары к глаголу *мочь*. Некоторые же исследователи не рассматривают данный глагол как видовой вариант к глаголу *мочь* [см., например, Барентсен 2002; Петрова 2005, 2007, 2011], мотивируя это тем, что значение ‘наличие возможности’ «следует считать прототипическим состоянием», а «глаголы с чисто статальным значением относятся к неопредельным и, следовательно, в славянских языках являются изолированными глаголами несовершенного вида» [Барентсен 2002: 7]. В контексте сказанного более правомерной представляется позиция авторов «Теории функциональной грамматики», отмечающих, что «в русском языке, для модальных модификаторов возможности в целом не характерна видовая соотносительность; существует лишь один глагол СВ *смочь*, соотносительный с глаголом *мочь*» [ТФГ: 129].

Выступая в форме прошедшего времени, глагол *смог* указывает на то, что действие было не только возможным, но и на самом деле осуществилось, то есть данный глагол «сигнализирует о реализованной возможности», а «значение действительности сопрягается со значениями результативности и желания, стремления, попытки» [Там же]. Как отмечают исследователи, глагол *смог* предполагает, что субъект принял решение совершить действие и предпринял какие-то попытки [Беляева 1990: 129; Шатуновский 1996: 212, Барентсен 2002: 15]. Ср.: «Два года назад *он* поборол смертельную болезнь и *смог* вернуться в большой спорт» (РГ, 08.05.2013); «По словам высокопоставленных чиновников Вашингтона, *Эдвард* так и *не смог* добраться до секретных программ глобальной слежки, которую ведет Агентство национальной безопасности» (РГ, 23.07.2013); «Каким-то образом *люди* *смогли* разорвать каузальную замкнутость биологических систем, выработав стратегии использования культурных и языковых паттернов» (ВЯ № 6, с. 139).

При употреблении глагола *смог* в будущем времени «различия между потенциальной и актуализированной возможностью» [Барентсен 2002: 19] намного менее ощутимы, поскольку будущие действия сами по себе потенциальны. При этом глагол *смог* в форме будущего времени имеет дополнительный оттенок возможности – ‘возможность, осуществление которой в будущем не вызывает сомнений’. Например: «Для удобства организаторов Департамент региональной безопасности планирует открыть сайт, где *желающие* *смогут* разместить заявку на мероприятие и прийти на площадку в указанное время» (АиФ, 28.08.2012); «Комментируя свое вступление в „Единую Россию“, Нарышкин отметил, что „дополнительным аргументом“ в пользу этого решения является то, что *он* *сможет* „более эффективно *влиять* на законотворческую деятельность парламента“, учитывая то, что фракция „единороссов“ представляет из себя парламентское большинство» (АиФ, 10.11.2012); «Искренняя любовь автора к языкам и народам Кавказа, а также несомненный профессионализм и огромная эрудиция в области кавказоведения делают данную книгу ценным источником информации как для самих кавказоведов, так и для типологов, *кото-*

рые смогут найти в ней обсуждение многих интересных и нетривиальных языковых явлений» (ВЯ № 6, с. 101).

Центральное место в рассматриваемом модальном микрополе занимают также предикативы *можно* и *нельзя*, являющиеся вторыми по частотности экспликаторами (13,6%), которые имеют следующие дефиниции: *можно* ‘есть условия, возможности для осуществления чего-л.; разрешается, позволено’ (МАС), *нельзя* ‘нет возможности, невозможно; не разрешается, не дозволено’ (МАС).

Как известно, в безличных предложениях, в которых функционируют указанные предикативы, «безличное сказуемое изображает деятельность без деятеля» [Зарецкий 2008: 153], что создает ослабление связи между субъектом действия и действием и соответственно приводит к частотной реализации предикативами *можно/нельзя* значений объективной возможности:

– Значения ‘(не) иметь возможность выполнить действие’: «Полезную информацию *можно почерпнуть* только в двух открытых письмах» (АиФ, 21.01.2010); «В нашу редакцию довольно часто приходят письма от читателей, которые просят подсказать, где в Интернете *можно выучить* иностранный язык» (РГ, 08.12.2011); «В соответствии с идеями Э. Гибсона и коллег, *можно предполагать*, что принцип Предпочтения Последнего действительно взаимодействует с фактором Близости к Предикату, и ИГ1 с ИГ3 будут иметь преимущество перед ИГ2 в процентном выражении» (ВЯ № 6, с. 52); «Приведенный перечень значений слова ‘жизнь’ *нельзя считать* исчерпывающим, в схеме отражены факты, доступные нам на данной стадии исследования» (Acta 12, с. 227); «Однако значение данного слова *нельзя соотнести* с каким-либо референтом, так как погода всегда конкретно проявлена для наблюдателя» (Actaneoph10, с. 33).

– Значения ‘(не) иметь право выполнить действие’: «Субсидию *можно потратить* только на новую машину, выпущенную в России» (АиФ, 21.01.2010); «Но для других стран действует количественный барьер – за один раз *можно провезти* только полный бак автомобиля и дополнительно не более 10 литров

бензина» (РГ, 25.08.2011); «Прямо в аэропорту нам выдали список из 11 пунктов: что *нельзя делать* в этой стране» (РГ, 25.08.2011); «Верховный суд России пояснил людям в мантиях принципиальную вещь: *нельзя считать* самоуправством действия, не причиняющие существенного вреда» (РГ, 22.03.2012).

Безличные предложения широко употребляются в различных функциональных стилях, но именно в научном стиле наблюдается значительное преобладание такого типа предложений над другими, поскольку отсутствие «внешней реализации компонента “исполнитель потенциального действия”» [Лара 2003b: 49] позволяет автору научного текста отстраниться от своего текста, «чтобы придать больший вес сообщению, объективизировать его» [Валгина 2003: 153]. Приведенные научные мнения согласуются с выводом С.С. Ваулиной о том, основу научных текстов «составляет именно объективная модальность, сообщающая о “реальном положении дел”» [Ваулина 2013: 10]. При этом следует отметить, что некоторые исследователи считают предикатив *можно* в научном тексте своеобразным штампом-клише, который «во многом утрачивает свое значение, формализуется» [Буре 2003: 60]. Однако исследованный нами материал не позволяет присоединиться к такой точке зрения, поскольку во многих зафиксированных нами конструкциях указанный предикатив сохраняет свое значение потенциальности, возможности осуществления действия, несмотря на свое частотное употребление в научных текстах и сопряженную с этим вероятность формализации. Ср.: «Внутри каждого вида *можно выделить* подвиды, например, телереклама существует в форме рекламного блока, рекламы в студии во время ток-шоу, рекламы во время прогноза погоды и т.п.» (Acta12, с. 220); «В интерпретации встречи польки и русского *можно наметить* следующую тенденцию: от конкретно-психологического изображения в 1960-е годы к философскому, условно-символизирующему в 1970-1980-е годы» (Acta 13, с. 147); «*Можно проследить* общность и в самом характере работы над «Философскими письмами» и «Мертвыми душами»: оба смотрят на Россию издалека» (Actaneoph10, с.114); «В Интернете широко представлена такая продуктивная модель пародирования рекламных стереотипов, как антиреклама (ее, пожалуй,

можно считать особым жанром современного фольклорного дискурса)» (Аста 11, с.276); «Номинативные параллели можно охарактеризовать также в лингвогенетическом плане» (ВЯ № 6, с.15).

1. 2. Ближняя периферия микрополя возможности

Ближнюю периферию микрополя возможности в русском языке формирует широкий набор лексических⁶ и грамматических экспликаторов, составляющих в нем в совокупности 39,4%.

1.2.1. Лексические экспликатory значения возможности

К лексическим экспликаторам относятся модальные глаголы *уметь/суметь, удаваться/удаться*, модальные предикативы *возможно, невозможно, вправе, разрешено, запрещено*, предикативные наречия *трудно, тяжело, сложно, легко, просто*, глагольно-именные сочетания *быть в состоянии, быть в силах*, а также глагольно-именные сочетания с лексемами *возможность, право*, прилагательные *способен, готов*.

Глагол *уметь* (3,4%) актуализирует частное значение субъективной возможности '(не) иметь способность выполнить действие', что подтверждается его словарной дефиницией 'обладать умением делать что-л. благодаря знаниям или навыку к чему-л.' (МАС). И.Б. Шатуновский отмечает, что в русском языке глагол *уметь* «сочетается только с контролируруемыми пропозициями, обозначающими какую-либо деятельность, и требует поэтому одушевленного субъекта» [Шатуновский 1996: 199]. Как показал анализ нашего фактического материала, модификатор *уметь* наиболее регулярно выступает в настоящем узуальном времени. Например: «Американский фокусник Кевин Джеймс (...) умеет, как и Старр, показывать трюки с монетами, но гораздо более известен он благодаря номеру, в рамках которого успешно разрезает пилой ассистента на две половин-

⁶ К лексическим экспликаторам, следуя устоявшейся традиции, относятся модальные глаголы, предикативы и глагольно-именные сочетания, объединяемые под понятием «модальные модификаторы» [Адамец 1968: 90]. Вместе с тем мы учитываем тот факт, что модальные модификаторы являются «лексически неполнозначными и синтаксически несамостоятельными элементами, входящими в состав модального сказуемого, в котором само действие выражено инфинитивной формой глагола или отглагольным существительным (именем действия)» [Рыболовлев 1989а: 14].

ки ...» (АиФ, 21.11.2012); «Я путешествовал по Австралии, где каждый небольшой город имеет свой праздник. Где-то отмечают День краба, где-то – рыбы, барана, страуса, кенгуру. *Австралийцы умеют проводить* праздники» (РГ, 18.06.2011); «Для самых различных и сложных сочетаний с сонантами (...) *Л.Э. Калнынь умеет найти* причину и раскрыть механизм появления именно данной модификации» (ВЯ № 6, с.112).

Употребляясь в прошедшем времени, глагол *уметь* также передает постоянные свойства субъекта. Например: «Австралийские ученые считают, что *неандертальцы умели говорить* подобно людям» (РГ, 24.12.2013); «Они рассказали, что тот был все время на берегу, так как *не умел плавать*» (РГ, 17.06.2013).

Наиболее регулярно *уметь* выступает в газетно-публицистических текстах и довольно редко реализуется в научных текстах, что, по всей вероятности, связано с более частотным выражением объективной возможности в научной литературе. В официально-деловых документах встречаются конструкции ‘модификатор значения необходимости + *уметь* + инфинитив’, выражающие обязательные навыки, которыми должен обладать субъект. Например: «*Работник должен уметь*: 1) *разрабатывать* внутренние организационно-распорядительные акты в области обеспечения транспортной безопасности...» (РГ, 21.08.2014), «*Эксперт должен уметь*: *проводить* анализ, систематизировать и обобщать информацию...» (РГ, 25.01.2012).

Глагол совершенного вида *суметь* имеет дополнительный элемент семантического объема, отсутствующий у глагола несовершенного вида *уметь*, а именно компонент приложения усилий, который сближает данный глагол с модификатором *удаться*. Наличие данного оттенка значения отмечают также исследователи [см., например: Петрова 2007: 84; Федорова 2000: 38]. И.Б. Шатуновский замечает, что «*суметь* гораздо шире по своему значению, чем его коррелирует несовершенного вида *уметь*, и практически совпадает по кругу употреблений с *смочь*» [Шатуновский 1996: 215]. На близость значений глаголов *суметь* и *смочь* указывает также словарная дефиниция глагола *суметь*: ‘оказаться достаточно умелым для чего-л., смочь сделать что-л.’ (МАС). Модификатор *суметь*

передает «возможность, связанную с конкретной задачей в определенный момент» [Барентсен 2002: 23]. Для решения данной задачи необходим набор благоприятных условий, при глаголе *суметь* под этими условиями предполагаются «личные качества исполнителя» [Там же: 24]. Положительная форма глагола предполагает, что задача, выраженная зависимым инфинитивом, была выполнена успешно. Ср.: «Сергей Петрович сумел сделать так, чтобы вопросы науки привлекли массовую аудиторию на телевидении» (РГ, 15.08.2012); «„Драконы“ сразу же ринулись к воротам „МЮ“ и сумели забить быстрый гол» (РГ, 09.04.2009).

В отличие от своего коррелята несовершенного вида, глагол *суметь* несколько регулярнее употребляется в научных текстах, что связано, как нам представляется, с более емкой семантикой данного экспликатора. Ср: «Духоборы, получив в Англии поддержку квакеров, в конце концов сумели переправиться в Британскую Колумбию, в Канаду» (Вестник БФУ № 6, с. 142); «Это объяснимо: те, кто работают достаточно долго и оказались более адаптированными в коллективе, видимо, сумели найти среди коллег и друзей» (Вестник БФУ № 6, с. 118).

Безличные глаголы *удаваться/удаться* ‘осуществиться, завершиться удачно, успешно; представиться, оказаться возможным’ (МАС), функционируя преимущественно в газетно-публицистических текстах и, реже, – в научных (2,6%), актуализируют значение субъективной возможности, связанной с преодолением трудностей. Данный семантический элемент в модальном значении указанных глаголов также отмечается исследователями [см., например: Федорова 2000: 49; Рыболовлев 1989б: 124; Чернова 1982: 8]. Иногда указание на наличие определенных трудностей при осуществлении действия содержится в самом высказывании-предложении. Например: «Евгения Чирикова оценивает свои шансы на победу в 76%, однако по оценкам экспертов едва ли ей удастся перетянуть большую часть голосов на себя в борьбе с Митводем, поскольку тот – опытный управленец» (АиФ, 22.09.2012); «Проезд по федеральной автодороге „Колыма“ на территории Якутии восстановить пока не удастся, поскольку уровень воды

в разрушивших ее реках *остается очень высоким*» (РГ, 17.06.2013); «В рассказе идет речь о выпускнике средней школы, которому очень нравилась биология и, поэтому, когда ему *удалось поступить* в институт, *набрав для этого необходимое количество проходных баллов*, он был очень рад, так как ожидал, что сможет и дальше углубленно изучать свой любимый предмет» (ВЯ № 6, с.72).

Кроме того, следует заметить, рассматриваемые глаголы выражают значение возможности «с имплицитным присутствием сем желательности действия и попытки его осуществления субъектом» [Федорова 2000: 48], т.е. способны актуализировать совмещенное значение возможности и желательности. Ср.: «После войны *Чижику-Катари удалось избежать* смертной казни, скрывшись под другим именем в Канаде, где он организовал бизнес по продаже произведений искусства (АиФ, 18.07.2012) = «хотел и смог избежать смерти, предприняв попытки это осуществить»; «Если взять все тенденции, связанные с загрязнением атмосферного воздуха, то в принципе *удалось переломить* ситуацию. В 2006 году, по сравнению с 2002-м, общий объем выбросов от предприятий и автотранспорта уменьшился на 48,6 тысячи тонн (...). *Достигнуть* этого *удалось* за счет выполнения областной долгосрочной программы природоохранных мероприятий» (РГ, 20.09.2007) = «хотели переломить ситуацию, смогли этого достигнуть».

Предикативы *возможно* и *невозможно*, частотность функционирования которых в рассматриваемом микрополе составляет 5,1%, имеют следующие словарные дефиниции: *возможно* ‘есть, имеется возможность; можно’ (МАС), *невозможно* ‘нет возможности, нельзя’ (МАС) – и реализуют частные значения объективной возможности, детерминированной внешними факторами. Данные модальные модификаторы, как и рассмотренные нами выше предикативы *можно* и *нельзя*, передают «объективированный, „обезличенный” характер» возможности, «причем присутствие субъекта в семантике предложения становится ... „призрачным”» [Федорова 2000: 36].

Предикатив *возможно* зафиксирован нами в различных функциональных стилях, однако наиболее регулярно реализуется в научных и официально-деловых текстах. Например: «Таким образом, *возможно выделить* два типа

преобразований ФЕ-идиом – во-первых, это регулярные трансформации, предусмотренные или обусловленные языковой нормой; во-вторых, это намеренные деформации индивидуально-авторского характера» (ВЯ № 6, с.67); «Путем выявления частотных лексико-грамматических единиц, функционирующих в рекламе, и их функционально-семантического анализа *возможно выявить* смыслы, формирующие когнитивное ядро...» (Акта 12, с. 222); «Применение к несовершеннолетнему меры пресечения в виде заключения под стражу *возможно* лишь в случае, если он подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления» (РГ, 11.02.2011). При этом важно отметить, что в официально-деловых документах предикатив *возможно* как правило выступает в конструкциях с отглагольным существительным, поскольку данному стилю в целом свойственно частотное употребление отглагольных существительных, которые часто становятся словесными трафаретами. Ср.: «Разглашение такой информации *возможно* лишь с согласия указанных лиц и (или) их законных представителей» (РГ, 11.02.2011); «Изменение контракта *возможно* по соглашению сторон, если иное не предусмотрено настоящим Федеральным законом» (РГ, 28.12.2013).

Предикатив *невозможно* регулярно реализуется во всех исследованных нами функциональных стилях. Например: «Я категорически не согласен с утверждением, что при получении госзаказов *невозможно обойтись* без практики откатов» (АиФ, 21.01.2010); «*Перепутать было невозможно* – на крыше приземистого строения – типичная советская проходная! – стояли желтый „Москвич” и голубая „Волга”» (КП, 17.10.2013); «Дилетантство – это и понимание высокой игры, не маскарада, а духовной игры, ибо безусловно *счастливыми невозможно быть* в осознаваемой реальности» (Акта 13, с.158); «Между тем без обращения к синтаксической структуре и к синтаксическому потенциалу ФЕ *невозможно адекватно передать* их функциональную специфику как в лексикографии, так и в практике обучения языкам вообще» (ВЯ № 6, с. 62); «Требования, связанные с недостатками выполненной работы, могут быть предъявлены при принятии выполненной работы или в ходе выполнения работы либо, если *невозможно обна-*

ружить недостатки при принятии выполненной работы, в течение сроков, установленных настоящим пунктом» (РГ, 01.12.2008); «Решение о медицинском вмешательстве без согласия гражданина, одного из родителей или иного законного представителя принимается: 1) в случаях, указанных в пунктах 1 и 2 части 9 настоящей статьи, – консилиумом врачей, а в случае, если *собрать* консилиум *невозможно*, – непосредственно лечащим врачом...» (РГ, 21.11.2011).

Модификаторы *разрешено/разрешается* ‘позволить что-л. сделать, дать разрешение’ (МАС), *запрещено/запрещается* ‘не разрешить делать что-л.; воспретить’ (МАС), частотность функционирования которых составляет 1,7%, выражают частное значение объективной возможности ‘(не) иметь право выполнить действие’, выступая главным образом в официально-деловых текстах. Например: «В ходе осуществления частной охранной деятельности *разрешается применять* огнестрельное оружие и специальные средства только в случаях и порядке, предусмотренных настоящим Законом» (РГ, 26.12.2008); «При этом в одних странах таким родителям *не разрешено усыновлять* детей, а в других – можно» (РГ, 13.06.2013); «Адвокатам *запрещено проносить* на территорию места содержания под стражей телефоны и устройства, позволяющие осуществлять киносъемку, аудио- и видеозапись» (РГ, 27.04.2011); «Гражданскому персоналу органов государственной охраны *запрещается заниматься* предпринимательской деятельностью» (РГ, 14.12.2011).

Предикативы *трудно, тяжело, сложно, легко, просто*, частотность функционирования которых в данном микрополе составляет 2,1%, способны актуализировать значения как объективной, так и субъективной возможности, наиболее регулярно реализуясь в газетно-публицистических и, реже, – научных текстах:

– Примеры реализации значения объективной возможности ‘(не) иметь возможность выполнить действие’: «С последним утверждением *трудно* полностью *согласиться*: семантическое единство устойчивого сочетания слов, коим является ФЕ, при описанных трансформациях нарушается, и нарушается весьма значительно» (ВЯ № 6, с. 64); «Кто работает в офисах, хорошо знает на собст-

венном опыте: если одним коллегам кажется, что в помещении душно, и они спешат открыть окошко, то другим вскоре становится холодно, и они требуют закрыть окно, чтоб не дуло. Компромисс *найти тяжело*» (РГ, 19.09.2013); «*Сложно достать, легко продать*. Трудно извлекаемые запасы в будущем станут основой добычи во всем мире» (РГ, 16.06.2014); «О том, насколько *сложно* сегодня *взыскивать* долги, „РГ” рассказал руководитель регионального Управления ФССП – главный судебный пристав Свердловской области Сергей Щебекин» (РГ, 04.12.2014); «Этому есть ряд объяснений: в формах предусмотрено достаточно много параметров, которые *легко проверить* и *установить*» (РГ, 26.02.2013); «Забив свою фамилию в „Банке данных исполнительных производств”, довольно *просто узнать*, сколько задолжал ты, твоя супруга или друзья» (РГ, 26.07.2012).

– Примеры реализации значения субъективной возможности ‘(не) быть в состоянии выполнить действие’: «*Трудно расставаться* с вещами, которые служили верой и правдой не один год. Так уж устроен человек – привязывается к ним, как к друзьям» (АиФ, 29.03.2013); «А вот *наблюдать* за соревнованиями других россиян *тяжело*. Очень сильно за них болею. Прямо смотреть не могу, так переживаю» (КП, 27.12.2013); «Если ребёнок одинаково успешен во многом, ему *сложно* из этого многообразия *сделать* выбор» (АиФ, 27.03.2013); «Инстинкт есть инстинкт, подсознание *легко пересиливает* логику, и любым жутким историям „про болезни” даже самые образованные люди способны поверить, что называется, не глядя – „а вдруг нет дыма без огня?”» (РГ, 31.01.2014); «Многим людям, особенно пожилым, *непросто понять*, что игра идет по тем правилам, которые установлены законом, а не по тем, к которым они привыкли» (РГ, 01.08.2013).

Достаточно широко (2,1%) в рассматриваемом микрополе употребляются глагольно-именные сочетания с лексемой *право* ‘предоставленная кому-, чему-л. свобода, возможность действовать или пользоваться чем-л., гарантированная государственными или какими-л. другими законами, постановлениями и т. п.; возможность действовать, поступать каким-л. образом; основание, причина’

(МАС): *иметь право, получить право, дать право* и т.п., а также предикатив *(не) вправе* (2,8 %).

Выражая частное значение объективной возможности ‘(не) иметь право для выполнения действия’, детерминированного юридическими законами, данные модификаторы преимущественно реализуются в официально-деловых документах. Например: «В местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности лиц, относящихся к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (...), эти лица имеют право бесплатно осуществлять заготовку древесины для собственных нужд ...» (РГ, 20.01.2012); «Если сумма, вырученная при реализации заложенного движимого имущества, недостаточна для покрытия требования залогодержателя, он имеет право получить недостающую сумму из прочего имущества должника» (РГ, 14.12.2011); «Суд вправе отстранить законного представителя несовершеннолетнего подсудимого от участия в судебном разбирательстве, если имеются основания полагать, что его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего» (РГ, 11.02.2011); «В исключительных случаях суд вправе применить правила о назначении наказания несовершеннолетним и к лицам, совершившим преступления в возрасте от 18 до 20 лет» (РГ, 11.02.2011).

Более редкие случаи функционирования указанных модификаторов относятся к газетно-публицистическим текстам, где они эксплицируют значение ‘(не) иметь право для выполнения действия’, обусловленное моральными нормами. Ср.: «После плодотворной рабочей недели вы имеете полное право так же хорошо отдохнуть» (РГ, 24.08.2013); «Если ты действительно нуждаешься в молочных продуктах (...), но от рыбы ты можешь отказаться, тогда ты Рождественским постом отказываешься от рыбы, но позволяешь себе молочные продукты. Так тоже человек имеет право поступить, потому что пост, имея общие рекомендации для всех, все-таки для каждого человека всегда бывает совершенно индивидуальным» (АиФ, 29.11.2012).

Глагольно-именные сочетания *быть в состоянии* и *быть в силах* реализуют частное значение субъективной возможности ‘(не) быть в состоянии выполнить

действие' и – реже – значение объективной возможности '(не) иметь возможность выполнить действие', обусловленной внешними факторами, и наиболее частотно встречаются в газетно-публицистических текстах (2,5 % и 1,7 % соответственно). Например: «Спокойно спят лишь хозяева могучих джипов: они знают, что груз свыше трех тонн *эвакуатор не в силах поднять*» (РГ, 27.02.2007) = «не в состоянии поднять в силу технических характеристик»; «*Я не в силах смотреть* в их собачьи глаза» (РГ, 29.03.2007) = «психологическое состояние субъекта не позволяет выполнить действие»; «*Не в силах* спокойно наблюдать, как погибает приятель, второй *калининградец* бросился ему на выручку» (КП, 21.01.2014) = «психологическое состояние субъекта не позволяет выполнить действие»; «Что касается боеспособности афганской армии, то пока нельзя сказать, что *армия в состоянии самостоятельно обеспечить* безопасность в стране» (РГ, 10.08.1012) = «не имеет возможности обеспечить по причинам низкой боеготовности»; «С другой стороны, многие, кто вправе открывать эти счета, просто *не в состоянии* этого делать – элементарно нет денег» (АиФ, 12.11.1013) = «не имеет возможности по причинам финансового характера»; «Салехи также сообщил, что *Иран в состоянии производить* до пяти килограммов подобного топлива в месяц» (РГ, 24.06.2010) = «имеет возможность выполнить действие в связи с наличием технических возможностей».

Довольно продуктивными экспликаторами частных значений микрополя возможности (2,9%) являются глагольно-именные сочетания с лексемой *возможность* 'наличие условий, благоприятных для чего-л., обстоятельств, способствующих чему-л.' (МАС): *иметь возможность, дать возможность, получить возможность, есть возможность, нет возможности* и т.п. Подобные глагольно-именные сочетания характерны для различных функциональных стилей. Ср.: «Раньше люди собирались на кухнях, теперь они хотят выражать свои мнения публично. Мы *даём* им такую *возможность*» (АиФ, 28.08.2012); «Кроме того, у пилота *появляется возможность сканировать* окружающее самолет пространство и вести воздушный бой одновременно» (РГ, 30.10.2008); «*Оценить* бутилированную воду, которая продается в Башкортостане, *нет возмож-*

ности» (РГ, 18.04.2008); «Например, несмотря на то что уровень заработной платы на предприятии существенно выше среднероссийских и региональных показателей, работники *не имеют возможности получить* кредит для приобретения жилья» (Вестник БФУ № 6, с. 120); «Если разделительный баланс кредитного кооператива *не дает возможность определить* его правопреемника, вновь возникшие юридические лица несут солидарную ответственность по всем обязательствам реорганизуемого кредитного кооператива перед его кредиторами» (РГ, 24.09.2009); «Очевидно, в данном случае неоднозначность возникает из-за *невозможности установить* референциальные отношения в предложении вне более широкого контекста: рассматривая высказывание изолированно, мы можем по-разному построить синтаксические связи между частями предложения» (ВЯ № 6, с. 45).

При этом для официально-деловых документов более характерны подобные конструкции с девербативом. Например: «Федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел *обеспечивает* полиции *возможность использования* информационно-телекоммуникационной сети Интернет, автоматизированных информационных систем, интегрированных банков данных» (РГ, 08.02.2011); «*Существует* технологическая *возможность снабжения* тепловой энергией (мощностью), теплоносителем от источников тепловой энергии потребителей, которые являются сторонами договоров» (РГ, 30.07.2010).

Краткое предикативное прилагательное *способен* 'обладающий способностями к чему-н.; имеющий возможность, способность что-н. делать, такой, что может, в состоянии что-н. сделать' (Сл. Ушакова), частотность функционирования которого в рассматриваемом микрополе составляет 2,7 %, преимущественно выражает возможность, обусловленную интеллектуальными, физическими или психологическими качествами субъекта, и регулярно реализуется во всех функциональных стилях. Ср.: «Американские исследователи утверждают, что наш мозг является долгожителем. *Он способен мыслить* до 200 лет» (РГ, 27.08.2013); «*Дети* остаются еще во многом беспомощными, но они бескорыстней, чем взрослые. С большей готовностью *способны прощать* окружающим»

(Actaneoph10, с.122); «Предоставление сведений, составляющих врачебную тайну (...) допускается: 1) в целях проведения медицинского обследования и лечения гражданина, *который* в результате своего состояния *не способен выразить* свою волю...» (РГ, 23.11.2011).

В вышеуказанной модальной функции в немногочисленных случаях нами зафиксирована также полная форма данного прилагательного – *способный*. Например: «Дело в том, что сегодня в промышленности уже применяется *3D-печать, способная „печатать“* самые разные объемные изделия» (РГ, 27.08.2013); «В настоящем Федеральном законе используются следующие основные понятия: аффилированные лица – физические и (или) юридические *лица, способные оказывать* влияние на деятельность физических и (или) юридических лиц ...» (РГ, 24.09.2009).

Прилагательное *готов* ‘выражающий согласие, склонный, расположенный что-л. сделать’ (МАС), частотность функционирования которого в рассматриваемом микрополе составляет 2,3 %, выражает значение субъективной возможности ‘(не) быть в состоянии выполнить действие’, в целом ряде случаев совмещенное, в соответствии со своей семантикой, со значением желательности, обусловленной предрасположенностью субъекта к выполнению действия⁷. Данный факт может служить объяснением причины его преимущественного употребления в газетно-публицистических текстах и фактического отсутствия в официально-деловых и научных текстах, для которых модальность желательности в принципе не свойственна. Ср.: «*Дженнифер* до сих пор любит Брэда и *готова* в любой момент *возобновить* с ним отношения» (КП, 28.01.2010); «Эта вакансия интересна для меня, и я *готов* *выслушать* ваши условия» (АиФ, 19.07.2012); «Источник из окружения Капелло отметил, что *тренер* *готов* *приступить* к работе с российской сборной, так как увидел большую заинтересованность в своих услугах» (АиФ, 13.07.2012); «Капитан сборной России по плаванию Евгений Коротышкин признался, что *не готов* *отдать* всего себя подго-

⁷ Об этом свойстве модальной семантики прилагательного *готов* см., например [Ваулина 1988:46 – 47].

товке к ближайшим крупным летним стартам – чемпионату мира в Казани 2015 года и Олимпиаде-2016 в Рио» (РГ, 21.08.2014).

1.2.2. Грамматические экспликатеры значения возможности

К грамматическим средствам выражения значения возможности мы относим отдельные группы глаголов в форме изъявительного наклонения, инфинитивные предложения, риторический вопрос, сложноподчиненные предложения цели.

Среди глагольных групп выделяются глаголы изъявительного наклонения, способные без участия инфинитива реализовать модальность возможности⁸ (частотность их употреблений в рассматриваемом микрополе возможности составляет 1,9 %). При этом, как отмечает С.С. Ваулина, «обусловливающим элементом его [значения возможности. – Е.М.] конкретных реализаций чаще всего является лексическое значение соответствующего глагола» [Ваулина 2006: 192]. С учетом наличия в значении глагола тех или иных модальных сем можно выделить несколько групп глаголов изъявительного наклонения, которые были зафиксированы нами преимущественно в газетно-публицистических и научных текстах:

– Глаголы с семантикой способности, умения субъекта, реализующие модальное значение '(не) иметь способность выполнить действие'. К данной группе относятся глаголы, характеризующие умственные способности субъекта: *понять* 'уяснить себе, усвоить смысл, содержание и т.п. чего-л.' (МАС), *заметить* 'воспринять зрением, увидеть, приметить', 'обратив внимание, отметив в уме какие-л. признаки, запомнить' (МАС), *видеть* 'сознавать, понимать, чувствовать' (МАС) и под. Например: «Но *мы* прекрасно *понимаем*, что большинство бюджетов субъектов находятся в весьма непростом состоянии...» (РГ, 20.12.13) = «мы можем / способны понять»; «Суть критики, которую мы считаем необходимым высказать в адрес Вундта можно выразить несколькими словами: *он не понял* важности грамматического аспекта» (ВЯ № 3, с. 120) = «не смог / был не способен понять»; «*Сотрудники* вневедомственной охраны в ходе патрулирования *заметили* гражданина, у которого в руках находился, как им показалось, на-

⁸ См. об этом подробнее: [Никитевич 1953].

стоящий автомат» (АиФ, 03.01.2014) = «они смогли / были способны заметить»; «Необходимо отметить, однако, что несмотря на то, что ВП [вызванные потенциалы. – Е.М.] позволяют очень точно определить тот момент времени, в который *мозг заметил* разницу между двумя стимулами, вызванные потенциалы сами по себе не объясняют, что означают эти различия...» (ВЯ № 3, с. 28) = «смог / был способен заметить».

При этом следует отметить, что модальное значение возможности, выраженное глаголами изъявительного наклонения в настоящем времени «часто приобретает характер объективно обусловленной возможности, возникающей в силу постоянства соответствующего признака субъекта» [Ваулина 2006: 194]. Ср.: «На экране отображается все, что делает хирург. Такое же изображение *хирурги видят* во время реальных операций на мониторе эндоскопической стойки» (РГ, 23.12.2013) = «могут / способны видеть».

– Глаголы, содержащие сему «сохранять свои качества в экстремальных ситуациях» [Федорова 2000: 66] и актуализирующие частное значение возможности '(не) быть в состоянии выполнить действие'. К ним относятся глаголы, обозначающие действие, осуществление которого требует определенного психического или физического состояния субъекта: *выдержать* 'стойко перенести до конца, вытерпеть' (МАС), *выжить* 'остаться в живых, 'перенести, пережить' (МАС). Например: «Некоторые пропагандисты поспешно заявляют, что *мы не выдержали* испытания свободой и потому нам нужна новая диктатура» (Humanistyka, с.181) = «мы не смогли / не были в состоянии выдержать»; «Это и неудивительно: широкие обобщения и глобальные теории редко *выдерживают* проверку на большом эмпирическом материале» (ВЯ № 4, с. 102) = «могут / в состоянии выдержать»; «*Пассажир и пилот* гражданского авиасудна *выжили* в результате крушения (АиФ, 04.01.2014) = «смогли / были в состоянии выжить»; «В дороге и на чужбине от голода, холода и болезней погибли почти все дети Каруевых, *выжили* только *дочь* 1933 года рождения и младший *сын*» (РГ, 07.07.2011) = «смогли / были в состоянии выжить».

– Глаголы, содержащие в своем значении сему ‘успешность’. Примером может служить глагол *достичь* ‘добиться чего-л. своими усилиями, приобрести, получить желаемое’ (МАС), реализующий значение ‘(не) иметь способность выполнить действие’. Например: «Компании Третьей волны не увеличивают свои прибыли посредством выжимания пота из своих рабочих. *Они достигают* цели не тем, что делают труд более тяжелым, а тем, что работают более умело» (Humanistyka, с. 182) = «они могут / способны достичь цель»; «Здесь уместно привести сравнение с тем, как маленькие дети научаются говорить, (...) отметив попутно, что карликовые *шимпанзе* и *попугаи* в той или иной степени *достигают* успехов в общении с нами при наличии мотивации действовать в соответствии с такой верой» (ВЯ № 6, с. 138) = «могут / способны достичь»; «В книге был сделан вывод, что предположение о создании „Слова” фальсификатором-лингвистом предельно маловероятно, поскольку он должен был обладать научными знаниями, которых его *коллеги достигли* лишь на один-два века позже (ВЯ № 5, с. 3) = «смогли / были способны достичь».

Особый интерес представляют предложения с глаголом совершенного вида в форме 2-го лица единственного числа изъявительного наклонения, не имеющие соответствующих аналогов в польском языке. Исследователи отмечают, что эксплицируемое данной глагольной формой модальное значение (не)возможности, как правило, не соотносено с конкретным субъектом [см. Островерхая 2004: 72; Федорова 2000: 73]. Подобные конструкции характерны только для газетно-публицистического стиля, которому свойственна экспрессивность. Ср.: «Служишь добросовестно, имеешь хорошие профессиональные навыки и перспективу карьерного роста, значит, *сохранишь* место в строю. Не отвечаешь этим требованиям, – *снимешь* погоны» (РГ, 20.12.2013); «Пока *не попробуешь* сам, *не поймешь*, насколько это замечательная штука» (АиФ, 22.02.2013); «Не зря именно сюда приезжают лечиться спортсмены-горнолыжники – лучшего места для восстановления *не найдешь*» (АиФ, 17.11.2011); «Жизнь прекрасна! Это *понимаешь*, когда *попадаешь* в маленький,

уютный Озерск, с его булыжными мостовыми, крохотными узкими улочками и старинной архитектурой...» (КП, 13.10.2012).

К инфинитивным предложениям мы относим предложения с независимым инфинитивом, частотность функционирования которых в микрополе возможности составляет 1,6%.

Как отмечает В.В. Бабайцева, «инфинитивные предложения – это особый структурно-семантический тип односоставных предложений, имеющий свою семантико-синтаксическую и функциональную специфику» [Бабайцева 2004: 279]. Для инфинитивных предложений «характерна семантическая емкость, смысловой синкретизм и модальная насыщенность» [Курилина 2013: 118]. При этом, как указывает В.В. Виноградов, «модальность инфинитивных предложений определяется самой формой инфинитива и интонацией, а усиливается и дифференцируется частицами. Для модальных значений этих предложений характерно и то обстоятельство, что они обозначают действие, которое совершится в будущем или должно совершиться по воле говорящего лица» [Виноградов 1955: 404]. В инфинитивных предложениях, как подчеркивает Г.А. Золотова, «заключается большая степень уверенности говорящего в том, что действие должно осуществиться» [Золотова 1962: 78].

Наиболее ярко, по наблюдениям Л.Ю. Подручной, с помощью инфинитивных конструкций выражается значение отрицательной возможности – «отсутствие возможности, обусловленное обстоятельствами или внутренними свойствами косвенного субъекта действия» [Подручная 2010: 15]. Данное наблюдение исследователя подтверждается и данными нашей картотеки. Также следует отметить, что подобные конструкции были зафиксированы нами в газетно-публицистических текстах, поскольку для данного функционального стиля свойственны выразительность и экспрессивность, которые присущи инфинитивным предложениям. Ср.: «Некоторые остались практически неизменными и в дальнейшей карьере артистов, а иных в ранних фильмах просто *не узнать!*» (РГ, 18.01.2014) = «нет возможности узнать»; «Пропасть между нами растет, а следовательно исчезает адекватное восприятие российской действительности,

которую, как вы знаете, умом *не понять*» (РГ, 30.01.2014) = «не в состоянии понять»; «По словам Шаманской, преступникам *не уйти* от преследования» (РГ, 09.08.11) = «нет возможности уйти»; «Правительство сдерживает цены на хлеб, сахар, муку, то есть на основные продукты, их люди могут купить задёшево. К мясу им *не подступиться*. Средняя зарплата тут – 75 долларов» (АиФ, 13.09.2013) = «нет возможности подступиться»; «А все равно не чувствуется зимнего торжества так, как хотелось бы! То ли денег на украшения жалеют, то ли креативного дизайнера *не найти*» (КП, 14.12.2011) = «нет возможности найти»; «Вчера в 6 утра многие калининградцы проснулись от зловещих звуков. Спросонья *не понять* – гул откуда-то со стороны то ли порта, то ли Центрального района» (КП, 28.11.2012) = «не в состоянии понять».

Отличительным свойством риторического вопроса являются «дифференциальные признаки вопросительных предложений (внешняя вопросительная форма) и повествовательных предложений (значение сообщения)» [Рагозина 2008: 108-109]. Такая двуплановость формы и содержания наделяет риторический вопрос значительной экспрессивностью. Относительно модальности риторических конструкций Е.В. Рагозина отмечает факт «процесса семантической трансформации, происходящий на уровне объективно-модального значения, в результате которого субъективная модальность обретает “переносное” значение» [Рагозина 2008: 15]. На этом основании исследователь выделяет «специфический тип модального значения риторических вопросов – субъективно-объективно-модальное значение, характеризующееся рядом оттенков субъективной аффектации в каждой конкретной репрезентации» [Там же].

Частотность реализации риторического вопроса в рассматриваемом микрополе возможности составляет 1,7 %, а его функционирование, в силу присущей риторическому вопросу экспрессивности, особенно характерно для газетно-публицистических текстов. Ср.: «Предлагают ввести православие в Конституцию. Зачем? *Что, в Бога все поверуют резко? Это ненужная инициатива*» (РГ, 20.12.13); «Одним из оснований для направления человека в СИЗО может стать опасение, что гражданин готовится сбежать. *Но как это доказать?*» (РГ,

20.12.13); «С окончанием холодной войны эти задачи стали менее актуальными, но, как говорится, *а если „завтра война“?*» (РГ, 07.12.2012); «Я со всеми дружил. Ну, почему меня так любят, если я авантюрист и оттяпываю чужое?» (АиФ, 23.10.2013); «Но разве такие люди, как Баталов — не национальное достояние? И разве их показания в таких делах не являются самым весомым аргументом и доказательством?» (АиФ, 23.10.2013).

Модальная емкость сложных, и в первую очередь, сложноподчиненных, предложений неоднократно отмечалась исследователями [см., например: Виноградов 1975; Белошапкина 1975; Старовойтова 2006; Ваулина, Старовойтова 2010]. В рамках исследуемого нами микрополя в качестве грамматического экспликатора значения '(не) иметь возможность выполнить действие' мы выделяем сложноподчиненные предложения цели, модальная семантика которых выявляется из содержания их главной и придаточной частей: «в главной части называется действие, выполнение которого является обязательным условием для появления возможности (или, напротив, невозможности) осуществления другого действия, указанного в придаточной части» [Старовойтова 2006: 13]. Данные предложения, частотность функционирования которых составляет 2,3 %, употребительны во всех исследуемых нами функциональных стилях, однако в официально-деловых документах они выступают менее регулярно, чем в газетно-публицистических и научных текстах.

Ср.: «Бытовые условия достаточно комфортны: каюты, столовая, каюткомпания изначально были спроектированы так, *чтобы* обеспечить необходимые условия для отдыха» (РГ, 20.12.2013) = «чтобы иметь возможность обеспечить условия»; «Думается, что преподаватели сетевого института со временем придут и в российские школы, *чтобы* помочь молодому поколению лучше ориентироваться на рынке финансовых услуг и избежать участия в незаконных финансовых операциях» (РГ, 20.12.2013) = «чтобы иметь возможность помочь молодому поколению»; «Однако для того, *чтобы* выявить закономерности, характерные для рекламы в целом, считаем возможным отнести к совокупности слоганов как к единому тексту» (Акта 12, с.222) = «чтобы иметь возможность

выявить закономерности»; «По свидетельству В. Д. Бонч-Бруевича, архив был устроен по последнему слову техники и располагался в особом асбестовом домике, который В. Г. Чертков построил в стороне от жилых домов, *чтобы* обезопасить его в пожарном отношении» (Вестник БФУ № 6, с. 144) = «чтобы иметь возможность обезопасить архив»; «Напротив, пиджин, обслуживающий разные коммуникативные ситуации и, следовательно, значительно расширивший лексикон, усложнивший грамматическую структуру для того, *чтобы* передавать достаточно тонкие оттенки значений как лексических, так и грамматических, принято называть „расширенным пиджином”» (ВЯ № 4, с.13) = «чтобы была возможность передавать»; «Когда по условиям производства у индивидуального предпринимателя (...) не может быть соблюдена установленная для данной категории работников (...) ежедневная или еженедельная продолжительность рабочего времени, допускается введение суммированного учета рабочего времени с тем, *чтобы* продолжительность рабочего времени за учетный период не превышала нормального числа рабочих часов (РГ, 30.12.2013) = «чтобы иметь возможность нормировать рабочее время».

1.3. Дальняя периферия микрополя возможности

Дальняя периферия рассматриваемого микрополя формируется достаточно пестрым набором лексических средств выражения значения возможности и немногочисленными грамматическими экспликаторами, частотность реализации которых в совокупности составляет 8,7%.

1.3.1 Лексические экспликаторы значения возможности

К числу лексических экспликаторов значения возможности относим модальные глаголы *осмелиться, отважиться, посметь, решиться, рискнуть, дерзнуть, позволять / позволить, допускаться*, глагольно-именные сочетания с лексемами *шанс, полномочия, основание, ум, разум, талант, воля*, глагольно-именные обороты с устойчивым сочетанием *сила воли*, отрицательные местоимения *ничего, некого*, местоименные наречия *некуда, незачем, негде, некогда*.

Глагол *осмелиться* ‘набраться смелости, решимости для какого-л. поступка’, ‘отважиться, посметь’ (МАС), частотность функционирования которого в рассматриваемом микрополе составляет 0,9%, актуализирует значение субъективной возможности ‘быть в состоянии выполнить действие’. В аналогичной модальной функции выступают синонимичные ему модификаторы – глаголы *отважиться* (0,2%), *посметь* (0,4%), *решиться* (1,1%), *рискнуть* (0,8%), *дерзнуть* (0,1%). Как показал исследованный материал, данные модификаторы, реализующиеся главным образом в газетно-публицистических текстах, содержат указание на предпринятую попытку совершения действия, то есть способны выражать совмещенное значение возможности и желательности. Ср.: «Педиатров одной из поликлиник Ржева в ближайшее время ждёт суд за то, что *осмелились поддержать* ижевских коллег» (АиФ, 22.05.2013); «Хорошо, если *мужчина отважится пойти* с этой проблемой к психотерапевту!» (АиФ, 22.10.2012); «*Посмею предположить*, что метафоры выписывал не носитель русского языка» (КП, 17.11.2012); «*Каждый третий-четвертый россиянин* (27 процентов) *не решается избавиться* от старой одежды, белья или обуви» (РГ, 28.12.2012); «*Рискну предположить*, что исполнению подлежат только законные требования прокурора» (АиФ, 27.03.2013); «И, действительно, *никто* в итоге *не дерзнул перейти* дорогу вспыльчивому монарху» (КП, 12.12.2012).

Глагол *допускаться* ‘позволяться, разрешаться; быть принятым’ (МАС) зафиксирован с частотностью 0,8 % в официально-деловых текстах при реализации частного значения объективной возможности ‘иметь право для выполнения действия’. При этом данный глагол употребляется преимущественно в сочетаниях с девербативом, что, возможно, объясняется частотным употреблением отглагольных существительных в официально-деловых документах. Ср.: «*Не допускается заготовка* древесины по истечении разрешенного срока, а также заготовка древесины после приостановления или прекращения права пользования» (РГ, 20.01.2012); «Порядок определения органами местного самоуправления границ прилегающих территорий, на которых *не допускается* розничная *продажа* алкогольной продукции» (РГ, 08.01.2012); «В рамках отношений, ука-

занных в части 1 статьи 1 настоящего Федерального закона, *допускается обмен электронными документами (...)* между участниками контрактной системы в сфере закупок» (РГ, 12.04.2013).

Глагол *позволять (позволить)* ‘дать возможность что-л. сделать (делать)’ (МАС), частотность функционирования которого составляет 0,6 %, реализующий в сочетании с зависимым инфинитивом значение объективной возможности ‘иметь возможность выполнить действие’, зафиксирован нами в текстах всех функциональных стилей. Ср.: «Предложенная нами интерпретация грамматической семантики ненецких причастных форм *позволяет* также *объяснить*, как нам кажется, тот факт, что субстантивируются только формы -на и -вы» (ВЯ № 4, с. 81); «По словам нашего источника, террористы ставят задачу достичь максимально возможного резонанса, который *позволит* не только *привлечь* в ряды незаконных вооружённых формирований новых членов, но и *претендовать* на более серьёзное финансирование из-за границы» (АиФ, 22.08.2012); «Если передаточный акт *не позволяет определить* правопреемника по обязательству юридического лица, (...) реорганизованное юридическое лицо и юридические лица несут солидарную ответственность по такому обязательству» (РГ, 05.05.2014).

Глагольно-именные сочетания с существительными *шанс* (0,5%), *полномочия* (0,3%), *основание* (0,5%) реализуют значение объективной возможности, при этом в семантике названных существительных содержится указание на наличие определенных объективных обстоятельств, способствующих или препятствующих осуществлению действия. Как показал фактический материал, глагольно-именные сочетания с существительными *полномочия* и *основания* довольно регулярно употребляются в официально-деловых документах и представляют своего рода словесные трафареты. Глагольно-именные сочетания с существительным *шанс* зафиксированы нами в газетно-публицистических текстах. Ср.: «*Инспекции имеют полномочия запрашивать* документы, не только Устав, но все учредительные документы, протоколы собрания, проверять правильно-неправильно» (РГ, 10.01.2013); «Обеспечение уплаты таможенных по-

шлин, налогов не предоставляется в случаях, установленных международными договорами (...), а также в случае, если *таможенный орган имеет основания полагать*, что обязательства, взятые перед ним, будут выполнены» (РГ, 29.11.2010); «У нас есть шанс улучшить жизнь не миллионов, а миллиардов людей на нашей планете» (КП, 02.04.2013).

Глагольно-именные сочетания с существительными *ум* (0,3%), *разум* (0,2%), *талант* (0,2%) способны реализовывать значение субъективной возможности, которая связана с умственными способностями субъекта, и зафиксированы нами в газетно-публицистических текстах. Например: «Вот у певца Тимати *талант* искать себе партнеров!» (КП, 26.02.2011); «Впрочем, у меня *хватило ума* не сказать Тине об этом именно в таких словах. Просто позвонил наудачу, объяснил ситуацию» (КП, 01.12.2010); «Кому-то *хватает разума* разойтись по хорошему, а кто-то добирается-таки до высшей точки кипения, когда в ход идут уже просто животные инстинкты» (АиФ, 16.01.2013).

Глагольно-именные сочетания с существительным *воля* (0,3%) выражают со-вмещенное значение возможности и желательности с акцентом на активность субъекта действия, поскольку *воля*, как полагает Ю.Д. Апресян, «ассоциируется с твердостью, натиском, непреклонностью, может быть, даже агрессивностью» и является «инициатором деятельности человека» [Апресян 1995: 353], а «тесная взаимосвязь воли и желания, представляющая собой специфический сложный фрагмент психической жизни человека, в естественном языке выявляется на уровне семантики этих слов» [Колобкова 1995б: 35]⁹. Ср.: «Если бы тогда *хватило воли* подавить протест, у нас сегодня была бы другая ситуация» (РГ, 23.12.2011); «Не тут-то было: количество аварий начало стремительно расти: наши люди могут выпить две бутылки водки, но *остановиться* после 50-и грамм – *воли не хватает* (АиФ, 25.07.2012); «Если у нас *хватит воли* построить свой, более корректный рейтинг, учитывающий факторы, которые игнорируют уже существующие рейтинги, и занять там, условно говоря, 200-е место, то – вперед» (РГ, 01.04.2014).

⁹ О данном факте свидетельствуют данные толковых словарей различных исторических эпох (Сл. Даля, САР, СлРЯ XI-XIV вв., СлРЯ XVIII в., БАС, Sl. Lindego, SW).

Особенно отчетливо указанная модальная семантика реализуется в глагольно-именных оборотах с устойчивым сочетанием *сила воли* (0,4 %). Ср.: «Я уверен, что те из вас, у кого *хватит силы воли биться* за свой бизнес, станут и успешными, и богатыми» (РГ, 28.04.2011); «В отпуске начинали позволять себе много всего: мол, ничего страшного, потом наберу форму. Но форма теряется, *силы воли её набрать уже нет*» (АиФ, 16.10.2013). Интересно отметить, что семантическая эволюция в различных индоевропейских языках, в том числе славянских, корня **цел-* : **цол-* ‘хотеть’, ‘желать’ (Сл. Черных; Sl. Brücknera), к которому восходит существительное *воля*, происходила во взаимодействии и взаимопритяжении двух доминант в семантике этих корней: воли как свободы и воли как власти¹⁰, что и отразилось, на наш взгляд, в устойчивом метафорическом сочетании *сила воли*.

Отрицательные местоимения *ничего*, *некого* и местоименные наречия *некуда*, *негде*, *некогда*, зафиксированные нами с частотностью 0,5% в газетно-публицистических текстах, актуализируют частное модальное значение ‘не иметь возможности выполнить действие’, функционально сближаясь в этом случае с предикативом *невозможно*. Ср.: «Учить становится *некого* да и *некому* – ставки педагогов в системе профобразования сегодня вдвое меньше, чем у их коллег из общеобразовательных школ» (РГ, 24.04.2013) = «невозможно совершить действие из-за отсутствия субъекта и объекта»; «Мне *ничего* сказать. Я хороший человек, прошу отпустить меня под залог» (АиФ, 28.11.2013) = «невозможно совершить действие из-за отсутствия объекта»; «Но выезжать из района всё равно придётся часто – пойти на территории Выхина действительно *некуда*» (АиФ, 20.11.2013) = «невозможно совершить действие из-за отсутствия места»; «Моя бабушка работала уборщицей в конторе, в школе, потому что в ее деревне больше *негде* было работать» (АиФ, 19.10.2012) = «невозможно совершить действие из-за от-

¹⁰ Ср.: Воля – укр. воля, воліти – «хотеть», «желать», «предпочитать»; чеш. vůle, прил. volní – «волевой», volný «вольный», voliti «избирать»; словац. vôľa, voliť «выбирать»; польск. wola, wolny «вольный», «свободный»; др.-рус. воля – «воля», «свобода», вольный «действующий по своей воле», волити «хотеть», «предпочитать». Родственно лит. valia «воля», лтш. vaļa «сила, власть», др.-исл. val, д.-в.-н. wala «выбор», др.-инд. vagas «желание, выбор», кимр. guell «лучше» [Сл. Черных].

сутствия места»; «В конце смены голова идет кругом, некогда даже чай попить» (КП, 15.02.2011) = «невозможно совершить действие из-за отсутствия времени».

1.3.2. Грамматические экспликативы значения возможности

В числе грамматических конstituентов дальней периферии микрополя возможности нами зафиксированы немногочисленные примеры употреблений побудительных конструкций (0,6%) в значении ‘иметь возможность выполнить действие’, реализуемом ими в газетно-публицистических текстах. Например: «Родил второго ребенка – *получай* кредитные каникулы на три года» (КП, 11.06.2012) = «имеешь возможность получить»; «Сын сразу Алавердыеву сказал: „Тебе она нужна – *забирай!*” Пожали друг другу руки и разошлись» (КП, 18.05.2008) = «имеешь возможность забрать»; «У меня есть личное отношение к целому ряду писателей (...), но *пусть* дети сами *определятся*. Это их путь» (АиФ, 22.10.2013) = «имеют возможность определиться»; «*Спрашивай* о чем угодно – о творчестве или закулисной жизни музыкантов» (КП, 02.06.2008) = «есть возможность спросить»; «Новогодняя викторина о последствиях праздничного застолья. *Получай* призы за правильные ответы!» (КП, 28.12.2013).

§ 2. Микрополе необходимости

2.1. Центральная зона микрополя необходимости

Центральную зону микрополя необходимости формируют прилагательное *должен*, предикативы *надо* и *нужно*, частотность функционирования которых составляет 58,1%.

Прилагательное *должен* ‘обязан делать что-л., обладать каким-л. качеством’, ‘вынужден, принужден’ (МАС), частотность употреблений которого составляет 27,2%, зафиксировано преимущественно при реализации модального значения общего долженствования в газетно-публицистических и научных текстах. Ср.: «Мужчин важно воспитывать. И *делать* это *должны* мужчины. Речь идет о некой „социальной кальке”. Вот таким *должен* быть мужчина, вот так – смотри – *ты должен* себя вести» (КП, 28.01.2010); «Что мы *должны* сказать детям: ка-

кими *они должны быть*, если хотят добиться успеха в жизни?» (АиФ, 27.01.2010); «Под ударом судьбы человек не должен деформироваться» (РГ, 18.02.2010); «Узкий специалист не должен вести первичный прием, это совершенно не рациональное использование узкого специалиста» (КП, 21.04.2010); «Потенциально он должен иметь особые качества, позволяющие выйти за пределы известного мира и стать привлекательным для чужого мира» (Аста 13, с.145); «Дело в том, что социокультурные институты, с одной стороны, должны обладать стабильностью, а с другой – определенной степенью гибкости» (Аста 10, с.30); «Чтобы два слова составляли правильное сочетание, они должны иметь, помимо специфических, различительных сем, одну общую сему» (Jednostki, с.147); «Наконец, учитывая важность динамики когнитивных процессов, распределенный подход к языку должен установить четкую область взаимодействия с гуманитарными науками» (ВЯ № 6, с. 138).

Модификатор *должен* достаточно регулярно реализуется в официально-деловых документах, актуализируя значение вынужденности, связанной с обязательностью выполнения общепринятых законов юридического характера. Следует обратить внимание на то, что прилагательное *должен* является производным от *долг*, в семантической же структуре «однокоренных слов в кельтских языках значение ‘долг’ коррелирует с ‘закон’, ‘право’. То есть здесь в понятии долга акцентируется правовая регламентация аспекта социальных отношений» [Дронова 2008: 274]. Таким образом, прилагательное *должен* исторически связано с представлением о общественно-правовых отношениях, являясь при этом «субъективно ориентированным лексическим средством выражения долженствования» [Там же: 273; см. также Дронова 2006а: 199 – 204]. Ср.: «Если несовершеннолетний состоял или состоит на учете в психоневрологическом диспансере либо материалы в отношении его рассматривались комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав, суд должен при наличии к тому оснований решить вопрос об их явке» (РГ, 11.02.2011); «Суд, назначая несовершеннолетнему наказание в виде исправительных работ, должен иметь в виду, что данный вид наказания может быть применен лишь к той категории несовершеннолетних

осужденных, исправление которых возможно с помощью общественно полезного труда без изоляции от общества» (РГ, 11.02.2011); «При этом в судебное заседание *должны быть вызваны* несовершеннолетний, в отношении которого прекращено уголовное преследование, его законный представитель, защитник, а также прокурор» (РГ, 11.02.2011); «Суды *не должны назначать* уголовное наказание несовершеннолетним, совершившим преступления небольшой или средней тяжести, если их исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных статьей 90 УК РФ» (РГ, 11.02.2011).

Предикативные наречия *надо* (16,6%) ‘необходимо, следует, нужно’, *нужно* (14,3 %) ‘необходимо, следует, надо’ (МАС) реализуют частное значение необходимости ‘(не) иметь потребность в выполнении действия’ и наиболее регулярно употребляются в газетно-публицистических и научных текстах. Своеобразие семантики безличных предложений, в которых выступают данные экспликативы, проявляется «в отвлечении действия от деятеля, признака от его носителя и связано с затушевыванием деятеля и неясностью, неопределенностью его» [Бабайцева 2004: 74], вследствие чего «уменьшается напряжение, ослабевает связь между субъектом и объектом» [Вигеска 2005: 4] и достигается большая объективность высказывания. Ср.: «При этом *нужно отметить*, что в формулах „на восход солнца” или „на заход солнца” темпоральный и пространственный аспекты разделить достаточно проблематично» (Actaneoph 9, с.146); «Хотя и остаются некоторые проблемы в связи с тем, как *нужно концептуализировать* язык и репрезентации, сама теория начинается с языкового опыта первого порядка» (ВЯ № 6, с. 138); «*Нужно* также *уйти* от дублирования функций, которые МВД выполняет наряду с другими ведомствами» (АиФ, 27.01.2010); «В большом городе *не нужно быть* физически сильным» (КП, 28.01.2010); «Ни прозвание, ни вероисповедание, ни сама кровь не делают человека принадлежностью той или другой народности. Дух, душа человека – вот где *надо искать* принадлежности его к тому или другому народу» (Actaneoph 10, с.10); «*Надо понимать*, что в ряде секторов экономики глобальный рынок только усугубит

положение дел» (АиФ, 21.01.2010); «Далеко за примером *ходить не надо*: пошли в январе мировые цены на нефть вниз – и вот и нас опять доллар дороже 30 рублей» (КП, 28.01.2010); «Тут совмещен референциальный эффект от личного глагола и инфинитива, что приводит в действие совершенно новые факторы, которые *надо исследовать* отдельно» (ВЯ № 6, с. 31).

Следует заметить, что в русском языке в предложениях с модификаторами *нужно, надо* субъект действия может обозначаться именем или местоимением в дательном падеже. Например: «Но так как у машины изменились регистрационные данные, то *вам нужно получить* дубликат талона с новыми данными: номер, фамилия владельца» (РГ, 30.05.2011); «*Мне, безусловно, надо* много *работать* и кое-что *изменить* в своей игре» (РГ, 27.10.2011); «*Родителям обязательно нужно учитывать* все эти особенности, когда они будут обучать своего кроху правилам дорожного движения» (РГ, 28.08.2008); «*Лене надо* потихоньку *готовиться* к школе» (КП, 27.03.2014).

2. 2. Ближняя периферия микрополя необходимости

Ближнюю периферию микрополя необходимости в русском языке формирует широкий набор лексических и грамматических конstituентов (37,1 % от общего количества экспликаторов микрополя).

2.2.1. Лексические экспликаторы значения необходимости

К лексическим экспликаторам относятся модальные безличные глаголы *следует, стоит, надлежит, требуется, приходится*, предикативное наречие *необходимо*, прилагательное *необходимый*, краткие отпричастные прилагательные *обязан, вынужден*, глагольно-именные сочетания с лексемами *необходимость, обязанность, потребность*.

Как показал исследованный материал, глагол *следует* ‘нужно, должно,лагается’ (МАС), употребительность которого составляет 6,4 %, достаточно широко употребляется в научных и официально-деловых текстах, реализуя значе-

ние общего долженствования, обусловленного установленными правилами социально-общественного порядка.

Например: «Вместе с тем как явную неудачу *следует расценить* использование Т. Новаком при переводе есенинского стихотворения “Не жалею, не зову, не плачу” словосочетания “розовый конь” (...) словосочетанием “*kobyła czerwona*”» (W kręgu, с.72); «*Следует признать*, что русско-польская тематика в «славянской» лирике тютчевской плеяды составила ее главный нерв, и столь же наглядно обнаружилась ее главная мировоззренческая антиномия» (Acta 11, с. 31); «Прямые выводы о свойствах характера народа на этом основании *делать не следует*» (Acta 13, с.453); «Разумеется, это стремление *не следует переоценивать*, и все же почти треть опрошенных видит важность укрепления самостоятельных начал на производстве» (Вестник БФУ № 6, с. 119); «При установлении возраста несовершеннолетнего (...), исчисляемого числом лет, суду *следует исходить* из предлагаемого экспертами минимального возраста такого лица» (РГ, 11.02.11); «В этих целях *следует* постоянно *совершенствовать* профессиональную квалификацию судей, рассматривающих дела о преступлениях несовершеннолетних, повышать их личную ответственность за выполнение требований законности...» (РГ, 11.02.11).

Необходимо отметить различие в употреблении в научном и официально-деловом текстах конструкций типа *следует отметить*, значение которых «определяется разной коммуникативной направленностью» [Валгина 2003: 153]. Так, в официально-деловом тексте это направленность на читателя, который является потенциальным исполнителем рекомендаций и указаний, содержащихся в тексте, и «эффективность правовой коммуникации во многом зависит от того, насколько правильно в языковом отношении выражена воля законодателя» [Яблонский 1999: 3]. В научной литературе подобные речевые трафареты направлены на самого автора с целью смягчить категоричность его суждений. Ср.: «Судам *следует иметь в виду*, что статья 425 УПК РФ предусматривает обязательное участие педагога или психолога при допросе несовершеннолетнего подозреваемого...» (РГ, 11.02.11); «*Следует также иметь в виду* положения статьи

41 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года „О средствах массовой информации”, согласно которой редакция средства массовой информации не вправе разглашать в распространяемых сообщениях и материалах сведения...» (РГ, 11.02.11); «Здесь *следует подчеркнуть*, что если взять национальных литературных героев, то поражает их контраст со стереотипным персонажем анекдотов» (Acta 13, с. 453); «В алогизме истории возникает и алогизм человеческих заблуждений, сомнения в значимости естественного чувства, которому только и *следует доверять*» (Acta 13, с.163).

Категоричный характер значения необходимости в научных текстах снижается и при употреблении глагола *следует* в форме сослагательного наклонения. Ср.: «*Следовало бы*, наверное, особо *остановиться* и на том, как связаны между собой в когнитивной науке и когнитивной лингвистике понятия когниции, знания и информации..., но это увело бы нас несколько от основной темы статьи» (Вестник ВолГУ, с. 8); «Однако появление идей и предложений о введении мировых судей как местных органов ограниченной юрисдикции *следовало бы отнести* не к 1826 г., как полагал Джаншиев, а, по крайней мере... на 60 лет ранее» (Вестник БФУ № 9а, с. 32); «Антирезультативность в таком случае *следовало бы признать* оттенком значения, проявляющимся в некоторых употреблениях показателя» (ВЯ № 4, с. 99).

Близкую с глаголом *следует* модальную функцию имеет предикативное наречие *необходимо* ‘требуется, надлежит’ (МАС). Данный модификатор, характеризующийся достаточной частотностью в рассматриваемом микрополе (4,3%), зафиксирован нами во всех функциональных стилях, что можно объяснить его стилистической немаркированностью и емкостью модальной семантики. Например: «Предприятию *необходимо построить* железнодорожный подъезд» (АиФ, 21.01.2010); «Для проведения более многочисленной акции в этом или любом другом месте её организаторам *необходимо уведомить* о своих намерениях городское руководство и согласовать проведение мероприятия в обычном порядке» (АиФ, 28.08.2012); «*Необходимо отметить* и принципиально важное для традиционного общества условие функционирования культовых

криниц» (Actaneoph 9, с. 151); «Кроме того, *необходимо учитывать*, что характер выражаемой оценки обусловлен культурно-историческим и политическим контекстом и поэтому может быть подвержен изменениям» (Actaneoph 10, с. 8); «В связи с этим при установлении факта вовлечения его в совершение преступления взрослыми лицами для оценки этого обстоятельства в качестве смягчающего *необходимо принимать* во внимание характер применяемого к несовершеннолетнему принуждения (РГ, 11.02.2011).

Словообразовательные дериваты предикативного наречия *необходимо* – прилагательное *необходимый* и существительное *необходимость* в составе глагольно-именных сочетаний, частотность употребления которых составляет 1,7% и 2,3% соответственно, характерны для текстов всех функциональных стилей. Например: «Действия не могут признаваться совершенными в состоянии *необходимой* обороны, если вред посягавшему лицу причинен после того, как посягательство было предотвращено, пресечено или окончено и *в применении* мер защиты явно *отпала необходимость*, что осознавалось оборонявшимся лицом» (РГ, 03.10.2012); «*Назрела необходимость переработки* законодательных актов, регулирующих строительную и проектно-изыскательскую деятельность» (РГ, 12.12.2013); «*Возникает необходимость уточнить*, упорядочить некоторые сложившиеся представления о структуре, типологии и приемах анализа предложений» (ВЯ № 3, с. 15); «Продолжительность испытательного срока в отношении несовершеннолетнего осужденного определяется в минимальном размере, *необходимом для достижения* целей наказания» (РГ, 11.02.2011); «Премьер *считает необходимым* с 2012 года *увеличить* финансирование музеев и библиотек» (РГ, 21.04.2011); «Прежде чем озвучивать основные результаты исследования, *представляется необходимым* коротко *остановиться* на особенностях указанного коллектива» (Вестник БФУ № 6, с. 117).

Модальным синонимом вышерассмотренных модификаторов можно считать безличный глагол *стоит* ‘имеет смысл, следует, надо’ (МАС), зафиксированный с употребительностью в 2,5% в газетно-публицистических текстах. Например: «А пассажирам *стоит подготовиться* к тому, что во всех регионах на

транспорте станут проводить антитеррористические учения» (КП, 21.02.2011); «Результат нужен только тогда, когда его принесли нужные, угодные руководству люди. Вам в этом никто не признается, но, к сожалению, это так. И *не стоит искать* логику, ее нет» (РР, 16.12.2013); «В сложившейся обстановке телеком-бизнесу *не стоит ждать* „у моря погоды” и *рассчитывать* на крупномасштабные государственные предложения» (РГ, 30.12.2014).

По своей модальной семантике с вышерассмотренными модификаторами соотносятся краткое прилагательное *обязан* ‘имеющий что-л. своей обязанностью, долгом’ (МАС) и глагольно-именные сочетания с существительным *обязанность* ‘то, что входит в круг обязательных действий, поступков кого-л. согласно закону или общественным требованиям или внутреннему побуждению; долг’ (МАС). Данные модификаторы, реализующие значение общего долженствования, зафиксированы с частотностью 3,1 % и 2 % соответственно в текстах всех рассматриваемых нами функциональных стилей. Ср.: «Человек, по Достоевскому, вопреки действительности должен, даже *обязан, оставаться* человеком...» (Actaneoph 9, с.106); «Я жене сказал, что одну песню *обязан посвятить* ей» (АиФ, 19.07.2013); «*Возвращать* уплаченные проценты банк *не обязан*» (РГ, 24.04.2008); «Федеральная служба по интеллектуальной собственности *обязана выдавать* предписания заказчикам об устранении выявленных в ходе проверки нарушений обязательных требований» (РГ, 01.02.2012); «В этих целях суд *обязан известить* о времени и месте рассмотрения дела в отношении несовершеннолетнего подсудимого предприятие, учреждение и организацию, в которых учился или работал несовершеннолетний...» (РГ, 01.02.2012); «Участие в воспитании студенческой молодежи профессиональная *обязанность* и общественный долг каждого преподавателя вуза» (Вестник ВолГУ, с.140); «Я сама могу не употреблять такие единицы, но *зафиксировать* факт их системного существования – святая *обязанность* исследователя» (ВЯ № 3, с. 132); «У российских спортивных клубов *нет обязанности раскрывать* свои бюджеты» (РГ, 05.03.2014); «С наступлением страхового случая *возникает обязанность* стра-

ховщика *выплатить* страховое возмещение выгодоприобретателям» (РГ, 18.06.2012).

Безличный глагол *надлежит* ‘должно, нужно, следует’ (МАС), частотность функционирования которого составляет 2,1%, также реализующий значение общего долженствования, в отличие от вышерассмотренных модальных модификаторов, имеет отчетливо выраженный книжный оттенок, вследствие чего он преимущественно употребляется в официально-деловых документах. Например: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, (...) судам в соответствии с требованиями части 3 статьи 1 УПК РФ *надлежит применять* правила международного договора» (РГ, 11.02.2011); «При неявке законного представителя в судебное заседание *надлежит выяснять* причины и при наличии к тому оснований привлекать к участию в деле в качестве законных представителей других лиц из числа указанных в пункте 12 статьи 5 УПК РФ» (РГ, 11.02.2011); «Назначая несовершеннолетнему наказание с применением положений статьи 73 УК РФ, судам *надлежит обсуждать* вопрос о возложении на условно осужденного конкретных обязанностей, предусмотренных законом» (РГ, 11.02.2011).

Безличный глагол *требуется* ‘необходимо, должно, нужно’ (Сл. Ушакова) и глагольно-именные сочетания с существительным *потребность* ‘необходимость в чем-л., требующая удовлетворения; надобность’ (МАС), выражающие значение ‘(не) иметь потребность в выполнении действия’, зафиксированы с частотностью соответственно 2,3% и 1,5% преимущественно в газетно-публицистических, реже, – в официально-деловых текстах. Например: «Во всех регионах *требуется* регулярно *проводить* антитеррористические учения на транспорте» (КП, 21.02.2011); «С другой стороны, Калининграду и *не требуется состязаться* с Эссеном в туристической привлекательности городских территорий» (РГ, 03.04.2012); «Зато было оценено моё личное безумие, а значит, выставка по археологии может вызывать довольно сильные эмоции, что и *требовалось доказать*» (АиФ, 22.12.2013); «Потребителю важен комфорт. Отсюда *возникает потребность* *делать* хороший сервис» (РГ, 05.04.2013); «Но эти ре-

бьята не были диссидентами, тут нет оппозиционных убеждений. Просто – человеческая, биологическая *потребность* как-то *выскочить* из серой толпы» (РГ, 17.02.2008); «Если *нет потребности формировать* отчетность поквартально, ее можно подготовить за полугодие» (РГ, 16.04.2013).

При этом в официально-деловых документах глагол *требуется*, как правило, функционирует в сочетании с девербативом. Ср.: «В случае, если *требуется* незамедлительное *проведение* внеплановой выездной проверки, копия решения о согласовании проведения внеплановой выездной проверки направляется органом прокуратуры в орган государственного контроля» (РГ, 30.12.2008); «В случае, если для проведения внеплановой выездной проверки *требуется согласование* ее проведения с органом прокуратуры, копия акта проверки направляется в орган прокуратуры, которым принято решение о согласовании проведения проверки, в течение пяти рабочих дней со дня составления акта проверки» (РГ, 30.12.2008).

Модификатор *вынужден* ‘поставленный в необходимость, принужденный обстоятельствами’ (Сл. Ушакова), частотность функционирования которого в микрополе возможности составляет 2,2 %, выступает в качестве экспликатора частного значения необходимости ‘быть вынужденным выполнить действие’ и зафиксирован нами в газетно-публицистических, реже – в официально-деловых текстах. Ср.: «Лечение шизофрении на сегодняшний день, к сожалению, протекает не слишком успешно: *человек* с таким диагнозом *вынужден* всю жизнь *находиться* на особых препаратах» (АиФ, 29.07.2013); «*Родственники* погибших в один голос заверяют, что давно *вынуждены летать* с архипелага с таким риском, но до сего момента никто на их жалобы внимания не обращал» (КП, 01.07.2009); «К принудительному труду также относится работа, которую *работник вынужден выполнять* под угрозой применения какого-либо наказания (насильственного воздействия), в то время как в соответствии с настоящим Кодексом или иными федеральными законами он имеет право отказаться от ее выполнения...» (РГ, 06.10.2006); «Сделка на крайне невыгодных условиях, которую *лицо было вынуждено совершить* вследствие стечения тяжелых обстоя-

тельств, чем другая сторона воспользовалась, может быть признана судом недействительной по иску потерпевшего» (РГ, 13.05.2013).

С вышерассмотренным глаголом по модальной функции соотносится безличный глагол *приходится* 'стать необходимым, неизбежным в связи с какими-л. обстоятельствами, условиями' (МАС), зафиксированный с частотностью 1,7% в газетно-публицистических текстах и, реже, – в научных. Например: «Однако налогоплательщику все равно *придется представить* в налоговый орган все необходимые документы, по итогам рассмотрения которых выдается уведомление, являющееся основанием предоставления вычета по месту работы» (РГ, 13.03.2007); «Чтобы расплатиться по долгам, ближневосточным *странам придется наращивать* добычу и продажу нефти» (КП, 28.01.2010); «Бухгалтериям *не придется радикально менять* свой учет при переходе бюджетного учреждения в автономное» (РГ, 28.01.2011); «Здесь снова *приходится констатировать*, что стремление дать единообразное описание явлениям, по своей природе не вполне регулярным, приводит к тому, что такие описания по своей сложности существенно превосходят свой объект» (ВЯ № 4, с. 118).

Интересно отметить, что при употреблении модификатора *приходится* с глаголами восприятия значение необходимости нейтрализуется и реализацию получает значение 'случиться, довестись' (МАС), не входящее в микрополе необходимости. Ср.: «Однако в течение последнего месяца лично мне многократно *приходилось слышать* точно такой же вопрос и давать такой же ответ» (РР, 31.08.2011); «Давно *не приходилось видеть* такого очевидного превосходства одной команды над другой» (РГ, 22.05.2012).

2.2.2. Грамматические экспликативы значения необходимости

Грамматические средства выражения значения необходимости в рассматриваемом микрополе представлены инфинитивными предложениями и конструкциями с двойным отрицанием.

К инфинитивным предложениям мы относим предложения с независимым инфинитивом. Как отмечает В.В. Иванов, «в тех языках, где инфинитив не вы-

тесняется (или не полностью вытесняется) модальными формами, он сам в известной мере приобретает модальное значение» [Иванов 1976: 221]. Инфинитивные предложения «всегда экспрессивны, и экспрессия их направлена на выражение высокой степени уверенности говорящего в необходимости ... действия» [Филипповская 1978: 45]. Как показал анализ фактического материала, инфинитивные предложения, частотность функционирования которых в микрополе необходимости составляет 2,8 %, характерны прежде всего для газетно-публицистических текстов, где они наиболее регулярно употребляются в составе вопросительных конструкций, актуализируя значение общего долженствования. Ср.: «Что *делать* и как *питаться*, чтобы предотвратить варикоз вен?» (РГ, 18.06.2009) = «что следует делать и как следует питаться»; «Что же *делать*, если вам пытаются послать факс, завалить спамом?» (РГ, 18.10.2011) = «что следует делать»; «Как *ответить* распоясавшемуся негодяю? По-хорошему, взять за шкуру и как следует встряхнуть» (РГ, 15.10.2008) = «как следует ответить»; «Чем опасны пылевые клещи, и как с ними *бороться*?» (КП, 07.12.2012) = «как следует бороться»; «Просто думаю, что не успели вывезти все эти ящики... А где именно *искать*? Трудно сказать. Выводов у нас не было» (КП, 12.11.2013) = «где следует искать».

Кроме того, в целом ряде случаев инфинитивные предложения также выполняют роль актуализатора значения долженствования, обусловленного общественно-правовыми нормами, что отмечается исследователями. «Отвлеченность от деятеля как одна из ключевых характеристик инфинитива, – пишет И.И. Курилина, – обуславливает немалую частотность его употребления в языке официально-делового стиля» [Курилина 2013: 118]. Нам представляется, что частотность употребления инфинитивных предложений в официально-деловых документах обусловлена не только «отвлеченностью от деятеля», но и достаточно высокой степенью облигаторности выполнения действия, названного инфинитивом. Ср.: «*Обратить* внимание судов на их процессуальную обязанность обеспечения в разумные сроки качественного рассмотрения уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних...» (РГ, 11.02.2011) = «необходимо обра-

тить внимание»; «*Осуществлять* на охраняемых объектах инструментально-техническую и лабораторную диагностику, эвакуацию и уничтожение материальных объектов (предметов), вызывающих подозрение в принадлежности к взрывчатым веществам...» (РГ, 14.12.2011) = «необходимо осуществлять»; «*Обратить* внимание судов на их процессуальную обязанность обеспечения в разумные сроки качественного рассмотрения уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних ... в целях постановления законного, обоснованного и справедливого приговора, принятия других предусмотренных законом мер для достижения максимального воспитательного воздействия судебного процесса в отношении несовершеннолетних» (РГ, 11.02.2011) = «необходимо обратить внимание».

К конструкциям с двойным отрицанием относятся конструкции, состоящие из глагола *мочь* и предикатива *нельзя* в сочетании с инфинитивом, «формальной приметой которых», как отмечает С.С. Ваулина, «является наличие отрицания перед обоими компонентами. В результате этого происходит снятие отрицания и возникает утвердительное значение необходимости, реализуемое, как правило, в частных значениях неизбежности и долженствования» [Ваулина 1988: 67]. Функционирование данных конструкций в рассматриваемом микрополе (2,2 %) относится к газетно-публицистическим и научным текстам, а отсутствие их в официально-деловых документах, по всей вероятности, связано с их повышенной экспрессивностью. Ср.:

– Примеры реализации значения ‘неизбежность выполнения действия’: «В связи с этим *нельзя не согласиться* с позицией тех авторов, которые считают, что, несмотря на активное позиционирование государственными властями совершенствования условий для привлечения инвестиций, барьер национальной системы права для иностранных инвесторов не снижается» (Вестник БФУ № 96, с. 147); «Однако *нельзя не признать*, что такой метод вполне соответствует решению тех задач, которые ставит перед собой автор» (Вестник БФУ № 96, с. 107); «И это *не может не отразиться* на семантике лексемы *wspaniały* и ее русском эквиваленте великолепный» (Acta 11, с. 261); «Есть еще одно важное

положение, выводимое из содержания «Записок»: *человек связан и не может быть не связан со средой своего общения*» (Actaneoph 9, с.102).

– Примеры реализации значения долженствования: «Корреспондент „РГ” *не мог не выслушать* другую сторону конфликта – заведующую злополучным садиком Гульнару Шагимуллину» (РГ, 29.01.2010); «*Нельзя не упомянуть* и о местных пляжах, которые в большинстве своём песчаные, широкие и, что немало важно, чистые» (АиФ, 10.10.2013); «Однако авторы этого документа *не могли не упомянуть* о „шуме”, поднятом русскими эмигрантами по поводу этого аукциона и о том, что немало предметов, выставленных на аукцион, лимитная расценка которых выражалась в сумме 495.750 марок было арестовано и дожидалось решения суда» (РГ, 14.04.2008); «Достоевский (...) разгадывал тайну именно этих лиц, которые потеряли „облик Божий”, но *не могли не сохранить* хотя бы в «зародыше» человеческое начало» (Actaneoph 9, с. 99).

2. 3. Дальняя периферия микрополя необходимости

Дальнюю периферию рассматриваемого микрополя формирует достаточно разнообразный набор лексических средств выражения значения необходимости: безличные глаголы *рекомендуется, предстоит, годится*, предикативное наречие *целесообразно*, адвербиализованные существительные *время, пора*, отрицательные местоимения *не к чему, нечего*, местоименное наречие *незачем*, глагольно-именные сочетания с существительными *смысл, долг*, частотность функционирования которых в совокупности составляет 4,8 %.

Безличный глагол *рекомендуется* – от *рекомендовать* ‘советовать (посоветовать)’ (МАС) характеризуется достаточно невысокой частотностью (0,8 %). Как отмечает В.В. Шигуров, в предложениях-высказываниях, в которых реализуется данный модификатор, «передается типовая семантическая структура, допускающая следующее толкование: ‘необходимо осуществить какое-то действие (в широком смысле слова), так как это диктуется должностными инструкциями, правилами, обычаями и т.п.’» [Шигуров 2011: 221]. Безличный глагол *рекомендуется* зафиксирован нами преимущественно в официально-деловых

текстах, при этом с помощью данного экспликатора действие субъекта не четко регламентируется, а понимается как желательное. Таким образом, модификатор *рекомендуется* актуализирует совмещенное значение необходимости и желательности. Ср.: «В целях автоматизации приема платежей граждан примерную форму платежного документа *рекомендуется дополнять* специальными кодами – идентификаторами плательщика и получателя платежей» (РГ, 05.12.2011); «В структуре Кабинета (Отделения) *рекомендуется предусматривать*: помещение для приема больных; помещения для выполнения диагностических и лечебных мероприятий...» (РГ, 04.02.2011); «*Не рекомендуется использовать* лекционное построение занятий на первых двух курсах обучения» (РГ, 18.11.2009); «В государственно-религиозных школах мальчики носят кипы, маленькие разноцветные шапочки, часто именуемые ермолками. Девочкам же *не рекомендуется ходить* в брюках» (РГ, 08.11.2012).

По своей модальной семантике с вышерассмотренным модификатором соотносится предикативное наречие *целесообразно* – от *целесообразный* ‘соответствующий поставленной или намеченной цели, разумный, практически полезный’ (МАС), частотность употребления которого в рассматриваемом микрополе составляет 0,4 %. Данный модификатор наиболее регулярно реализуется в научных текстах. Например: «Прежде чем приступить к описанию означенного курса, *целесообразно (...)* дать дефиниции трех основных терминов, принятые в качестве рабочих и базовых для данного курса» (Actaneoph10, с. 103); «Кроме того, *целесообразно проводить* расчет коэффициента за анализируемый период и для стран-партнеров для выявления степени взаимной увязки сбалансированности приграничной торговли» (Вестник БФУ № 3, 2013, с.51); «...большую роль в формировании межрегиональных различий играют институциональные факторы, на что *целесообразно обратить* внимание в дальнейших исследованиях» (Вестник БФУ № 9, 2013, с. 166); «Как кажется, *целесообразно проследить* его (морфемный повтор) реализацию в творчестве А. Ахматовой» (Jednostki, с.132).

Глагол *предстоит* ‘надлежать что-л. сделать в будущем’ (МАС) выражает значение долженствования с оттенком запланированности действия. Примеры

употребления данного конституента (0,7%) зафиксированы нами в газетно-публицистических текстах. Например: «Чтобы уехать в другую страну, нужен сильный толчок. Переезд отнимает и здоровье, и деньги, *тебе предстоит влиться* в другую, незнакомую среду, иногда даже враждебную» (РР, 16.12.2013); «Предполагается, что их вскоре допросят следователи, *которым предстоит установить* причины бездействия полицейских» (АиФ, 31.07.2013); «*Решить* судьбу брошенных студентов *предстоит* учредителям вузов» (РР, 27.11.2013); «На сегодняшнем пленарном заседании палаты депутатам вновь *предстоит поправить* Бюджетный кодекс» (РГ, 24.09.2010).

Предикативные существительные *время, пора*, частотность употреблений которых в микрополе необходимости составляет 0,8%, актуализируют значение долженствования с «ярко выраженной темпоральной семантикой» [Толстая 2013: 116-117]. Примеры употребления данных конституентов зафиксированы нами в газетно-публицистических текстах. Например: «...*пора приступить* к формированию интегрированного пространства от Лиссабона до Владивостока» (РГ, 30.12.2013); «...уже *пора* полностью *преодолеть* представление 90-х годов, когда уклонение от налогов по сути рассматривалось как доблесть, – заявил премьер» (КП, 08.04.2013); «”Сегодня настало *время начать* новый этап...”, – заявил Олланд» (КП, 31.03.2014); «Если такой перевес связан с тем, что южане оказались самыми активными из нас, а вы каждый день ругаетесь за рулём, проезжая по другим дорогам, – самое *время сменить* гнев на конкретные действия» (АиФ, 24.04.2013).

Отрицательные местоимения *ничего* ‘не приходится, не следует’ (МАС), *не чему* ‘не имеет смысла, не нужно’ (МАС), местоименное наречие *незачем* ‘нет смысла, надобности’ (МАС), частотность которых в рассматриваемом микрополе составляет в совокупности 0,8%, актуализируют значение ‘не иметь потребности в выполнении действия’ и зафиксированы в газетно-публицистических текстах. Ср.: «Тем, кто не способен бережно относиться к людям, *ничего работать* в органах внутренних дел, – подчеркнул министр» (КП, 16.11.2011); «*Ничего на звёзды пенять!* Они лишь отражают ситуацию» (АиФ, 17.04.2013); «У

CR-V есть совершенно замечательный дизель, однако в Россию его не везут, так что и *рассказывать* о нем, вероятно, *незачем*» (РР, 17.04.2013); «Не представляйте себя победителем, иначе вашему мозгу *незачем будет напрягаться*, чтобы подстегнуть тело» (АиФ, 10.04.2013); «...*не к чему отправляться* в университет, который на протяжении последних лет ста окончили почти все руководители британских лейбористов, не будучи погруженным в британскую культуру» (РГ, 23.05.2008); «Не думаете продолжить? Может, *не к чему заканчивать* в 31 год? Было бы здоровье» (РГ, 10.02.2014).

Глагольно-именные сочетания с существительным *смысл* 'разумное основание, назначение, цель' (МАС) эксплицируют значение '(не) иметь потребность в выполнении действия'. Примеры употребления данных глагольно-именных сочетаний (0,7%) зафиксированы нами в газетно-публицистических и научных текстах. Например: «Сейчас *есть смысл лететь и строить* базы на Луне! Это теперь уже жизненно необходимо» (КП, 12.04.2010); «А в свое оправдание заявили, что *не видят смысла топтать* по болотам и лесам десятки километров, когда есть автомобили и вертолеты, и что их задача – высадиться в указанном месте, провести разведку и эвакуироваться комфортным способом на базу» (РГ, 13.07.2007); «При рассмотрении фонетических изменений *имеет смысл разделять* два их типа: к одному можно отнести фонетические законы в понимании младограмматиков, которые применимы к любым языковым единицам без исключения» (ВЯ № 3, с. 144); «Очевидно, *есть смысл говорить* о своеобразной шкале, на которой могут быть помещены языковые факты, образованные от названий чужих народов или земель» (ВЯ № 6, с. 6).

Конструкции с существительным *долг*¹¹, реализующие модальное значение долженствования, зафиксированы нами в газетно-публицистических текстах (0,5 %). Например: «Наш *долг – бороться* за жизнь каждого ребёнка» (КП, 22.06.2013); «Важно *установить* причины крушения – это *долг* всего мирового сообщества» (КП, 18.07.2014); «Наш *долг – помнить* о тех, кто избавил мир от

¹¹ Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев дают следующую дефиницию лексеме *долг*: «*долг*... представляет собой моральную норму, существующую независимо от воли его носителя или каких-либо посторонних лиц» [Булыгина, Шмелев 1997: 238]

фашизма, увековечить память о каждом воине» (РГ, 21.10.2012); «”Наш долг – сделать все, чтобы урегулировать существующий кризис на Украине и в других частях мира”, – подчеркнул французский лидер» (РГ, 15.11.2014).

Как актуализатор совмещенного значения необходимости и желательности нами был зафиксирован в немногочисленных употреблениях (0,1%) безличный глагол *годится* ‘уместно, следует, стоит’ (МАС). Характеризуясь стилистической ограниченностью, отмеченной в словарях пометой ‘разг.’ (МАС), он употребляется только в газетно-публицистических текстах и в отрицательной форме. Ср.: «В понедельник на очередной встрече с членами комиссии президент еще раз напомнил об этом: *не годится снижать* взятые темпы, давайте соответствовать» (КП, 14.10.2013) = «не следует / не желательно снижать»; «Так что нефть нефтью, а о делах житейских тоже *забывать не годится*» (РГ, 04.10.2006) = «не следует / не желательно забывать».

§ 3. Микрополе желательности

3.1. Центральная зона микрополя желательности

Центральную зону микрополя желательности в русском языке образуют модальный глагол *хотеть* ‘испытывать желание, охоту, ощущать потребность, необходимость в чем-л.; иметь намерение (делать что-л.)’ (МАС), его префиксальный дериват *захотеть* и безличные формы *хочется / хотелось, захочется / захотелось*, частотность употребления которых в совокупности составляет 62,1%.

А.Е. Кибрик, исследуя синтаксическое поведение глагола *хотеть*, выделяет два его значения, а именно акторное и нейтральное. Акторное значение предполагает определенное участие субъекта в осуществлении желательного действия и выражается как «событие Р желательно для Х-а; Х готов / собирается способствовать тому, чтобы Р» [Кибрик 1987: 59]. При нейтральном значении «событие Р желательно для Х-а; Х положительно относится к тому, чтобы Р», то есть Х отстраненно относится к Р [Там же]. На данную специфику глагола *хотеть* указывает также Ю.Д. Апресян, отмечая, что «помимо чистого желания он предполагает еще и готовность субъекта прилагать усилия для его реализации»

[Апресян 1995: 439], при этом готовность действовать «мотивируется тем, что субъект ощущает нужность предмета желаний» [Там же: 440]. Таким образом, модальный глагол *хотеть* «отправляет к психическому состоянию субъекта, вызванному переживанием какой-либо его потребности» и включают «в себя знание о средствах и способах достижения цели» [Жук 1994: 6].

Характеризуясь стилистической нейтральностью, прозрачностью и емкостью модальной семантики ¹², *хотеть* имеет широкое употребление в газетно-публицистических и научных текстах (41,5%), реализуя все частные значения желательности:

– Значение ‘иметь желание выполнить действие’, обозначающее желание в его общем проявлении. Например: «В любом художественном произведении большого писателя, – отмечал Рубен Будагов, – важно и что *он хочет выразить*, и как он *хочет выразить*» (Аста 12, с. 189); «Особо *хочу сказать* о казачестве. Сегодня к этому сословию себя относят миллионы наших сограждан» (РГ, 20.02.2012); «Сразу же *хочу оговорить* при этом, что такие моменты – исключения на фоне вышеозначенных бесспорных вкладов автора в эту молодую лингвистическую дисциплину» (ВЯ № 6, с. 105).

– Значение ‘иметь стремление выполнить действие’, обозначающее интенсивное желание, определяемое семантическим признаком ‘очень’. Например: «Есть новое *поколение*, которое *очень хочет стать лучше* себя. Обожаю эту поросль» (АиФ, 11.02.2010); «...*каждый*, поверьте, *очень хочет попасть* в „элитную 20-ку“. Уровень престижа ВУЗа в этом случае возрастает значительно» (РГ, 14.09.2010); «Как только видишь трехцветный галстук, сразу становится ясно: здесь помогают ветеранам и птицам. И еще *очень хотят показать* новой власти, что коммунистические идеалы можно слегка обрезать, подкрасить и натянуть на современных детей» (РР, 14.12.2010).

– Значение ‘иметь намерение выполнить действие’, обозначающее обдуманное желание. Например: «Спустя 50 лет *калининградка хочет отказаться* от приемной дочери» (КП, 19.03.2014); «Однако переживание полноты бытия, от-

¹² *Хотеть* восходит к прасл. *chъtĕti ‘хотеть, желать’, получившему широкое распространение в славянских языках (Сл. Фасмера).

сутствие полноты жизни, юмора резко отличают утопию от сказки: *сказка хочет обуздать* зло, утопия – искоренить, что всегда связано с насильственной реализацией бытия» (Аста 13, с.299).

– Значение ‘пытаться выполнить действие’, обозначающее желание с указанием на попытку осуществления желания. Например: «В прошлом году я поменял права категории „В” и „С”, в этом году истек срок других водительских удостоверений. *Я хотел их поменять*, а у меня их отобрали» (РГ, 30.07.2009); «Все марафоны я бежала в шортах и футболке, без шапки. Когда вышла на старт, все марафонцы-полярники были шокированы моим видом, а *организаторы хотели снять* с дистанции, но потом махнули рукой: „А, пусть бежит, раз такая сумасшедшая!”» (АиФ, 21.09.2011).

Следует отметить, что при употреблении глагола *хотеть* с отрицанием, т.е. «при отсутствии предрасположенности субъекта к осуществлению действия» [Ваулина1991: 23], дифференциация частных значений желательности нейтрализуется и реализацию в этом случае получает обобщенное значение ‘не иметь желания выполнить действие’. Ср.: «В ответ источники в российском оборонном ведомстве предположили, что Багдад отказался от выполнения соглашений под давлением США, *которые не хотят допускать* развития военно-технического сотрудничества между Россией и Ираком» (АиФ, 10.11.2012); «Многие *мужчины* так озабочены повышением качества жизни, что уже *не хотят жениться* и брать ответственность за семью» (КП, 04.02.2010); «Жить, говорит, надо легко. До 30 лет *жениться не хочу*. И мама ему говорит: „Не спеши, сынок!” Она одна его воспитала, *не хочет расставаться*» (КП, 28.01.2010); «*Они не хотели верить* и думали, что где-то скрытая камера, что это контрольная закупка или что-то в этом роде» (КП, 03.10.2010).

Заметим также, что глагол *хотеть* преимущественно реализуется в форме изъявительного наклонения, которое рассматривается «в качестве экспликатора реальной связи действия с обозначаемым им отрезком внеязыковой действительности» [Ваулина 1988: 11]. В сравнительно редких случаях использования данного глагола в сослагательном наклонении, как отмечает Г.А. Золотова, со-

ответствующие конструкции «часто не имеют модального значения нереальности, а служат для экспрессивно-стилистического выражения говорящим реального желания» [Золотова 1962: 79]. Ср.: «В жизни детей писатель находил такие связи и стороны, от которых надо было бы избавиться, и другие – которые *он хотел бы видеть* во взаимоотношениях между всеми людьми» (Астaneoph. 10, с. 137); «И если вы позволите, *хотел бы* через „РГ” *объявить* о том, что мы принимаем заявки от претендентов на замещение вакантных должностей» (РГ, 14.09.2010); «В этом году кардинально поменяется принцип формирования аудитории на точках на территории РФ. Всего будет шесть точек, традиционно ранее эти шесть точек *я не хотел бы анонсировать*» (АиФ, 22.04.2013).

Модальное значение префиксального деривата глагола *хотеть* – *захотеть* ‘проявить охоту, желание; пожелать’ (МАС), зафиксированное нами с частотностью 9,4%, в утвердительных предложениях приобретает дополнительную сему ‘начало действия’. Например: «*Александр захотел отстоять* права и пошел в Роспотребнадзор, где написал заявление» (КП, 24.04.2013); «Все бы ничего, но только *захотел он поставить* ее на учет, как полезли проблемы» (РГ, 04.04.2011); «*Захотел Владимир Владимирович* к морю, сел на вертолет и полетел. *А захотел поохотиться*, и никуда летать не надо» (КП, 02.02.2007); «Говорят, бывшая жена отдала ребенка отцу, когда мальчику было всего шесть лет – ребенок просто *захотел жить* с папой» (КП, 31.08.2010).

При этом, как отмечает Ю.Д. Апресян, в отрицательных предложениях «значение смещается в сторону чисто видового» [Апресян 1995: 447], а значит, семантически сближается с глаголом *хотеть*. Ср.: «В этом законе должны быть заложены и „пряники”, и „кнуты”: привилегии для добросовестных сотрудников и меры воздействия к тем, кто *не захочет служить* честно» (АиФ, 27.01.2010); «Кто *не захотел* это *сделать* или не успел, теперь должен по собственному желанию уйти со службы или быть уволенным в связи с утратой доверия» (РГ, 19.08.2013); «*Никто из родственников* в Россию *ехать* за телом *не захотел*, – сообщили «КП» ивановские чиновники» (КП, 27.08.2014); «Чиновников, *кто не*

захотел или не смог *перестроиться*, действительно с москвичами уже нет» (АиФ, 23.10.2013).

В безличных предложениях модальное значение желательности реализуется с помощью безличных глагольных форм *хочется / хотелось, захочется / захотелось*, выражающих значение «непроизвольного желания» [Чернова 1982: 6], частотность употребления которых в рассматриваемом микрополе составляет 11,2%. Ср.: «В заключение *хочется подчеркнуть*, что насыщенное свежим, самостоятельно добытым материалом исследование А. Бириха – решительный шаг во фразеографическую практику» (ВЯ № 6, с. 106); «Обзор растительного кода *хотелось бы завершить* выводами частного характера, которые служили бы доказательством правомерности выделения предметно-тематического кода как самостоятельной единицы при исследовании лексико-семантических полей...» (ВЯ № 5, с. 73); «*Хотелось бы*, чтобы эта книга была издана на русском языке или стала доступна в библиотеках» (ВЯ № 3, с. 151); «Мне скорее *хотелось поговорить* о том, что каждый должен оставаться хозяином своей жизни» (АиФ, 21.01.2010); «Федеральная налоговая служба выдала более 700 лицензий. Получить их сейчас могут любые юридические лица, которым *захотелось освоить* новую нишу» (РГ, 10.03.2010); «И я поняла, что настолько люблю теннис, что не хочу доиграть до такого состояния, когда совершенно *не захочется выходить* на корт» (РР, 17.10.2013).

3. 2. Ближняя периферия микрополя желательности

Ближнюю периферию микрополя желательности в русском языке формируют модальные глаголы *желать, стремиться, мечтать, намереваться, пытаться, стараться, пробовать*, несобственно модальные глаголы *собираться, решить*, глагольно-именные сочетания с лексемами *желание, попытка, намерение, решение*, составляющие в совокупности 28,1%.

Модальный глагол *желать* ‘иметь стремление к осуществлению чего-л., к обладанию чем-л.; хотеть’ (МАС), частотность употреблений которого в рассматриваемом микрополе составляет 3,7%, по своей модальной семантике соот-

носится с модальным глаголом *хотеть*, однако в отличие от него имеет дополнительную экспрессивную сему «интенсивность желания»¹³, что определяет преимущественную сферу его функционирования, ограниченную книжными контекстами¹⁴. Ср.: «Если *гражданин желает* после смерти *подарить* свое тело науке, он сможет спокойно пригласить нотариуса и скрепить печатью свою волю» (РГ, 08.11.2011); «По словам пожилой женщины, *родственница желает владеть* жилплощадью единолично и стремится всеми способами избавиться от ставшей лишней матери» (КП, 24.01.2014); «Обычно иностранная *компания желает* не просто *вложить* имеющиеся у нее свободные капиталы, а ищет в другой стране возможность развития уже существующего у нее бизнеса, выйти на новые рынки» (РГ, 04.05.2008); «Я вижу, что владелец однокомнатной квартиры зарегистрировал пять человек и *желает зарегистрировать* шестого, то не могу дать отказ в данной регистрации (КП, 01.11.2013).

В официально-деловых документах достаточно употребителен морфологический дериват глагола *желать* – причастие *желающий*. Например: «Отказ органа записи актов гражданского состояния в регистрации брака может быть обжалован в суд лицами, *желающими вступить* в брак (одним из них)» (РГ, 22.10.2007); «Учет лиц, *желающих усыновить* детей, осуществляется в порядке, определяемом органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации» (РГ, 22.10.2007); «Для целей настоящего Федерального закона используются следующие основные понятия: 1) стороны – *желающие урегулировать* спор с помощью процедуры медиации субъекты отношений, указанных в статье 1 настоящего Федерального закона» (РГ, 30.07.2010).

Ю.Д. Апресян выделяет такие семантические признаки глагола *желать*, как «чистое желание, без намека на действительную волю», «индивидуализированность, большая закреплённость за отдельной личностью» [Апресян 1995: 442]. Однако ученый оговаривает условия, при которых указанные специфические черты модификатора *желать* нейтрализуются и глагол семантически сближает-

¹³ Н.Е. Ананьева полагает, что глагол *желать* «обозначает высокую степень состояния» [Ананьева 2005: 113].

¹⁴ Это свойство данного глагола отмечается исследователями уже применительно к старшему периоду истории русского языка [см., например: Ваулина 1988: 74].

ся с модификатором *хотеть*: «когда потенциальным исполнителем желания является не субъект, а какое-то другое лицо», а также в отрицательных предложениях [Там же: 442-443]. Например: «Расторжение брака производится в судебном порядке также в случаях, если один из супругов, несмотря на отсутствие у него возражений, уклоняется от расторжения брака в органе записи актов гражданского состояния (отказывается подать заявление, *не желает явиться* для государственной регистрации расторжения брака и другое)» (РГ, 22.10.2007); «Как быть в случае, если *сотрудник* организации *не желает переводиться* на другую должность, если его не устраивают предложенные должности?» (РГ, 02.03.2009).

Аналогичную модальную функцию выполняет лексема *желание* ‘внутреннее стремление, влечение к осуществлению чего-л., к обладанию чем-л.’ (МАС), выступающая в составе глагольно-именных сочетаний, которая зафиксирована нами с употребительностью 1,8% в газетно-публицистических и официально-деловых текстах. Ср.: «По словам депутата, одна из поправок предполагает, что смс-рассылка на номера абонентов будет приходить только тем абонентам, которые сами выразили *желание* ее *получать*» (АиФ, 24.04.2013); «В последнее время у людей искусства возникло острое *желание* *говорить* об актуальных современных проблемах, в том числе и связанных с текущей политической ситуацией» (КП, 23.04.2012); «Департаменту конституционного законодательства обеспечить аккредитацию юридических и физических лиц, изъявивших *желание* *получить* аккредитацию на проведение в качестве независимых экспертов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов...» (РГ, 29.08.2012); «*Гражданин, изъявивший* *желание* *поступить* на военную службу по контракту, подает заявление в военный комиссариат, где он состоит на воинском учете... или в воинскую часть» (РГ, 02.04.2007).

Модальный глагол *стремиться* ‘стараться достичь чего-л., настойчиво добиваться чего-л.’ (МАС), частотность употребления которого в микрополе желательности составляет 2,9 %, характеризуется конкретной модальной семанти-

кой, реализуя частное значение ‘иметь стремление выполнить действие’. Данный модификатор зафиксирован нами в научных и газетно-публицистических текстах. Ср.: «Если в начале XX века *авторы стремились растворить* чужие тексты в своем, спрятать их, то в начале XXI века они, наоборот, резко выпячивают „чужое” в рамках своего текста» (Acta 11, с. 256); «Нерешительность в следовании чувству обусловлена высотой требований к себе, которую *герой* повести *стремится выдержать* именно в обстоятельствах войны» (Acta 13, с.147); «...бизнесменам, конечно же, не по вкусу требования Степашина и Онищенко, которые *стремятся принудить* их к соблюдению хотя бы элементарных правил» (АиФ, 23.10.2013); «...никто не хочет учиться в таких классах, и *никто не будет стремиться зачислить* туда своего ребенка» (КП, 01.08.2012).

В функции экспликатора значения интенсивного желания ‘иметь стремление выполнить действие’ выступает в сочетании с зависимым инфинитивом модальный глагол *мечтать* ‘сильно желать чего-л., стремиться к чему-л.’ (МАС). Данный глагол, как отмечает Ю.Д. Апресян, предполагает работу воображения и других интеллектуальных систем человека и «обозначает существенно более сильные желания, чем *хотеть*» [Апресян 1995: 438]. Примеры соответствующего модального функционирования данного глагола с частотностью (1,5%) нами были зафиксированы только в газетно-публицистических текстах. Например: «С Куршской косы туристы везут главным образом копченую рыбу. Продается она тут в изобилии, вкус имеет такой, что попробовав раз, *будешь мечтать вернуться* на косу, чтобы еще раз поесть рыбки» (КП, 28.07.2012); «Они (медведи. – *Е.М.*) меня любить не должны, и я к ним со своей симпатией не навязываюсь. Хотя *мечтаю завести* своего – и с ним подружиться» (АиФ, 24.04.2013); «Я же не сказал, что всю жизнь *мечтал сыграть* именно Харламова, вы меня неправильно поняли» (АиФ, 24.04.2013).

Модальный глагол *намереваться* ‘иметь намерение, предполагать’ (МАС) и предикативное существительное *намерение* ‘замысел, желание, предположение сделать, совершить что-л.’ (МАС) актуализируют частное значение желательности ‘иметь намерение выполнить действие’. И.Б. Шатуновский данные экспли-

каторы называет «элементарными предикатами воли» [Шатуновский 1989: 166] ввиду того, что действие, которое «субъект имеет в уме», является контролируемым [Там же]. Примеры употребления указанных конституентов (с частотностью 1,9% и 2% соответственно) были зафиксированы нами в текстах всех функциональных стилей. Например: «*Прокуратура области намеревается проводить* антикоррупционную экспертизу нормативных актов региона» (РГ, 07.10.2008); «*Судебный процесс над Анатолием Насоновым, который осенью прошлого года намеревался устроить* взрыв на стройплощадке мечети, практически завершен» (КП, 12.07.2012); «*Таким образом, принимая часть имущества отца после его смерти, истица совершила конклюдентные действия, из содержания которых следует вывод о ее намерении принять* наследство» (Вестник БФУ № 9б, с. 46); «*Придя в суд с твердым намерением доказать* необоснованность обвинений в свой адрес, *Йозеф К.* попадает в лабиринт разнообразных ходов, блуждая по которому он испытывает приступы клаустрофобии и теряет всякую уверенность в своих силах» (Вестник БФУ № 2, с. 145); «*Потребитель – гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести* либо заказывающий, приобретающий или использующий товары исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности» (РГ, 01.12.2008).

Аналогичную с вышеуказанными экспликаторами модальную специализацию в микрополе желательности имеют глаголы *собираться* (1,8%) и *решить* (2,3%), приобретающие соответствующую модальную функцию в сочетании с зависимым инфинитивом¹⁵.

Глагол *собираться*, по мнению Л.А. Городецкой, «указывает, прежде всего, на определенное ментальное состояние субъекта», но при этом «в нем достаточно сильна и идея процесса ... процесс, подразумеваемый глаголом *собираться*, может быть понят как процесс мобилизации внутренних и даже иногда внешних ресурсов» [Городецкая 2011: 35].

¹⁵ Ср.: *собираться* 'вознамериться, решиться, решить, надумать' (Сл. Ушакова), *решить* 'обдумав, прийти к практическому выводу, остановиться на каком-н. намерении, избрать образ действий' (Сл. Ушакова).

Глагол *решить*, а также существительное *решение* ‘то, что является результатом обдумывания каких-л. действий, обдуманное намерение сделать что-л.’ (МАС), выступающее в составе глагольно-именных сочетаний, обозначают «мысленное событие», которое заключается в том, «что из многих возможностей выбирается одна» [Шатуновский 1989: 169].

Как показал анализ фактического материала, данные модальные модификаторы употребляются преимущественно в газетно-публицистических текстах. Например: «Уступив сейчас в эстафете скандинавкам, *россиянки собираются взять реванш в Ванкувере*» (АиФ, 21.01.2010), «*Он собирался передать* в одну из тюрем города пять мобильных телефонов» (КП, 27.11.2013); «Со слов тех, кто участвовал в похищении, *убивать* его они *не собирались*» (РГ, 01.03.2013); «*Таксист* с 10-летним стажем в новом году *решил стать* индивидуальным предпринимателем и заниматься частным извозом на вполне легальных основаниях» (КП, 17.01.2012); «Областные власти *решили улучшить* имидж Южного Урала. Для этого они планируют „оптимизировать“ результаты поисков в системах „Яндекс“ и Google» (РГ, 27.07.2011); «*США* впервые *приняли решение учитывать* при расчете валового внутреннего продукта постиндустриальные отрасли экономики...» (АиФ, 22.04.2013); «*Президент Дмитрий Медведев принял решение создать* в России независимый следственный орган, который будет подчиняться непосредственно главе государства» (РГ, 23.09.2010).

Модальный глагол *пытаться* ‘делать попытку, стараться, пробовать что-л. сделать’ (МАС), частотность употребления которого в рассматриваемом микрополе составляет 2,6%, актуализирует частное значение желательности ‘пытаться выполнить действие’. Данный модификатор зафиксирован нами в газетно-публицистических и научных текстах. Например: «Вместо инвестиций деньги направляются куда угодно: на покупку других активов, векселей, их размещают в банках, *пытаясь получить* прибыль» (АиФ, 21.01.2010); «Недалеко от входа был завал, поэтому *пролезть* дальше несовершеннолетние *исследователи* даже *не пытались...*» (КП, 13.05.2010); «Нельзя сказать, что до этого *мы не пытались принять* меры к исправлению воистину удручающей ситуации» (КП,

23.07.2013); «*Авторы пытаются* более строго *определить* различные типы каузации, поскольку строгих определений многих терминов до этого не предлагалось» (ВЯ № 6, с. 90); «Средством адаптации нового утопического сознания были... в первую очередь, библейские представления, при помощи которых *массы пытаются* „перевести“ непонятное в понятное, разобраться в происходящем» (Акта 13, с.301); «Познавая природу, человек *пытается осознать* как ее единство, так и ее многообразие» (Actaneoph. 10, с.32).

Аналогичную модальную функцию выполняет лексема *попытка* ‘действие, направленное на осуществление или достижение чего-л., но без полной уверенности в успехе’ (МАС) в составе глагольно-именных сочетаний, употребляющаяся с частотностью 2,7 % в текстах всех функциональных стилей. При этом следует отметить, что в сочетании с девербативом она наиболее частотно функционирует в официально-деловых текстах, поскольку именно в них, как указывает Н.С. Валгина, «уместны и целесообразны» «словесные трафареты и клише ... с отглагольными существительными» [Валгина 2003: 196]. Ср.: «В данном исследовании *мы не предпринимаем попытки определить* понятие „реклама“, так как считаем, что толкования, характеризующие понятийное ядро данного феномена, представлены в словарях, а характеристика рекламы должна опираться на исследования социологов, психологов, лингвистов, специалистов по рекламе» (Акта 12, с. 219); «*Попытка* государства *ограничить* аптечные сети в накручивании цен на лекарства может привести к тому, что с прилавков исчезнут дешевые отечественные препараты» (РГ, 04.09.2009); «Допингом в спорте признается нарушение антидопингового правила, в том числе использование или *попытка использования* субстанции и (или) метода, включенных в перечни субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте» (РГ, 12.05.2010).

По модальной специфике с глаголом *пытаться* соотносятся глаголы *пробовать* (*попробовать*) ‘пытаться делать что-л., употреблять усилия для достижения чего-л.’ (МАС) и *стараться* ‘прилагать усилия, чтобы сделать, осуществить что-л., добиться чего-л.’ (МАС).

Глагол *пробовать* зафиксирован нами в газетно-публицистических и научных текстах (2,3%). При этом в научных текстах он реализуется, как правило, в форме совершенного вида *попробовать*. Например: «На памятнике краска въелась в песчаник, в течение этой недели *будем пробовать снять* ее, сотрудники фирмы „Гранмар” пообещали помочь» (КП, 01.09.2011); «А *поработать не пробовали*, как говорил Ходорковский?» (РГ, 26.10.2011); «Вы хорошо владеете языком, а *не пробовали* сами *писать* о Китае?» (РГ, 14.09.2011); «*Попробуем разобратся*, что именно дало возможность феминистским философам столь необычным образом оценить кантовское наследие» (Вестник БФУ № 6, с. 50); «С учетом сказанного, *попробуем* кратко *охарактеризовать* специфику суждений, относящихся к теоретической, практической и ценностной сферам» (Вестник БФУ № 6, с. 10).

Глагол *стараться* зафиксирован с употребительностью 2,4 % в газетно-публицистических и научных текстах. Например: «*Мужчина* вел себя неадекватно, заметно нервничал и *старался* быстрее *закончить* разговор с инспекторами» (КП, 22.08.2012); «После похода контр-адмирал единственный из экипажа получил награду – орден „Нахимова”, а на Маринеско написали уничтожающую характеристику: „*командир* подводной лодки *не старался* *искать* и *атаковать* противника”» (РГ, 24.08.2014); «Российские суды *стараются* *делить* квартиры поровну, не всегда учитывая интересы сторон» (АиФ, 23.10.2013); «Потери в родном языке у взрослых людей преодолеваются обычно логическим путем, т.е. взрослый грамотный *человек* обращается к словарям, *старается* *запомнить* обороты речи, в которых ошибался, вспоминает забытые правила правописания...» (ВЯ № 3, с.93).

3. 3. Дальняя периферия микрополя желательности

Дальнюю периферию микрополя желательности формирует достаточно разнообразный состав лексических конститuentов: глаголы *готовиться/приготовиться, согласиться, предпочитать, думать, спешить, торопиться, надеяться, жаждать, соизволить*, глагольно-именные сочетания с лексемами *надеж-*

да, готовность, предикативное существительное *охота*, наречия *жалко/жаль*, *(не)приятно, желательно*, прилагательное *склонен*, составляющие в совокупности 9,8% от общего количества конститuentов микрополя.

Квалификация модификаторов *готовиться / приготовить, готовность*, составляющих в рассматриваемом микрополе соответственно 1% и 0,8% как средств выражения модального значения желательности «поддерживается их семантическими и деривационными связями» [Кукса 2011: 19]. Так, глагол *готовиться* имеет словарную дефиницию ‘делать приготовления к чему-л.; намереваться что-л. делать’ (МАС) и соотносится с глаголом *приготовиться* со значением ‘внутренне подготовить себя к чему-л., настроить себя на что-л.’ (Сл. Кузнецова); существительное *готовность* имеет словарное значение ‘согласие, желание сделать что-л.’ (Сл. Кузнецова, МАС). Указанные модальные модификаторы, актуализирующие частное значение ‘иметь намерение выполнить действие’, зафиксированы нами преимущественно в газетно-публицистических текстах. Например: «*Алексей Архипов* неожиданно открыл в себе талант кинорежиссера и *готовится выпускать* очередную ленту» (КП, 16.07.2014), «А однажды в знаменитый подъезд пожаловала *бригада* маляров с розовой водоэмульсионкой в ведре, мол, руководство приказало делать ремонт, и *приготовились закрасивать* фрески!» (РГ, 02.10.2010), «*Министр* иностранных дел России *Сергей Лавров* подчеркнул *готовность* РФ оказывать содействие иракскому руководству в его усилиях по отпору террористической угрозе...» (РГ, 26.09.2014).

Близкую модальную функцию выполняет глагол *согласиться* ‘принять решение, совпадающее с чьим-н. предложением, советом, пожеланием’ (РСС), в лексическом значении которого содержится сема ‘волевой выбор желаемого действия субъекта’. Соответствующие реализации данного глагола с частотностью 0,9% зафиксированы нами в газетно-публицистических текстах. Например: «*Артист* Таганки *Валерий Золотухин* *согласился исполнять* обязанности художественного руководителя театра на время отпуска, проведение гастролей в Греции и начало сезона...» (РГ, 13.07.2011); «*Президент* РФ *Владимир Путин*

согласился ввести ограничения, заявив, что размер «парашютов» должен быть здоровым, а позже идею поддержала Госдума» (АиФ, 24.04.2013); «*Маэстро Юрий Темирканов не согласился играть в Кафедральном соборе на острове, так как там акустика очень гулкая...*» (КП, 05.12.2013).

В близкой модальной соотнесенности с вышерассмотренным модификатором находится и глагол *предпочитать* ‘счесть за лучшее, выбрать предпочтительно перед чем-н.’ (Сл. Ушакова), в значении которого также содержится сема ‘волевой выбор’. Примеры употреблений данного модификатора с частотностью 0,7% зафиксированы нами в газетно-публицистических текстах. Например: «Со мной трудно спорить – я *предпочитаю* своими глазами *увидеть* проблему» (КП, 10.09.2012), «Однако, по его словам, в России есть тревожная тенденция – все больше людей, имеющих деньги, *предпочитают* *лечиться* и *учиться* за рубежом» (АиФ, 24.04.2013); «По мнению Александра Ярошука, *калининградцы предпочитают* *провести* это время в кругу семьи, а не у елки» (КП, 17.12.2013).

«Мысленные события в сфере воли» [Шатуновский 1989: 172] обозначаются глаголом *думать*, выражающим в сочетании с зависимым инфинитивом значение ‘намереваться, собираться делать что-л.’ (МАС) и, соответственно, реализующим в микрополе желательности частное значение ‘иметь намерение выполнить действие’, связанное «с обозначением ментальной деятельности ... свидетельствующей об усилении рационального начала в осмыслении желательности» [Дронова 2006 б: 41]. Соответствующие реализации глагола *думать* и его префиксальных дериватов, составляющие 0,7 %, содержатся в газетно-публицистических текстах. Например: «Припарковал машину и уже *думал* *идти* *спать*, как услышал визг тормозов, а после громкий хлопок» (КП, 05.07.2013); «Обрадовавшаяся подарку *Лиля задумала совершить* на нем одиночный автопробег по России, но плохое качество дорог помешали ей воплотить намерение в жизнь» (АиФ, 11.04.2013); «Чего вчера так и не увидели поклонники “яблочной” продукции, так это часы iWatch и телевизор, которые *многие думали получить* от Apple» (АиФ, 23.10.2013).

Модификаторы *спешить* ‘стараться сделать, исполнить что-л. как можно скорее; торопиться’ (МАС), *торопиться* ‘стремиться делать что-л. как можно скорее; спешить’ (МАС) имеют одинаковую модальную специализацию, реализуя в газетно-публицистических текстах с частотностью 0,7% и 0,4% соответственно частное значение желательности ‘пытаться выполнить действие’, осложненное семантическим компонентом времени. При этом данные модификаторы преимущественно функционируют с отрицанием. Ср.: «*”Зенит” не спешил пользоваться* этим обстоятельством. Счет 1:0 вполне устраивал чемпионов России, которые хотели сэкономить силы перед важными играми с „Локомотивом” и „Миланом”» (КП, 26.09.2012); «...нужно определить конечность долга на уровне 110 процентов от первоначальной оценки недвижимости, потому что известны случаи, когда *банк не торопился подавать* на заемщика в суд... а пени и штрафы *накручивались*» (РГ, 28.02.2012); «На самом деле мой молодой человек постоянно говорит мне, что я сильно *спешу* обо всем *рассказывать* прессе» (АиФ, 21.12.2013).

Глагол *надеяться* ‘иметь надежду, рассчитывать на что-л.’ (МАС) и глагольно-именные сочетания с существительным *надежда* ‘ожидание чего-л. желаемого, благоприятного, соединенного с уверенностью в возможности осуществления’ (Сл. Кузнецова), актуализируют общее значение желания с оттенком возможности и зафиксированы нами с частотностью 0,9% и 0,6%, соответственно, в газетно-публицистических текстах. Например: «Из 3,9 миллиарда долларов доходной части бюджета 2,5 миллиарда планируют собрать в виде налогов, а остальные 1,4 миллиарда *власти ПА надеются получить* от иностранных спонсоров» (АиФ, 18.04.2013) = «надеются на возможность получения»; «*Полиция надеется установить* кавалеров двух боевых наград, которые были изъяты у „черного копателя”» (КП, 29.05.2012) = «надеется на возможность установить»; «У них, конечно, *была надежда остаться* в стороне. Хотя бы тем же объектом для изучения сельскохозяйственного уклада» (РГ, 26.12.2012) = «надежда на возможность остаться»; «По крайней мере, на будущее *есть надежда*

просветить заблуждающихся небожителей и отвести угрозу от еще оставшихся немецких казарм» (КП, 30.08.2013) = «надежда на возможность просветить».

Предикативные наречия *жалко/жаль* ‘о нежелании тратить, отдавать и т. п. что-л., лишиться чего-л.’ (МАС) актуализируют значение нежелательности действия, сопровождающееся «психической реакцией субъекта к какому-либо объекту, который выступает в качестве стимула сообщения» [Краснова 2002: 103]. Данные конstituенты с частотностью 0,8 % функционируют в газетно-публицистических текстах. Ср.: «Видимо, тем же самым руководствуются и люди, которым *очень жаль выбрасывать* старые игрушки (свои и детей)» (РГ, 28.12.2012); «Тут вы, дорогие читатели, если у вас нет лишних денег или вам их просто *жалко отдавать*, должны испытать острое чувство вины» (АиФ, 22.04.2013); «И вот так всю жизнь – не очень высыпаюсь: вокруг столько всего интересного, что просто *жалко тратить* время на сон» (КП, 18.08.2010).

Предикативное наречие *желательно* ‘полезно, нужно; хотелось бы’ (МАС) актуализирует совмещенное значение желательности и необходимости с семантическим оттенком рекомендации выполнения определенного действия в будущем. Соответствующие реализации данного модификатора с частотностью 0,7% зафиксированы нами в газетно-публицистических текстах. Ср.: «*Желательно отказаться* от употребления газированных напитков, острой и соленой пищи...» (РГ, 05.07.2012) = «желательно / рекомендуется отказаться»; «Единственное – русский человек один раз в пять лет должен выйти в поле, перебить всех, показать себя молодцом и *желательно умереть* там же, на этом поле, красиво, с огоньком» (РР, 06.06.2013) = «желательно / нужно умереть»; «*Масла использовать нежелательно*, так как они содержат эфиры, которые могут вызвать фотодермит» (КП, 29.07.2009) = «нежелательно / не рекомендуется использовать».

Краткое прилагательное *склонен* ‘имеющий какое-л. намерение, желание, готовый к чему-л.’ (МАС) актуализирует значение желательности с дополнительным семантическим компонентом ‘предрасположенность субъекта к выполнению действия’. Примеры подобных употреблений данного конstituента зафик-

сированы с частотностью 0,7% в газетно-публицистических и, реже, – научных текстах. Ср.: «При этом государство сознательно шло на риск – *человек думающий склонен критически оценивать* окружающий мир, в том числе и политический строй» (АиФ, 19.04.2013); «*Американцы не склонны затягивать* принятие решения, так что вы можете получить согласие или отказ в первые десять минут переговоров» (РГ, 03.06.2012); «Кроме того, по их данным, *подростки с более развитыми социальными ресурсами были менее склонны использовать* вербальную и физическую агрессию, чем подростки, чьи ресурсы были ограничены» (Вестник БФУ № 11, с. 65).

Предикативы *приятно* ‘о чувстве удовольствия, испытываемом кем-л.’, *неприятно* ‘о чувстве неудовольствия, огорчения, досады, испытываемом кем-л.’ (МАС) эксплицируют значение желательности/нежелательности с компонентом эмоциональной оценки субъектом действия. Данные конститuentы с частотностью 0,4% зафиксированы нами в газетно-публицистических текстах. Ср.: «„*Нам было очень приятно за всем этим наблюдать, болеть за вас, тем более что Олимпиада, которая проходила до этого, доставляла разные эмоции*”, – признался Дмитрий Медведев, принимая спортсменов в Кремле» (РГ, 05.04.2010); «*Мне будет приятно играть в родном городе*» (КП, 01.10.2009); «И потому *неприятно понимать*, что начинаешь систематически писать о том же, за что критиковали Фурсенко» (АиФ, 27.03.2013); «На пляж в Зеленоградске *выходить неприятно*» (КП, 15.06.2010).

Глагол *жаждать* ‘сильно, страстно желать чего-л.’, имеющий в толковых словарях русского языка стилистическую помету ‘книжн., устар.’ (МАС), характеризуется невысокой частотностью употреблений (0,2%), зафиксированных нами в газетно-публицистических текстах. Ср.: «Билеты в кассах на центральные трибуны вроде бы закончились, но на дешевые места за воротами *народ идти не жаждал*» (РГ, 07.09.2011); «...*канадцы Теса Вирту и Скотт Мойр при своих болельщиках будут жаждать* взять реванш, что, в принципе, им по силам» (АиФ, 12.03.2013).

Глагол *соизволить* ‘изъявить желание, милостиво согласиться; соблагово- лить’ (МАС) является стилистически маркированным, устаревшим, книжным глаголом, который в современном русском языке употребляется с оттенком иронии и немногочисленными примерами (0,2%) зафиксирован в газетно- публицистических текстах. Например: «Однако в итоге за все эти годы *они* даже *не соизволили позвонить*, чтобы рассказать о своих успехах» (АиФ, 13.03.2013); «И вновь нужно искать, где она начинается, и потом долго проталкиваться к месту осмотра, протолкнувшись, ожидать, пока *инспектор соизволит подойти*» (РГ, 03.07.2013).

Предикативное существительное *охота* ‘есть желание, хочется’, имеющее в словарях стилистическую помету ‘устар.’ (МАС), зафиксировано со значением ‘иметь желание выполнить действие’ единичными употреблениями (0,1%) в разговорных контекстах. Ср.: «И *охота* же шею *ломать* да выхлопным бензо- лом дышать», – думала я, глядя на этих резвых странников (КП, 30.08.2012); «Часто ребята надевают на тренировки свои вещи, а не положенную экипиров- ку, – говорит тренер. – Понимаю. Они ещё молодые, *охота покрасоваться*» (АиФ, 11.10.2013).

Выводы

Проведенный функционально-семантический анализ показал, что эксплика- ция микрополей возможности, необходимости и желательности в современном русском языке обеспечивается широким набором экспликаторов. В качестве компонентов центральной зоны исследуемых микрополей выделяются наиболее частотные, выражающие модальное значение в многообразии их частных реали- заций и стилистически не маркированные собственно модальные модификато- ры. Так, центральное положение в микрополе возможности устойчиво занимают собственно модальный глагол *мочь*, предикативы *можно* и *нельзя*; центральную зону микрополя необходимости формируют прилагательное *должен*, предика- тивы *надо*, *нужно*; в центральной зоне микрополя желательности находятся мо- дальный глагол *хотеть*, его префиксальный дериват *захотеть* и безличные

формы *хочется / хотелось, захочется / захотелось*. Набор конститuentов ближней и дальней периферии характеризуется разнообразием, при этом наиболее регулярными являются лексические модификаторы. Грамматические средства выражения ситуативной модальности имеют относительно невысокую частотность употребления, однако, безусловно, играют важную роль, выступая в качестве синонимических средств по отношению к лексическим модальным модификаторам, тем самым расширяя возможности актуализации значений ситуативной модальности.

В силу диффузности границ микрополей ситуативной модальности ряд конститuentов способен актуализировать совмещенные значения возможности / желательности, необходимости / желательности, возможности / необходимости. Таким свойством межполевой миграционной активности особенно характеризуются лексические конститuentы рассматриваемых микрополей. Так, свидетельством проницаемости микрополей ситуативной модальности может являться глагол *мочь*, в ряде случаев реализующий совмещенное значение возможности / необходимости, глаголы *удаваться / удался, осмелиться* как актуализаторы совмещенного значения возможности / желательности, безличный глагол *рекомендуется*, эксплицирующий совмещенное значение необходимости / желательности.

Следует также отметить, что, реализуясь в текстах всех функциональных стилей, ситуативная модальность наиболее широким набором конститuentов представлена в газетно-публицистических текстах, отражающих широкий и тематически разнообразный спектр внеязыковых отношений и не имеющих стилистических ограничений.

Глава III. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ СИТУАТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

§ 1. Микрополе возможности

1.1. Центральная зона микрополя возможности

В качестве компонентов центральной зоны микрополя возможности в польском языке выступают наиболее частотные, имеющие емкую модальную семантику, стилистически не маркированные модальные модификаторы: глагол *móc*, предикативы *można*, *nie można* в сочетании с зависимым инфинитивом, частотность функционирования которых в рассматриваемом микрополе составляет 57,9%¹⁶.

Доминантой центральной зоны модального микрополя возможности является глагол *móc* (42,1%), имеющий следующие словарные значения: ‘иметь достаточно силы, средств, способностей для выполнения чего-л., суметь, справиться; иметь право или обязанность, быть уполномоченным; являться возможным’ (Sł. Doroszewskiego); ‘отсутствие запрета, не встретить запрета, который бы помешал что-л. сделать’ (WSJP). Польский глагол *móc* этимологически соотносится с русским глаголом *мочь*, имея единый с ним праславянский корень **mokъ* (Sł. Brücknera; Сл. Фасмера), и обладает столь же емкой семантикой.

Отмечая широту семантического объема глагола *móc*, Р. Гжегорчикова и Г. Врубель подчеркивают, что данный модификатор в зависимости от контекста способен выражать различные типы модальности [Grzegorzczukowa 2001: 149-153; Wróbel 1991: 263-264]. Заметим также, что данный глагол внесен в список наиболее продуктивных слов польского языка [SMJP].

¹⁶ Здесь и далее количество процентов рассчитывается от общего количества функционирования экспликаторов значений ситуативной модальности в рамках рассматриваемых микрополей.

Глагол *móc*, выступая в текстах различных функциональных стилей, способен актуализировать все частные значения возможности¹⁷:

– Значение ‘(не) иметь возможность выполнить действие’: «W 1912 roku *biolodzy* po raz pierwszy zobaczyli jądro ludzkiej komórki i *mogli sprawdzić*, ile chromosomów się tam chowa» (GW, 16.10.2012) = «имели возможность проверить в связи с наличием объективных обстоятельств»; «KZKiOR był jedynym polskim członkiem Copra Cogeca, organizacji zrzeszającej unijne reprezentacje związków rolniczych. – Przez kilka lat *nie mogliśmy się* do Copra Cogeca *zapisać*, ponieważ Serafin nas blokował» (Polityka, 25.07.2012) = «не имели возможности записаться в связи с наличием объективных обстоятельств».

Р. Лапа указывает, что основными компонентами высказываний, актуализирующих частное значение ‘иметь возможность’, являются «участник действия, потенциальное действие и условия, определяющие совершение действия», которые «могут как способствовать, так и мешать выполнению действия» [Лапа 1996: 137]. Как следует из анализа нашей картотеки, в ряде примеров употребления глагола *móc* в рассматриваемом значении все указанные компоненты присутствуют. Ср.: «*Dzięki inwestycjom* poprawiającym polskie drogi, lotniska i koleje, *turyści zagraniczni* nie boją się przyjeżdżać, bo *mogą się* szybko *przemieszczać* po Polsce (RP, 19.11.2014) = «имеют возможность перемещаться»; «*Pacjent* po przeszczepie szpiku kostnego *może zostać zakwalifikowany* do szpitala po przedstawieniu opinii lekarza specjalisty w dziedzinie hematologii, *pod warunkiem że* od dnia przeszczepu do dnia rozpoczęcia leczenia w szpitalu upłynie okres nie krótszy niż 6 miesięcy» (DU, 05.01.2012) = «имеет возможность быть направленным»; «Prasa informuje, że w Bydgoszczy *nie może powstać* Stowarzyszenie Lambda, zajmujące się walką z dyskryminacją homoseksualistów, *gdyż nie jest ono w stanie się zarejestrować*» (Polityka, 27.06.2009) = «не имеет возможности быть созданным».

¹⁷ Отметим, что польские исследователи Р. Лапа и Б. Бартницка ограничивают круг модальных значений, выражаемых глаголом *móc*, двумя: ‘иметь возможность’ и ‘быть в состоянии’ [Лапа 1996: 136; Bartnicka 1982: 93-94].

– Значение ‘(не) иметь право выполнить действие’: «*Minister właściwy do spraw finansów publicznych może, w drodze rozporządzenia, wyrazić zgodę na zwiększenie wielkości wynagrodzeń...*» (DU, 30.12.2011) = «имеет право согласиться»; «*W sprawach wymienionych w § 1 organizacje pozarządowe w zakresie swoich zadań statutowych mogą (...) przystąpić do niej w toczącym się postępowaniu*» (DU, 10.09.2011) = «имеют право приступить»; «*Wielkość wynagrodzeń (...) nie może przekroczyć w 2012 r. wielkości wynagrodzeń zaplanowanych w ustawie budżetowej na rok 2011 z dnia 20 stycznia 2011 r.*» (DU, 30.12.2011) = «не имеет права превысить»; «*W roku 2012 wielkość wynagrodzeń oraz wynagrodzeń bezosobowych w Narodowym Centrum Nauki oraz Narodowym Centrum Badań i Rozwoju nie może przekroczyć wielkości wynagrodzeń oraz wynagrodzeń bezosobowych ustalonych w planach finansowych...*» (DU, 30.12.2011) = «не имеет права превысить».

Данное значение глагола *móc* наиболее частотно актуализируется в официально-деловых текстах, что представляется вполне закономерным, поскольку официально-деловые документы фиксируют регулятивные функции права, которые, в частности, выражаются в предоставлении прав субъектам и установлении правил поведения. Схожая ситуация, как мы отмечали в предыдущей главе, наблюдается и при реализации рассматриваемого значения русским глаголом *мочь*.

Значение ‘(не) иметь право выполнить действие’ довольно регулярно выражается глаголом *móc* и в газетно-публицистических текстах, в которых также возможна вербализация регулятивной функции. Ср.: «*W USA każda dorosła osoba, która ma prawo jazdy, może przygotowywać początkującego kierowcę do egzaminu na prawo jazdy. Mogą to także robić wyspecjalizowane firmy, ale nie mają takiego obowiązku*» (Wprost, 13.08.2013) = «имеет право готовить; имеют право делать»; «*Problem polega na tym, że MFW może pomagać państwu, ale nie przedsiębiorstwom*» (Newsweek, 03.07.2010) = «имеет право помогать».

В ряде случаев нами зафиксированы примеры, в которых глагол *móc* реализует указанное значение, совмещенное со значением долженствования / запрета,

что особенно ярко проявляется при реализации данного глагола в отрицательной форме. Ср.: «Przecież *ktos*, kto umarł z poświęcenia dla życia i ludu, *nie może być nazywany* zmarłym!» (GW, 13.04.2013) = «не имеет права / не должен называться»; «*Żadna ze stron umowy nie może tej drugiej narzucać* konkretnych zapisów» (RP, 16.01.2013) = «не имеет права / не должна навязывать»; «*Lekarze pracujący w firmach abonamentowych nie mogą wystawiać* tych kart, chociaż mają prawo wypisywać recepty» (RP, 17.10.2014) = «не имеют права / не должны выписывать».

– Значение ‘(не) быть в состоянии выполнить действие’, реализация которого обусловлена причинами физического или психологического характера. Ср.: «*Dużo może wybaczyć* [Cwietajewa. – E.M.] – zdradę, śmierć, kłamstwo, tylko nie brak miłości» (Acta13, s.72) = «в состоянии простить в силу психологических качеств»; «*Kontuzja nogi zmusiła do przerwania spotkania z Rafaelem Nadalem także Australijczyka Bernarda Tomica. Gdy po pierwszym secie, przegranym 4:6, ogłosił, że nie może kontynuować* rywalizacji, publiczność na największym korcie obiektu nieśmiało go wybuczała» (GW, 14.01.2014) = «не в состоянии играть дальше из-за физического состояния»; «*Siedmiu na ośmiu „wyleczonych” wraca prędzej czy później do nałogu. I ja nie mogę patrzeć, jak oni wracają – wzdycha siostra*» (GW, 03.02.2012) = «не в состоянии смотреть в силу психологического состояния».

– Значение ‘(не) иметь способность выполнить действие’: «Obama pokazał, że *Ameryka potrafi się zmienić, że może prowadzić* inną politykę» (Polityka, 27.06.2009) = «способна вести»; «Te inne, świeże aranżacje były ciekawe, ale działały głównie dzięki temu, że Björk ma magnetyczną osobowość i silny głos. Jej moc nie polega na tym, że *może strzelać* laserami z obu rąk» (GW, 05.07.2012) = «способна стрелять»; «*Jak się okazało Mistrale nie mogą pływać* w niskich temperaturach» (Wprost, 26.01.2013) = «не способны плавать».

В научных и официально-деловых текстах глагол *móc* регулярно функционирует в страдательных конструкциях, реализуя частные значения объективной возможности, что характерно и для глагола *мочь* в русском языке. Данный факт обусловлен тем, что тексты данных стилей ориентированы преимущественно на

безличностное представление автора. В научной литературе автор персонифицирован, но пытается максимально отстраниться от своего текста, в официально-деловых документах «автор как субъект речи не обозначается» [Валгина 2003: 152]. Ср.: «Dotyczy to w pierwszej kolejności takich elementów obcych, które w języku-biorcy i w kulturze jego użytkowników *mogą być włączane* w procesy konceptualizacyjne» (Acta11, s.297) = «есть возможность включить в процессы»; «W perspektywie odbiorcy jego *rola i funkcje* w tekście aktualnym *mogą być traktowane* zupełnie inaczej, gdyż odbiorca zawsze dysponuje mnogością odczytań i interpretacji konglomeratu „wyraz obcy w tekście aktualnym”» (Acta11, s. 298) = «есть возможность понять»; «Dawkowanie koncentratów czynnika krzepnięcia u pacjentów (...) *może zostać ustalone* indywidualnie przez Zespół Koordynujący ds. kwalifikacji i weryfikacji leczenia w programie zapobiegania krwawieniom u dzieci z hemofilią A i B» (DU, 14.12.2011) = «есть возможность установить»; «W sprawach o ochronę dóbr osobistych *zabezpieczenie* polegające na zakazie publikacji *może być udzielone* tylko wtedy, gdy nie sprzeciwia się temu ważny interes publiczny» (DU, 16.09.2011) = «имеется право предоставить».

В польском языке отсутствует видовая пара глагола *móc*, в отличие от русского языка, где видовой парой глагола *мочь* является *смочь*. В качестве эквивалентов соответствующей видовой пары для выражения реализованной возможности (т.е. применительно к прошедшему времени) выступают модальные глаголы *potrafić*, *zdołać*, которые, в силу конкретности своей семантики¹⁸, способствуют конкретизации выражаемого ими значения возможности. Ср.: «*Bettina Wulff* w świetle fleszy prezentowała się doskonale, ale jako żona potępianego przez wszystkich polityka, u którego policja przeprowadza rewizję, *nie potrafiła sobie poradzić*» (GW, 13.04.2013) = «не смогла / не была в состоянии справиться»; «*Mołdawski parlament nie zdołał* w poniedziałek *wybrać* na prezydenta Mariana Lupu kandydata prozachodniej koalicji rządzącej i przewodniczącego Demokratycznej Partii Mołdawii...» (Wprost, 07.12.2009) = «не смог / не был в состоянии выбрать».

¹⁸ Ср. в БПРС: *potrafić* ‘суметь, смочь’; ‘оказаться в состоянии’; ‘быть способным’, *zdołać* ‘суметь, смочь’; ‘оказаться способным’, ‘оказаться в состоянии’.

Для выражения нереализованной возможности (т.е. применительно к будущему) времени в качестве эквивалента русского глагола *смочь* в польском языке используется сложная форма будущего времени глагола *moć*. Например: «W partii panuje przekonanie, że jeśli stworzymy rząd z PiS, to Kaczyński skupi się na Smoleńsku, a *ty będziemy mogli liczyć* na kilka istotnych ministerstw» (Wprost, 01.05.2011) = «будем иметь возможность рассчитывать»; «*Mieszkańcy Nowego Zamienia będą mogli załatwić* większość codziennych spraw na miejscu» (RP, 20.12.2014) = «будут иметь возможность решить».

Высокой частотностью функционирования (15,8%) характеризуется предикатив *można*, совпадающий по своей модальной семантике с русским предикативом *можно* (ср.: ‘можно’ – БПРС, ‘являться возможным, нет препятствий; разрешается’ – SJP, Sł. Doroszewskiego). При этом особенностью его функционирования является то, что он имеет соотносительную отрицательную форму *nie można*, в отличие от современного русского языка, где в качестве соответствующей бинарной оппозиции предикатива *можно* используется модальный предикатив *нельзя*¹⁹. Следует также отметить, что предикативы *можно*, *нельзя* в русском языке, на что мы обращали внимание в предыдущей главе, могут выступать в предложениях с субъектом в дательном падеже, в предложениях же с польскими предикативами *można*, *nie można* дательный субъекта отсутствует.

Как и русские предикативы *можно*, *нельзя*, польские предикативы *można*, *nie można* реализуют частные значения объективной возможности:

– Значение ‘(не) иметь возможность выполнить действие’: «Szczegółowy regulamin *można znaleźć* w projekcie noweli kodeksu karnego wykonawczego» (Polityka, 27.06.2009) = «можно найти»; «W każdą sobotę *można go* [Piotra Lisiewicza. – E.M.] *spotkać* pod poznańskim mostem Teatralnym» (Wprost, 01.05.2011) = «можно встретить»; «Ameryki *nie można już postrzegać* jako wcielenia zła» (Polityka, 27.06.2009) = «нельзя воспринимать»; «*Nie można jednak*

¹⁹ Употребление предикатива *можно* (в древнерусской огласовке *мочьно*) с отрицательной частицей – не можно (не мочьно), широко представленное в древнерусском и старорусском языках [см. об этом: Ваулина 1988], зафиксировано в настоящее время в русских народных говорах и в фольклоре [см.: Подручная 2009].

lekceważyć doświadczenia Danuty Hubner i jej osobistej pozycji» (Polityka, 20.06.2009) = «нельзя пренебрегать».

– Значение ‘(не) иметь право выполнить действие’: «Gdy śledczy postanowili poprosić Bundestag, by odebrał Wulffowi immunitet, tak by *można było postawić* mu zarzuty (nigdy wcześniej do czegoś takiego nie doszło), prezydent podał się do dymisji» (GW, 13.04.2013) = «можно было выдвинуть обвинения»; «Dzięki nowym przepisom ślub będzie *można wziąć* poza urzędem» (Wprost, 25.07.2014) = «можно жениться»; «Dotychczas na pokład samolotu *nie można było zabierać* żadnych płynów w ilości większej niż 100 ml, nowe regulacje UE łagodzą te przepisy» (GW, 31.01.2014) = «нельзя было брать жидкости»; «Od 2014 roku *nie będzie można uzyskać* kredytu hipotecznego, jeśli nie posiada się przynajmniej 5-procentowego wkładu własnego» (GW, 09.12.2013) = «нельзя будет получить кредит».

Как и русские модальные предикативы *можно, нельзя*, предикативы *można, nie można*, широко употребляются в научных текстах, что связано с преобладанием безличных предложений в данном функциональном стиле и стилистической нейтральностью указанных модификаторов. Ср.: «Na podstawie zaprezentowanych dziesięciu wariantów tłumaczeń tego samego zdania *można stwierdzić*, że rzeczywiście istnieje wiele możliwości, aby przełożyć ten sam fragment tekstu na język obcy (Prace jęz.10, s.46) = «есть возможность утверждать»; «*Można* tak *wnioskować* chociażby na podstawie analizy tekstu drugiego edyktu z Cyreny» (Echa, s. 20) = «есть возможность делать вывод»; «Z punktu widzenia nadawcy *można* w takich przypadkach *mówić* o parametrze „przydatności” wyrazów obcych, które występują jako nośnik określonej semantyki» (Acta11, s. 298) = «есть возможность говорить»; «W strukturze kognitywnej większości analizowanych kontekstów bez trudu *można zrekonstruować* trójwymiarowość przedstawianych fragmentów rzeczywistości» (Acta11, s. 300) = «есть возможность реконструировать»; «Ale kontakt komunikatów nie jest ściśle określony: z jednej strony, *nie można twierdzić*, że mamy tu do czynienia z komunikacją ustną czy pisemną, ale z drugiej (...) ten kontakt ma charakter oficjalny» (Actaneoph9, s. 25) = «нет возможности

утверждать»; «*Nie można jednakże zaprzeczyć, że niektóre warianty tłumaczeń lepiej, a niektóre gorzej oddają treść tekstu w języku wyjściowym*» (Prace jęz.10, s. 44) = «нет возможности опровергнуть».

1.2. Близняя периферия микрополя возможности

Близняя периферия микрополя возможности в польском языке, как и в русском, формируется широким набором лексических и грамматических экспликаторов, составляющих в совокупности 36,5%.

1.2.1. Лексические экспликатory значения возможности

К лексическим модификаторам относятся глаголы *umieć, potrafić, dać się, udawać się/udać się*, предикативы *wolno, nie sposób, trudno, ciężko, lekko, łatwo*, глагольно-именные сочетания *być w stanie, mieć siłę*, а также глагольно-именные сочетания с лексемами *możliwość, prawo*, прилагательные *zdolny, gotów*.

Модальный глагол *umieć*, частотность функционирования которого составляет 2,7%, реализует частное значение возможности ‘(не) иметь способность выполнить действие’ и соотносится с русским глаголом *уметь*. Однако польский глагол *umieć* обладает более широким семантическим объемом, что подтверждается его словарной дефиницией ‘иметь практические знания чего-л., быть экспертом в чем-л., знать; мочь, быть в состоянии’ (Sł. Doroszewskiego), и переводится на русский язык не только как *уметь*, но также и как *знать, мочь* (БПРС). Например: «Papież sam jest człowiekiem, który *umie słuchać* innych, jest człowiekiem dialogu – podkreślił» (GW, 21.09.2011) = «умеет слушать»; «Gdy chory *umiał pogodzić się* ze swoim losem, ludność często traktowała go z czcią jako „chorego Pana Boga”» (RP, 08.11.2014) = «мог смириться»; «Zresztą mam to szczęście, że córka od 1-ej klasy wszelakich wierszy uczy się w szkole kiedy pani odpytuje dzieci z czytanek (ponoć bardzo jej się wtedy nudzi) i jak wraca ze szkoły, to mówi tylko, że pani zadała wiersz na pamięć, ale już go *umie*» (GW, 15.12.2014) = «знает».

Кроме того, *umieć*, в отличие от русского глагола *уметь*, не имеет видовой пары, отсутствие которой компенсируется использованием сложной формы бу-

дущего времени данного глагола. Ср.: «Zasugerował jednak, że *kluby*, które *nie będą umiały zapewnić* sobie wystarczających środków na funkcjonowanie, mogą zostać usunięte z KHL» (RP, 22.12.2014) = «не сумеют обеспечить»; «Во на jednego poinformowanego przypadku stu znieczulonych, *którzy nie będą umieli wejść* w temat głębiej, więc uznają, że cała ta sprawa to absurd lub „kościelne horrory”» (Wprost, 12.08.2012) = «не смогут углубиться».

Как показал анализ фактического материала, глагол *umieć* наиболее частотно реализуется в газетно-публицистических текстах, при этом большинство примеров употребления данного модификатора нами зафиксировано в отрицательной форме. Например: «34% Polaków *nie umiało powiedzieć*, czy pułkownik Kukliński służył Polsce» (GW, 07.01.2014) = «не могли сказать»; «Sąd wytknął, że przed wpływem nie ocenili stanu łodzi, nie dopilnowali, aby był na niej sprzęt ratowniczy (choć wiedzieli, że *większość uczniów nie umie pływać*), dopuścili do przekroczenia ładowności» (RP, 20.09.2014) = «не умеет плавать».

Модальный глагол *potrafić* ‘быть в состоянии сделать что-л., мочь, уметь, суметь добиться что-л.’; ‘достигать определенного состояния’ (Sł. Doroszewskiego); ‘суметь, смочь’; ‘оказаться в состоянии’; ‘быть способным’ (БПРС), частотность функционирования которого составляет 3,5%, по своей модальной семантике и сфере функционирования также соотносительна с русским глаголом *уметь* и его видовой парой – глаголом *суметь*, т.е. передает возможность, совмещенную «со значением умения сделать что-либо» [Аскоченская 1998б: 65]. Например: «Liczyliśmy na koalicję z Platformą, ale nic z tego nie wyszło, więc pokazaliśmy, że jeśli trzeba, *potrafimy stworzyć* koalicję z każdym» (Wprost, 01.05.2011) = «способны создать коалицию»; «*Studenci* wpisujący się w profil minimalny, mając problemy w zakresie języka obcego, *nie potrafią* sprawnie *nadrobić* zaległości w ramach oferowanych kursów» (Actaneoph 9, s. 89) = «не способны ликвидировать задолженности»; «*Osoba* ma wiedzę z zakresu pola siły ciężkości Ziemi oraz zjawisk pływowych, a także (...) *potrafi wykonać* względne pomiary grawimetryczne, obliczać redukcje i anomalie grawimetryczne» (DU, 14.07.2014) = «лицо способно произвести измерения».

Вместе с тем глагол *potrafić*, как отмечает Н.Д. Рыболовлев, «может обозначать действие как ограниченное, так и не ограниченное пределом» [Рыболовлев 1989б: 135], что отличает его от глагола *sumieć*. Отметим также, что и польские толковые словари (Sł. Doroszewskiego; SJP) указывают на возможность употребления глагола совершенного вида *potrafić* при обозначении незавершенного действия, то есть в зависимости от речевой ситуации его можно квалифицировать как глагол совершенного или несовершенного вида. Ср.: «*Potrafiliśmy je [wnioski. – E.M.] wyartykułować, ale nie potrafiliśmy nauczyć się czegokolwiek na błędzie*» (GW, 29.07.2011) = «смогли сформулировать; не смогли научиться»; «*W odróżnieniu od drugiego Andrzeja, mówi wszem i wobec, że on rysuje, choć właściwie nie potrafi*» (GW, 27.11.2013) = «он рисует, хотя не умеет»; «*W Neapolu trwają zaawansowane prace nad robotem, który potrafi zrobić pizzę: wyrobić ciasto, ułożyć na placku dodatki i upiec*» (GW, 30.10.2013) = «сумеет сделать пиццу».

Глаголы *udawać się / udać się* ‘завершиться удачно, повезти’ (SJP), ‘закончиться так, как ожидалось’ (Sł. Doroszewskiego), частотность функционирования которого составляет 2,8%, соотносится с русскими глаголами *удаваться/удаться*, реализуя значение субъективной возможности, связанное с преодолением трудностей и содержащее дополнительную сему желаний (попытки). Большинство примеров употребления данных модификаторов нами зафиксировано в газетно-публицистических текстах. Например: «*Patrzy pan z podziwem, jak premierowi udało się bez większych strat ominąć aferę hazardową, Smoleńsk, kryzys gospodarczy?*» (Wprost, 01.05.2011) = «удалось обойти»; «*Niewielu jej absolwentów przebiło się na wysokie stanowiska (...), a ci, którym się to udało, też wybierali różne modele kariery*» (Polityka, 25.07.2012) = «удалось пробиться»; «*Nie udało się zasypać pamięci, nie udało się spotwarzyć tych, którzy zginęli, nie udało się skompromitować ich w oczach własnego narodu – powiedział lider PiS po „marszu pamięci”*» (Wprost, 10.04.2012) = «не удалось предать забвению, очернить, скомпрометировать»; «*Poszkodowane osoby nie zdradzały, jakie dostały za to odszkodowania, bo sprawę udawało się załatwić „po dobroci”*» (GW, 17.09.2014) =

«удавалось решить вопросы „по-хорошему”»; «Mimo starań *nie udaje się* ochronić przed ebolą personelu medycznego w Sierra Leone» (GW, 03.11.2014) = «не удастся защитить от вируса».

Безличный глагол *da się* ‘являться возможным’ (Sł. Doroszewskiego), употребительность которого составляет 2,4%, выражает значение объективной возможности ‘(не) иметь возможности выполнить действие’ и по модальной функции соотносится с русскими предикативами *возможно/невозможно*. Однако в отличие от них глагол *da się* сочетается только с инфинитивом совершенного вида, передавая объективную возможность завершенного, результативного действия. Чаще всего он функционирует в научных текстах, создавая «объективированный характер изложения» [Солганик 2010: 72]. Ср.: «Analizując daną gwarę jako odmiankę języka ogólnego i jej cechy słowotwórcze, *da się zauważyć*, że w obrębie tego samego języka istnieją odrębne sposoby konceptualizacji świata» (Prace jęz.10, s. 54) = «есть возможность заметить»; «*Nie da się* więc pominąć milczeniem historycznej roli pięknej wojewodzianki» (Acta13, s. 90) = «нет возможности обойти молчанием»; «Kiedyś na pewno *da się wyjaśnić*, z czym tak naprawdę mieliśmy i mamy do czynienia» (s. 121, Acta13) = «будет возможность выяснить».

Модификатор *wolno* ‘можно, разрешено’ (Sł. Doroszewskiego), частотность функционирования которого составляет 2,3%, выражает частное значение объективной возможности ‘(не) иметь права выполнить действие’, наиболее регулярно реализующаясь в газетно-публицистических и научных текстах. По модальной функции он соотносится с русскими модификаторами *разрешено* и *запрещено*, однако имеет более емкую семантику, чем названные русские предикативы, что подтверждается данными нашей картотеки и согласуется с утверждением А. Рудык о сходстве лексем *można* и *wolno* с точки зрения семантики [Rudyk 2009: 176]. Например: «Dwernicki twierdził, że (...) innego wymaga rodzaju traktowania podŁomendnego korpusu, a zwłaszcza aby mu *wolno było* po złożeniu broni przejść swobodnie przez granicę na powrót na teren operacji wojennych» (Echa, s.80) = «разрешено / вправе / можно перейти границу»; «Zaczyna się pierestrojka, pierwsza od lat autentyczna szansa na zmiany – i to nie tylko w gospodarce, ale i

kulturze: *wolno* już np. *wydawać* Sołżenicyna, likwidacji ulega instytucja cenzury (s.173, Acta 13) = «разрешено / вправе / можно издавать»; «Nie jest dobrze, jak się słyszy, że ci, którzy stanowią prawo, nie wiedzą rzeczy podstawowej, że *nie wolno bić* człowieka bezkarnie; że *nie wolno bić* przedstawiciela państwa, jakim jest policjant czy nawet prywatna osoba, kamienicznik...» (Wprost, 31.10.2013) = «запрещено / не вправе / нельзя бить человека; запрещено / не вправе бить представителя государства»; «*Nie wolno straszyć* dziecka zdaniem w rodzaju: „w przedszkolu nauczą cię grzeczności”...» (RP, 14.03.2013) = «запрещено / не вправе / нельзя запугивать ребенка».

Модификаторы *trudno*, *ciężko*, *lekkie*, *łatwo*, частотность функционирования которых составляет в совокупности 2,1%, так же, как и их русские эквиваленты *трудно*, *тяжело*, *сложно*, *легко*, *просто*, в зависимости от речевой ситуации способны актуализировать значения как объективной, так и субъективной возможности, наиболее регулярно реализуются в газетно-публицистических текстах. Лишь единичные примеры их употребления нами были зафиксированы в научных текстах. Например: «Zwycięzcom *trudno* będzie jednak *znaleźć* partnera do koalicji» (GW, 13.05.2013) = «нет возможности найти»; «Jego partnerka Agnieszka, pracownica PAN, uważa, że „małżeństwa często zawierane są z różnych względów, np. ekonomicznych, i funkcjonują jak kontrakt biznesowy, układ z którego *ciężko się wyplatać*”» (Wprost, 01.06.2012) = «нет возможности выйти»; «Anestezjodolży, dzięki masowym wyjazdom za granicę i wynikłemu z nich błogosławionemu deficytowi, osiągnęli taką pozycję przetargową, że obecnie *lekkie zarabiają* po kilkanaście – 20 tys złotych miesięcznie» (GW, 07.11.2013) = «есть возможность зарабатывать»; «*Trudno się* czasami *oprzeć* urokowi intelektualnego postmodernistycznego fałszerstwa, albowiem potrafi ono przecież w sposób niezwykle sugestywny wytłumaczyć to, o czym milczą wstydliwie najpełniejsze nawet źródła biograficzne» (Acta13, s. 120) = «не в состоянии устоять»; «I może też być tak, że spotykasz chłopaka. Jesteście razem, ale on nie współpracuje z łaską bożą. *Ciężko* mu *trzymać* ręce przy sobie, opanować pożądanie, które leży w naturze» (Polityka, 28.10.2013) = «не в состоянии держать»; «Polska tenisistka *łatwo*

pokonała niżej notowaną Izraelkę i ani na moment nie straciła kontroli nad sytuacją na korcie» (Wprost, 27.05.2013) = «была в состоянии победить».

Предикатив *nie sposób* ‘нет возможности’ (Sł. Doroszewskiego), ‘невозможно’ (БПРС), частотность функционирования которого составляет 1,5%, выражает значение объективной возможности ‘не иметь возможности выполнить действие’ и по своей модальной семантике и сфере функционирования он соотносится с русским предикативом *невозможно*. Большинство примеров употребления данного предикатива зафиксировано нами в газетно-публицистических текстах. Ср.: «*Nie sposób osądzić* totalitaryzmu za pomocą tradycyjnych norm ani ukarać w ramach naszej cywilizacji» (GW, 23.01.2014) = «невозможно осудить»; «Co miało być hipotezą, którą można obalić, w toku działania stało się faktem, którego *obalić nie sposób*» (GW, 23.01.2014) = «невозможно опровергнуть»; «Tak naprawdę *nie sposób ułożyć* sobie życia w jednym państwie z ludźmi, którzy formułują tak daleko idące wnioski – oświadczył Donald Tusk» (Wprost, 30.10.2012) = «невозможно жить»; «*Nie sposób zrozumieć* dziejów Polski bez chrystusowego krzyża – mówił abp Stanisław Budzik podczas mszy świętej z okazji Święta Niepodległości celebrowanej w Lublinie» (Wprost, 11.11.2011) = «невозможно понять».

Глагольно-именные сочетания с лексемой *prawo* ‘полномочия физического или юридического лица; то, что кому-л. полагается, и кто-л. может этого требовать’ (Sł. Doroszewskiego): *mieć prawo, zdobyć prawo, dać prawo* и т. п., употребительность которых в рассматриваемом микрополе составляет 2,8 %, актуализируют частное значение объективной возможности ‘(не) иметь право для выполнения действия’ и наиболее широко употребляются в официально-деловых документах, как и аналогичные им глагольно-именные сочетания с лексемой *prawo* в русском языке. Например: «...stronie niezadowolonej z wydanego pozwolenia *przysługuje prawo złożenia* do tego organu wniosku o ponowne rozpatrzenie sprawy, w terminie 14 dni od dnia doręczenia pozwolenia» (DU, 18.04.2011) = «имеет право подать»; «*Funkcjonariusz, wykonując zadania, ... ma prawo: żądać* niezbędnej pomocy od instytucji państwowych, organów administracji rządowej i samorządu terytorialnego oraz jednostek gospodarczych...» (DU,

06.12.2011) = «имеет право требовать»; «*Sekretarz nie ma prawa tworzenia partii politycznych ani przynależności do nich*» (DU, 21.11.08) = «не имеет права создавать».

Глагольно-именные сочетания *być w stanie, mieć siłę*, частотность употребления которых в рассматриваемом микрополе составляет соответственно 1,9% и 1,4%, актуализируют частное значение '(не) быть в состоянии выполнить действие' и эквивалентны русским глагольно-именным сочетаниям *быть в состоянии* и *быть в силах*. Как правило, они реализуются в газетно-публицистических текстах. Например: «Jeżeli potwierdzą, że *nieślyszący* rzeczywiście *nie są w stanie zdać* egzaminu, przepisy będą musiały zostać zmienione – zapewnia Kowalewicz (GW, 13.06.2013) = «не в состоянии сдать экзамен в силу физического состояния»; «Janusz Palikot dla hucpy, dla tego, żeby choć trochę dłużej pobyc w bardzo przychylnych mu mediach, jest *on w stanie zrobić* dowolnej osobie każde świństwo» (Wprost, 27.08.2012) = «в состоянии сделать в силу моральных качеств»; «„*On bardziej niż inni ma siłę, aby przez to przejść*” – napisał kierowca Jenson Button» (GW, 30.12.2013) = «в состоянии пройти в силу психологических качеств»; «W półfinale Tsonga spotka się z Hiszpanem Davidem Ferrerem, który odesłał do domu swego rodaka *Tommy'ego Robredo*. Temu ostatniemu po trzech wygranych pięciosetówkach *nie starczyło już sił do walki* z pitbullem kortów» (RP, 04.06.2013) = «не в состоянии бороться в силу физических качеств».

Глагольно-именные сочетания с лексемой *możliwość* 'возможность' (БПРС), 'что-л. является возможным, может осуществиться; шанс, перспектива; способность, сила' (Сл. Doroszewskiego), частотность функционирования которых составляет 2,4%, соответствуют русским глагольно-именным сочетаниям с экспликатором *возможность*. Например, *mieć możliwość, dysponować możliwościami, dać możliwość, otrzymać/uzyskać możliwość, jest możliwość, nie ma możliwości* и т.п. Подобные сочетания, благодаря их стилистической немаркированности и четкой модальной семантике, реализуются в текстах всех исследуемых нами функциональных стилей. При этом необходимо отметить, что конструкции с существительными *możliwość* регулярно употребляются с отглагольными существительными, что отличает их от подобных конструкций в русском

языке, где глагольно-именные сочетания с экспликатором *возможность* более широко употребляются с инфинитивом. Данный факт исследователи объясняют тем, что в польском языке «практически все глаголы со значением действия образуют форму глагольного имени» [Тихомирова 1988: 209] и «в польском языке отглагольные существительные употребляются чаще, чем в русском» [Кротовская и др. 2007: 387]. Например: «Nie może być tak, że każdy, kto działa z takich pobudek, będzie miał możliwość stawiania i oskarżania przed sądem innej osoby» (GW, 13.11.2013) = «будет иметь возможность поставить перед судом и обвинить другого человека»; «Z kolei Tomasz Wójcik ujmuje problem różnej twórczości jako „dramat formy”, uwidoczniający się rozdarciem między potrzebą przekazu bezpośredniego i towarzyszącą mu świadomością, iż *nie ma możliwości komunikowania się poza formą*» (Prace jęz.10, s.62) = «нет возможности поддерживать связь»; «W przypadku braku możliwości przekazania informacji o nadaniu lub zmianie numeru PESEL w sposób określony w ust. 1, minister właściwy do spraw wewnętrznych informuje organ, który wystąpił o nadanie lub zmianę numeru PESEL, w formie pisemnej...» (DU, 20.01.2012) = «нет возможности передать информацию».

Прилагательное *gotów* ‘решившийся на что-л., склонный, способный к чему-л.’ (Sł. Doroszewskiego), частотность употребления которого в микрополе возможности составляет 2,1%, является аналогом русского прилагательного *готов* и передает частное значение субъективной возможности ‘быть в состоянии выполнить действие’, совмещенное со значением желательности²⁰. Большинство примеров употребления данного модификатора зафиксировано нами в газетно-публицистических текстах, немногочисленные примеры отмечены также в научных текстах. Например: «Radykalizm przyciąga do siebie *ludzi* o skłonnościach awanturniczych, różnej maści fundamentalistów i frustratów, różnych bogatych szleńców, którzy natychmiast i od razu, bez względu na koszt, *gotowi są* do działań» (Polityka, 27.06.2009) = «в состоянии / желают действовать»; «*Kaczyński*

²⁰ Некоторые польские исследователи относят его к числу волитивных единиц. Так, например, М. Гроховский полагает, что оно описывает «будущие намерения человека и имеет волитивное значение» [Grochowski 1978: 93].

wypełniony jest pragnieniem zemsty i rewanżu i dla tej idei *gotów jest zrobić wszystko albo prawie wszystko*» (Wprost, 01.05.2011) = «в состоянии / желает сделать все»; «Sam byłby prezydent Południowej Afryki wcale nie jest bardzo bogaty, ale jego nazwisko jest niczym marka. *Koncerny z całego świata są gotowe dobrze zapłacić* za zgodę na jej wykorzystanie» (GW, 12.04.2013) = «в состоянии / желают заплатить»; «Dla miłości *jest gotów [Łżedymitr. – E.M.] zrezygnować* ze wszystkiego» (Acta13, s. 91) = «в состоянии / желает отказаться от всего».

Прилагательное *zdolny* ‘такой, кто в состоянии, может что-л. сделать’ (SJP), частотность употребления которого в микрополе возможности составляет 1,8%, чаще всего выражает возможность, обусловленную определенными качествами субъекта, и наиболее регулярно реализуется в газетно-публицистических текстах, что сближает его с русскими экспликаторами возможности *способен / способный*. Ср: «Firma Samsung Electronics zaprezentowała NX mini, najcieńszy i najlżejszy *aparatus* fotograficzny z serii NX. Mały, ale *zdolny wykonać* każde zdjęcie» (Wprost, 20.03.2014) = «способен сделать фотографию»; «*Teatr nie jest zdolny, by bluźnić*» (GW, 02.11.2011) = «не способен богохульствовать»; «Uważają oni, że Grexit nie stworzy zagrożenia, gdyż na rynkach panuje teraz spokój, gospodarki krajów południa eurolandu stają na nogi, a *instrumenty zdolne powstrzymać* rozlewanie się kryzysu są gotowe do użycia» (RP, 05.08.2013) = «способны удерживать»; «Parlamentarny Zespół do spraw Wojska Polskiego apeluje o zakup *okrętów* podwodnych nowego typu *zdolnych przenosić* pociski manewrujące» (Wprost, 30.10.2014) = «способны переносить».

1.2.2. Грамматические экспликаторы значения возможности

К грамматическим средствам выражения значения возможности мы относим отдельные группы глаголов в форме изъявительного наклонения, сложноподчиненные предложения цели, риторический вопрос, а также конструкцию «*być nie do* + отглагольное существительное».

Среди глаголов изъявительного наклонения мы выделяем несколько групп польских глаголов изъявительного наклонения (1,8% употреблений в микрополе

возможности), которые по семантике и сфере употребления соотносятся с подобными группами глаголов в русском языке, рассмотренными нами в предыдущей главе:

– Глаголы, характеризующие умственные способности субъекта действия и, соответственно, реализующие модальное значение '(не) иметь способность выполнить действие': *zrozumieć* 'уяснить себе значение явления, высказывания' (SJP), 'понять, постичь' (БПРС), *zauważyć* 'обратить на что-л. внимание, увидеть, приметить' (SJP), *widzieć*: 'воспринимать что-л. зрением' (SJP). Например: «Psycholodzy i nauczyciele ostrzegają, że jeśli młodzi Polacy będą się nadal tak rozwijać, to wkrótce *zrozumieją* więcej niż młodzi Japończycy, a nawet więcej, niż się nam wszystkim zdaje» (Polityka, 15.10.2013) = «смогут / будут способны понять»; «*Nie wszystkie osobistości z ówczesnej ekipy kierowniczej petersburskiego MSZ rozumiały* jednakże te godne w istocie szacunku rozterki swojego monarchy» (Echa, s. 27) = «смогли / были способны понять»; «Mogłoby to wyglądać tak: *dzieci* bawiące się w mieście nad brzegiem rzeki *zauważyły* setki niesionych prądem, rozdętych świńskich trupów» (Polityka, 8.04.2013) = «смогли / были способны заметить»; «A w dodatku w otoczeniu cesarza *zauważał* [Szyszkin. – E.M.] zbyt mało ludzi kompetentnych, mogących dać światłą radę» (Echa, s. 30) = «мог / был способен заметить»; «Na początku rządów Platformy Obywatelskiej rzucono hasło rozwijania stosunków z taką Rosją, jaka jest. A jaka jest, *każdy widzi*» (Polityka, 19.12.2013) = «может / способен видеть»; «Po dokonaniu analizy produkcji obiektów gospodarczych na przedzamczach *widzimy*, że na przykład mąka była przetwarzana na 11 przedzamczach, piwo produkowano w browarach również 11 przedzamczy...» (Echa, s. 58) = «можем / способны видеть».

– Глаголы, обозначающие действие, осуществление которого требует определенного психологического или физического состояния субъекта и реализующие, соответственно, модальное значение '(не) быть в состоянии выполнить действие': *wytrzymać* 'продержаться определенное время, до конца, не поддаться' (SJP), *przeżyć* 'найти в себе силы преодолеть что-л., выдержать какие-л. события' (SJP). Например: «To kryzys gospodarek słabszych krajów, *które* nie

budowały własnych prężnych firm, nie starały się o innowacyjność, *nie wytrzymały konkurencji*» (Polityka, 20.03.2013) = «не смогли / не были в состоянии выдержать»; «Brazylijski *socjolog Diogo Penna* w 2007 roku wyjechał z Rio de Janeiro do Krakowa, wrócił w 2011, ale *wytrzymał* w Brazylii półtora roku» (GW, 13.06.2014) = «смог / был в состоянии выдержать»; «Terrorystów interesowali tylko cudzoziemcy. Ci, którzy *przeżyli*, zawdzięczają to wyłącznie pomocy Algierczyków...» (Polityka, 28.01.2013) = «смогли / были в состоянии выжить»; «Wszystko wskazuje na to, że losia potrafił samochód. Na szczęście *zwierzak przeżył* transport i pierwszą noc (GW, 26.11.2014) = «смог / был в состоянии пережить».

С вышеназванными глаголами в определенной степени соотносится глагол *osiągnąć* ‘добиться чего-л., получить, приобрести’ (SJP), реализующий значение ‘(не) иметь способность выполнить действие’. Ср.: «Ba, *osiągnął* to, czego żadnemu artyście przed nim nie udało się osiągnąć: stał się głównym bohaterem powieści („W połowie pustej”), a ostatnio także filmu fabularnego...» (Polityka, 22.01.2013) = «смог / был способен достичь»; «Dodał jednak, że PiS chce, aby *Donald Tusk osiągnął* ważne dla Polski cele» (Wprost, 09.07.2011) = «смог / был в состоянии достичь»; «Dodał, że *człowiek nie osiągnął* jeszcze takiego poziomu wiedzy i narzędzi, żeby można było precyzyjnie wskazać miejsca, gdzie nastąpią takie nieszczęścia» (Wprost, 15.02.2013) = «не смог / не в состоянии достичь».

Сложноподчиненные предложения цели как экспликатеры модального значения ‘(не) иметь возможность выполнить действие’ достаточно употребительны в польском языке (2,5%) и зафиксированы во всех исследуемых нами функциональных стилях. Ср.: «*Aby* wyminąć Rosjan, gen. Dwernicki pomaszerował wzdłuż granicy austriackiej» (Echa, s. 75) = «чтобы была возможность опередить»; «Dwernicki skorygował więc trasę marszu, skrzył do Poczajowa, *by* przez Wiśniowiec osiągnąć leżące nad granicą Kołodno» (Echa, s. 77) = «чтобы была возможность добраться»; «Jerzy Ł. uciekł z więzienia, *żeby* załatwić swoje porachunki» (Polityka, 30.10.2013) = «чтобы была возможность свести счеты»; «Jak walczyć z populizmem? W najbliższym czasie głosować na tych kandydatów w wyborach do Parlamentu Europejskiego, którzy idą tam, *aż*by dobrze reprezentować Polskę...»

(Polityka, 31.10.2013) = «чтобы была возможность представлять Польшу и совместно работать».

Применительно к рассматриваемым сложноподчиненным предложениям важно отметить тот факт, что в польском языке используется большее число подчинительных союзов, чем в русском языке. Например, в качестве польских эквивалентов русского целевого союза *чтобы* выступают союзы *żeby*, *aby*, *by*, *ażeby*, в чем можно убедиться из вышеприведенных примеров. По мнению Т.М. Редкозубовой, «существование союзов-синонимов объясняется тем, что каждый язык, развиваясь, стремится к все более полному соответствию мира слов миру понятий», а роль подчинительных синонимических союзов «проявляется в том, что каждый союз вносит в семантику сложноподчиненного предложения какие-то свои, новые оттенки значения» [Редкозубова 2000: 126].

Риторический вопрос как грамматический экспликатор значения возможности, частотность функционирования которого в рассматриваемом микрополе составляет 1,3%, так же, как и в русском языке, наиболее частотно реализуется в газетно-публицистических текстах. Например: «*A dlaczego Joker? Dlaczego akurat z nim utożsamił się morderca i co chciał zmanifestować? Być może nigdy nie poznamy rozwiązania tej zagadki*» (Polityka, 25.07.2012); «*Można zgodzić się z poglądem, że był to plan nie pozbawiony ryzyka, elementy takiego ryzyka bezsprzecznie w nim były, ale w jakimż to poważniejszym przedsięwzięciu politycznym takich elementów nie ma? A czyż zresztą wysunięta właśnie wówczas przez tegoż Wittego idea bloku kontynentalnego była bardziej realistyczna?*» (Echa, s. 56); «*Ile jeszcze porażek musi odnieść koalicja PO-PSL, zanim zewrze szeregi? A może już tak jest zmęczona rządzeniem, że straciła i wiarę i ochotę ?*» (Polityka, 27.05.2013); «*Kto stoi za zabójstwami? Czy zwyczajni ludzie mają szansę w zderzeniu z międzynarodowymi korporacjami i przekupionymi władzami?*» (Polityka, 23.09.2013); «*- Jak możesz mówić, że Komendant Chávez nie żyje? Nie widzisz, że on jest w nas, że każdy z nas jest Chávezem?*» (GW, 13.04.2013).

Конструкция ‘*być nie do + отглагольное существительное*’, специфическая для польского языка, частотность функционирования которой в микрополе воз-

можности составляет 1,2%, выражает значение ‘не иметь возможности выполнить действие’ в силу объективных обстоятельств: «*To są propozycje absolutnie nie do przyjęcia ze względu na swój dyskryminacyjny charakter – powiedział*» (Wprost, 01.12.2013) = «нет возможности принять предложения»; «*Bardzo nam się nie podoba, że prezydent Rosji chce nas dzielić. To jest nie do przyjęcia – mówił* na antenie TVP Info prof. Jerzy Buzek komentując list Władimira Putina do przywódców 18 państw europejskich» (Wprost, 11.06.2014) = «нет возможности это принять»; «*Zdaniem Szczęśniaka pomysł Tuska jest nie do zrealizowania*» (Wprost, 12.03.2014) = «нет возможности реализовать идею»; «*Mój 12-letni syn ma dysleksję; charakter pisma nie do odczytania, błędy ortograficzne w każdym wyrazie i, co najgorsze, bardzo źle czyta*» (GW, 29.11.2014) = «нет возможности прочесть написанное».

1.3. Дальняя периферия микрополя возможности

Дальняя периферия микрополя возможности в польском языке, как и в русском, представлена лексическими и, реже, грамматическими экспликаторами, в совокупности составляющими 5,6% от общего количества экспликаторов рассматриваемого микрополя.

1.3.1. Лексические экспликаторы значения возможности

К лексическим средствам выражения значения возможности относятся глаголы *ośmielić się, odważyć się, ważyć się, śmieć, zdołać, pozwalać / pozwolić, dopuszczać*, предикатив *niepodobna*, глагольно-именные сочетания с лексемами *szansa, podstawa, warunki, rozum, głowa, talent, wola*, глагольно-именные обороты с устойчивым сочетанием *siła woli* и глаголом *mieć*.

Модальный глагол *ośmielić się* ‘иметь смелость, отважиться’ (Sł. Doroszewskiego), частотность функционирования которого составляет 0,4 %, и синонимичные ему глаголы *odważyć się* (0,3%), *ważyć się* (0,2%), *śmieć* (0,1%), соотносящиеся по модальной семантике с русскими глаголами *осмелиться, отважиться, посметь, решиться, рискнуть, дерзнуть*, актуализируют значение субъективной возможности ‘(не) быть в состоянии выполнить действие’, со-

вмещенное со значением 'пытаться выполнить действие', и реализуются преимущественно в газетно-публицистических текстах: «Mikołaj II był przekonany, że pozostałe mocarstwa nie ośmielą się wszcząć zdecydowanego przeciwdziałania» (Echa, s.32) = «не осмелятся начать»; «Willett odważył się powiedzieć światu, że ilość kalorii w diecie to nie wszystko» (GW, 24.03.2012) = «отважился сказать»; «My w tej sytuacji powinniśmy zrobić wszystko, żeby tak sprawę nagłośnić i tak ją pokierować, aby raz na zawsze zakończył się ten temat. Żeby nikt nie ważył się już w podobny sposób wypowiadać» (Wprost, 30.05.2012) = «не отважился высказываться»; «Jak duchowni śmiać publicznie nawoływać do głosowania na wskazane partie?» (Wprost, 06.07.2011) = «смеют призывать».

Модальный глагол *zdołać* 'быть в состоянии что-либо сделать' (SJP), выражающий одноименное частное значение субъективной возможности, характеризуется книжной маркированностью. В. Дорошевский отмечает, что данный глагол «выходит из употребления, а в непринужденной обиходной речи не употребляется совсем» [Doroszewski 1962: 217]. В русском языке его эквивалентами являются модификаторы *суметь*, *смочь* (БПРС), которые, однако, отличаются значительно более высокой частотностью. Примеры употребления данного модификатора (0,4%) нами зафиксированы главным образом в научных текстах. Ср.: «W pracy przeprowadzono symulację przebiegu zdarzenia (...) w celu stwierdzenia czy w opisanych okolicznościach, przy deklarowanych prędkościach i podjętych manewrach jest możliwe gwałtowne wyjechanie pojazdu z tunelu w lewo pod dużym kątem, tak aby *pojazd zdołał wjechać* przed stojące tam znaki drogowe (Autobusy, s. 429) = «смог / был в состоянии въехать»; «Natomiast *Rosja* (...) znacznie zwiększy w tym czasie swoją potęgę, jeśli tylko nie da się wciągnąć w kombinacje wojenne i *zdoła „wygrać czas”*, który pracuje na jej korzyść» (Echa, s. 36) = «сумеет / будет в состоянии выиграть время»; «*Para cesarska ledwo zdołała* nieco *odpocząć* po (...) tournée po Europie (...), gdy w drugiej połowie listopada umysł Mikołaja II zaintrygowała mocno propozycja rosyjskiego ambasadora w Stambule Aleksandra Nielidowa wysłania rosyjskiej eskadry wojennej do Górnego Bosforu» (Echa, s. 27) = «смогла / была в состоянии отдохнуть».

Безличная форма глагола *dopuszczać* – *dopuszcza się* ‘позволять, не мешать чему-либо’ (SJP), так же, как его русский эквивалент – безличный глагол *допускаться*, преимущественно реализует значение ‘иметь право для выполнения действия’ и представлена с частотностью 0,6% в официально-деловых текстах. Ср.: «W rozporządzeniu Ministra Gospodarki z dnia 29 stycznia 2002 r. w sprawie rodzajów odpadów innych niż niebezpieczne oraz rodzajów instalacji i urządzeń, w których *dopuszcza się* ich termiczne *przekształcanie*, wprowadza się następujące zmiany...» (DU, 14.11.2013) = «допускается переработка»; «Jeżeli istniejący system nie był poddany walidacji w czasie zainstalowania, *dopuszcza się przeprowadzenie* walidacji retrospektywnej, jeżeli dostępna jest odpowiednia dokumentacja» (DU, 14.08.2014) = «допускается проведение проверки»; «Jeżeli niezbędne badania są długotrwałe, *dopuszcza się rozpoczęcie* procesu produkcyjnego przed uzyskaniem wyników badań» (DU, 14.08.2014) = «допускается начать процесс».

Глаголы *pozwalać* / *pozwolić* ‘сделать возможным что-либо, допустить, не мешать чему-либо’ (WSJP), соотносящиеся с русскими модификаторами *позволять* / *позволить*, реализуют значение ‘иметь возможность выполнить действие’ и зафиксированы с частотностью 0,4% в текстах всех рассмотренных функциональных стилей. Ср.: «”Nasze badania pokazują, że sposób, w jaki reagujesz na bieżące wydarzenia ze swojego życia *pozwała przewidzieć* twój przyszły stan zdrowia za 10 lat...”» (GW, 08.11.2012) = «позволяет / дает возможность предугадать»; «Dyrektor Zespołu ds. Systemu Płatniczego i Bankowości Elektronicznej Związku Banków Polskich Paweł Widawski zaznaczył, że prawo powszechne *pozwała* sprzedawcom *wprowadzać* minimalne kwoty, od których będą przyjmować płatności kartami» (GW, 24.08.2014) = «позволяет / дает возможность вводить квоты»; «Sąd okręgowy (...) może zwrócić się do właściwego sądu lub innego organu państwa wydania orzeczenia o przekazanie orzeczenia, o którym mowa w § 1, do wykonania, jeżeli *pozwoli* to w większym stopniu *zrealizować* wychowawcze i zapobiegawcze cele kary» (DU, 16.09.2011) = «позволит / даст возможность реализовать цели».

Конструкции с глаголом *mieć*: *nie ma kto / nie ma komu, nie ma dokąd, nie ma gdzie*, которым в соответствующем микрополе русского языка соответствуют отрицательные местоимения *ничего, некого* и местоименные наречия *некуда, негде, некогда*, актуализируют частное модальное значение '(не) иметь возможность выполнить действие', употребляясь с частотностью 0,4% в газетно-публицистических текстах. Например: «*Oko zakrwawione, a chorego nie ma kto w okolicy przyjąć*» (GW, 30.03.2014) = «невозможно совершить действие из-за отсутствия субъекта»; «*Fornalik nie ma kogo powołać z ligi*» (GW, 05.08.2013) = «невозможно совершить действие из-за отсутствия объекта»; «*To kolejny przypadek, kiedy po zakończeniu leczenia nie ma dokąd wypisać pacjenta – mówi doktor nauk medycznych Waldemar Sobański, ordynator oddziału neurologicznego*» (GW, 01.12.2013) = «невозможно совершить действие из-за отсутствия места»; «*Ktoś zaproponował: to wytnijmy wokół drzewa, żeby ptak nie miał gdzie założyć nowego gniazda*» (Wprost, 09.02.2014) = «невозможно совершить действие из-за отсутствия места».

Глагольно-именные сочетания с существительными *szansa, podstawy, warunki*, эксплицирующие значение 'иметь возможность выполнить действие', соответствуют русским глагольно-именным сочетаниям с существительными *шанс, основания, условия*, в которых, однако, более частотно употребляется инфинитив, в отличие от польского языка, где в подобных сочетаниях более продуктивным является девербатив. Примеры употребления данных конститuentов (0,5%, 0,2%, 0,3% соответственно) зафиксированы нами в газетно-публицистических и научных текстах. Ср.: «*Zajęcie mocnego stanowiska pod Lulińcami (...) było spowodowane nadzieją Dwernickiego na wybuch powstania na tyłach osaczającego go Rüdigera. Dałoby mu to szansę wymknięcia się z pętli*» (Echa, s. 29) = «дало бы шанс / предоставило возможность выбраться»; «*Tusk ma szansę na nowe otwarcie i przełamanie spadku sondażu*» (Wprost, 01.05.2011) = «имеет шанс / возможность открыть»; «*Niemniej warto zwrócić uwagę, iż samo wniesienie oskarżenia i wystąpienie Kapitona dowodzą, iż istniały pewne podstawy do skazania Enniusza na karę*» (Echa, s.21) = «существовали основания / возможность приго-

ворить к наказанию»; «W Polsce są bardzo dobre warunki do uprawiania biznesu – twierdzi w „Dzienniku Gazecie Prawnej” Marek Belka» (Wprost, 17.02.2014) = «существуют условия / возможность вести бизнес».

Глагольно-именные сочетания с существительными *rozum, głowa, talent*, по модальной семантике соответствующие русским глагольно-именным сочетаниям с существительными *ум, разум, талант*, реализуют значение ‘(не) иметь способность выполнить действие’. Примеры употребления данных конститuentов (0,1%, 0,2% и 0,2% соответственно) зафиксированы нами в газетно-публицистических текстах. Ср.: «”To typ kluchowatego złotego młodzieńca o niezłej tuszy i baraním wyrazie twarzy, robi dobrotliwe wrażenie, podobno *ma głowę do interesów*, bardzo lubi grać w karty, wyścigi, dancingi, wódkę” – pisał współpracownik MSW» (GW, 28.09.2012) = «имеет способность вести бизнес»; «Skąd Aida wiedziała o zepsutym zamku, a Iza, że mój syn *ma talent do malarstwa?*» (Polityka, 18.06.2006) = «имеет способность рисовать»; «*Nie starcza ci rozumu na zapoznanie się z jego zasadami* (GW, 19.02.2012) = «не имеет разума / способности понять».

Глагольно-именные сочетания с существительным *wola* (0,2%), эквивалентные русским сочетаниям с существительным *воля*, выражают совмещенное значение субъективной возможности ‘(не) быть в состоянии выполнить действие’ и желательности ‘(не) иметь желание выполнить действие’. Следует также указать, что в польском языке в подобных конструкциях данное существительное выступает в сочетании с девербативом, в то время как в русских аналогичных конструкциях, как правило, – с инфинитивом. Примеры реализации подобных конструкции зафиксированы нами в газетно-публицистических текстах. Ср.: «Dodał: „mam nadzieję, że polskim kolegom *starczy rozumu i woli przyjęcia* odpowiednich wniosków, bez jakichkolwiek zbytecznych komentarzy”» (GW, 20.12.2010) = «хватит воли / будут в состоянии принять предложения»; «*Nie wygląda na to, żeby istniała wola złamania* tej bariery» (RP, 28.12.2014) = «существовала воля / были в состоянии сломать барьер»; «Minister Schetyna zapewne *potwierdzi wolę kontynuowania* programów większej obecności NATO, a przede

wszystkim sił amerykańskich na terytorium Polski» (RP, 16.08.2014) = «подтвердит волю / будет в состоянии продолжать программу»; «Z mojej strony jest wola otwarcia [kandydatury. – E.M.], ale to kwestia porozumienia się» (RP, 24.12.2014) = «есть воля / в состоянии назвать имя кандидата».

Глагольно-именные обороты с устойчивым сочетанием *siła woli*, зафиксированные с низкой частотностью употребления (0,1%) в газетно-публицистических текстах, эквивалентны русскому сочетанию *сила воли* и реализуют значение субъективной возможности '(не) быть в состоянии выполнить действие'. Например: «Prezydent Federacji Rosyjskiej jest przekonany, że Zachodowi *nie starczy siły woli* na wsparcie Ukrainy» (GW, 01.03.2014) = «не в состоянии /не хватит силы воли поддержать Украину»; «Poza tym *nie miał już siły woli* dalszej walki. Postanowił położyć się w rowie na skraju lasu» (RP, 23.07.2014) = «был не в состоянии /не имел силы воли бороться».

Модификатор *niepodobna* 'невозможно, нельзя' (БПРС), частотность функционирования которого составляет 0,2%, актуализирует значение 'не иметь возможности выполнить действие', выступая в газетно-публицистических и научных текстах. Например: «*Niepodobna* w płynny sposób *przebiec* myślą od pewnej konstrukcji normy prawnej, rozumianej jako nakaz, zakaz lub dozwoleństwo, do czegoś, co nigdy tą normą nie zostało ani ukształtowane, ani związane, ani też dotknięte jej oddziaływaniem» (Administracja, s. 64) = «невозможно окинуть мыслью»; «*Niepodobna* teraz *wyrokować*, czy słynny sprinter jest winny – o tym zdecyduje sąd» (Wprost, 12.09.2013) = «невозможно вынести приговор».

1.3.2. Грамматические экспликативы значения возможности

К грамматическим конститuentам относятся побудительные конструкции и инфинитивные предложения.

Побудительные конструкции, частотность употреблений которых составляет 0,3%, выступают в функции экспликатива частных значений объективной возможности и зафиксированы нами в газетно-публицистических текстах. Ср.: «*Zona ma raka? Weź drugą, byle nie z Pakistanu*» (GW, 07.08.2014) = «имеешь воз-

можность взять»; «*Zadaj* Obamie pytanie na Twitterze» (Wprost, 03.12.2012) = «имеешь возможность спросить»; «Potrząśnij telefonem i *znajdź* toaletę. Władze Pekinu z nową aplikacją» (Wprost, 17.08.2014) = «имеешь возможность найти»; «Czerwone skóry mogą być, ale nigdy *nie zabieraj* kobiecie *auta*» (GW, 02.06.2014) = «не имеешь права забирать».

К инфинитивным предложениям мы относим предложения с независимым инфинитивом. При этом данные нашего фактического материала не позволяют нам согласиться с категоричным утверждением Н.Д. Рыболовлева, что в польском языке инфинитивные предложения отсутствуют [Рыболовлев 1989а: 18]. Более корректным в этом отношении нам представляется мнение Е.Ю. Уразовой о том, что «семантико-синтаксические функции польского инфинитива несколько ограничены по сравнению с русским, что объясняется спецификой польского синтаксиса, где инфинитив ограничен в сочетаемости и потому, по частотности употребления в тексте, значительно уступает русскому» [Уразова 2003: 18; см. также: Тимофеева 2004: 125; Maldžieva 2003: 109].

Как показал исследованный материал, инфинитивные предложения, частотность функционирования которых с реализацией значения '(не) иметь возможность выполнить действие' составляет в рассматриваемом микрополе 0,5%, преимущественно употребляются в составе вопросительных конструкций и зафиксированы в газетно-публицистических текстах. Например: «*Niektórzy* wyborcy korzystają z okazji, żeby się wyżalić. „Bo komu *powiedzieć*, jak nie panu?» – pytają» (Wprost, 26.05.2011) = «имеется возможность сказать»; «Egipt – wczasy z dziećmi w Hurghadzie. Jakich atrakcji dla dzieci *spróbować*?» (Wprost, 14.04.2014) = «имеется возможность попробовать»; «Gdzie *znaleźć* oryginalne prezenty w Warszawie, Trójmieście, Krakowie?» (GW, 23.12.2014) = «имеется возможность найти».

Следует отметить, что в современном польском языке в инфинитивных предложениях довольно регулярно выступают глаголы *widać* и *słuchać*, в настоящее время полностью утратившие личные формы [SPP; Кротовская 2007: 480]. В лексическом значении данных глаголов содержится модальная сема

возможности, о чем свидетельствуют и их словарные дефиниции: *widać* ‘можно увидеть’ (Sł. Doroszewskiego), *słyszać* ‘можно услышать’ (Sł. Doroszewskiego). Ср: «Tatiana Czornowił ma nagranie zdarzenia. *Widać* na nim numery rejestracyjne czarnego auta, które staranowało samochód dziennikarki» (Polityka, 27.12.2013) = «можно увидеть»; «Władze austriackie, co *widać* zwłaszcza w korespondencji między wojskiem a cywilami, zaczęły z mniejszą lub większą energią szukać zbiegłych» (Echa, S.94) = «можно увидеть»; «Podzamcze w remoncie. Już *słyszać* głosy zawiedzionych» (GW, 17.09.2013) = «можно услышать».

§ 2. Микрополе необходимости

2.1. Центральная зона микрополя необходимости

Центральную зону микрополя необходимости в польском языке формируют прилагательное *powinien*, глаголы *musieć*, *mieć*, предикатив *trzeba*, частотность функционирования которых в рассматриваемом микрополе в совокупности составляет 67,7%.

Модальный модификатор *powinien* ‘быть обязанным, быть должным выполнить что-либо’ (SJP) по своему семантическому объему и особенностями функционирования соотносится с русским прилагательным *должен*. Весьма частотно употребляясь во всех рассматриваемых нами функциональных стилях (19,4%) он, как правило, реализует значение долженствования, обусловленного общественно-социальными и нравственно-этическими нормами. Например: «*Być może powinni spuścić z tonu i rozważyć zarejestrowanie jakiegoś innego stowarzyszenia, np. miłośników Kujaw albo starych zegarów*» (Polityka, 27.06.2009) = «должны сбавить тон»; «*Niechętnie przyjmował [Piotr. – E.M.] do Naszości studentów. Mówił, że *mądrze* powinny iść do Unii Wolności*» (Wprost, 01.05.2011) = «должны идти»; «*Słabo zaczął tydzień Kruk spadający o przeszło 3 proc. Bardzo słabo, co *nie powinno zaskakiwać*, prezentowały się obroty*» (RP, 29.12.2014) = «не должно удивлять»; «*Podczas zajęć z translatoryki jest także problematycznie dla nauczającego, jak *powinien* on ocenić poszczególne tłumaczenia*» (Prace jęz.10, s. 43) = «должен оценить»; «*Powinien* on jednakże podczas poszukiwania zgłębnego

intelektualnego zrozumienia chętnie, z radością odkrywcy, *wykorzystywać* wszystkie możliwe źródła informacji» (Prace Jęz.10, s.39) = «должен использовать»; «Opis sposobów realizacji określonego pojęcia *nie powinien ograniczać się* do aspektu słownikowego i rozpatrywania elementów języka w izolacji» (Jednostki, s. 182) = «не должен ограничиваться».

В официально-деловых документах модификатор *powinien* выступает как актуализатор значения долженствования с дополнительной модальной семой вынужденности. Ср.: «...*pełnomocnik powinien powołać się* na pełnomocnictwo, wskazując jego datę, zakres oraz okoliczności wymienione w art. 87» (DU, 27.10.2010) = «должен / вынужден сослаться на доверенность»; «W piśmie *pozwanu powinien wskazać*, czy zaskarża nakaz w całości, czy w części, przedstawić zarzuty, które pod rygorem ich utraty należy zgłosić przed wdaniem się w spór co do istoty sprawy oraz okoliczności faktyczne i dowody» (DU, 27.10.2010) = «должен/вынужден указать, намерен ли обжаловать решение»; «*Podmiot upoważniony oraz występujący o upoważnienie powinien*: 1) *posiadać* zbiór przepisów technicznych dotyczących budowy, sposobu nadzoru nad budową oraz zasad przeprowadzania przeglądów okresowych jachtów morskich...» (DU, 20.01.2012) = «должен / вынужден иметь свод правил».

Как замечает Л.П. Дронова, наиболее архаичное представление о долге отражает в восточно- и западнославянских языках, в том числе в русском и польском, лексема, аналогичная др.-рус. *повиньнь* и пол. *powinien*, синкретично выражающая понятие “поступок, вина” и “ответственность за поступок” [Дронова 2006 а: 211]. То же отмечает и Э. Хорынь, считающая, что слово *powinność*, однокоренное с *powinien*, «относится к самому древнему слою польского языка» и «было связано с общественными отношениями» [Норуń 2009: 65]. Возможно, именно вследствие этого прилагательное *powinien* в современном польском языке является частотным в официально-деловых текстах, то есть «в нормативных актах, принятых в данной правовой системе за источник закона» [Woleński 1967: 142] и регулирующих общественные отношения.

Предикатив *trzeba* ‘следует, стоит; необходимо, кто-л. нуждается в чем-л.’ (Sł. Doroszewskiego), частотность которого составляет 13,2%, по своей модальной функции – выражать частное значение необходимости ‘(не) иметь потребность в выполнении действия’ – и по сфере функционирования – газетно-публицистические и, реже, научные тексты – соотносится с русскими предикативами *надо, нужно*. Однако, как мы отмечали в предыдущей главе, в предложениях с модификаторами *нужно, надо* субъект может обозначаться именем или местоимением в дательном падеже, употребление же дательного субъекта в предложениях с *trzeba* не свойственно польскому языку.

Например: «W Warszawie *trzeba zebrać* ok. 130 tys. podpisów. Referendum jest ważne, kiedy weźmie w nim udział, co najmniej 30 proc. uprawnionych do głosowania» (RP, 04.06.2011) = «нужно / надо собрать»; «Z punktu widzenia faktycznego żadne zło nie nastąpiło i *trzeba mierzyć* to adekwatnie do stopnia przewiny – powiedział Pawlak dziennikarzom w Krakowie» (RP, 02.06.2011) = «нужно / надо мерить»; «Tam do papieża nikogo *nie trzeba dopuszczać*. Wystarczy spotkać go w przejściu i poprosić o rozmowę» (GW, 13.04.2013) = «не нужно / не надо подпускать»; «Podczas czytania *trzeba się* bardzo *skoncentrować*, aby zrozumieć jego treść» (Prace jęz. 10, s. 46) = «нужно / надо сконцентрироваться»; «*Trzeba* bowiem *pamiętać*, że podobnego rozpoznania mógł wcześniej dokonać autor mistyfikacji, by wyprzedzić późniejsze działania kontrolne filologów-rewidentów» (Acta 13, s. 121) = «нужно / надо помнить».

Особое место в центральной зоне экспликаторов модального значения необходимости занимают собственно модальный глагол *musieć* ‘быть обязанным, не иметь возможности поступить по-другому’ (SJP)²¹ (18,3%) и несобственно модальный глагол *mieć* ‘о чем-то необходимом, неизбежном либо понимаемом как обязанность’ (SJP) (16,8%), которые являются специфичными для польского языка.

К. Бирецка, описывая глагол *musieć*, схематично выделяет следующие компоненты его значения: «у *x* есть власть над *y*, *x* хочет, чтобы *y* сделал *z*, если *y* не

²¹ А.М. Петрова отмечает, что в русском языке «нет глагола с общим значением необходимости и долженствования – типа польск. *musieć*» [Петрова 2007: 61].

сделает z , то x сделает z_1 , z_1 является плохим для y » [Birecka 2005: 2]. Таким образом, при невыполнении обязательства, возложенного на субъект, его ждут определенные санкции или плохие последствия, поэтому субъект вынужден поступить так, чтобы их избежать. Ввиду категоричности и высокой облигаторности личного глагола *musieć* конструкции с данным модификатором регулярно используются в газетно-публицистических текстах, одной из основных задач которых является максимальное воздействие на интеллект и эмоции адресата. Ср.: «Cháveza po raz ostatni widziano publicznie 8 grudnia ubiegłego roku. Wtedy to prezydent przyznał przed kamerami, że ponownie musi stawić czoła nowotworowi, z którym zmagał się od ponad roku» (GW, 13.04.2013) = «неизбежно должен оказать сопротивление»; «– Mówiłem o tym swojemu lekarzowi, wypisałby mi nawet receptę. Powiedział jednak, że w aptekach żadnej marihuany nie ma i szybko nie będzie (...) Musiałem poprosić syna, żeby załatwił coś u znajomych» (GW, 12.04.2013) = «вынужден был попросить»; «Znany biznesmen pożyczył mi pół miliona euro (...), co Wulff zataił przed landowym parlamentem. Inni gościli go w swoich posiadłościach albo fundowali kampanię reklamową jego książki. Nie musiał też płacić pełnej ceny za bilety klasy biznes, gdy leciał do USA, ani za noclegi w hotelach» (GW, 13.04.2013) = «не должен / не обязан был платить».

Глагол *musieć* способен передавать широкий спектр модальной семантики необходимости, реализуясь в текстах всех рассматриваемых нами функциональных стилей:

– Значение ‘быть вынужденным выполнить действие’: «Prócz 10 tyś. kary oskarżony musi wypłacić 2 tyś. na Towarzystwo Opieki nad Zwierzętami» (Polityka, 04.02.2010) = «вынужден выполнить постановление суда и заплатить»; «Wykaz nauczycieli akademickich (...) ze wskazaniem nauczycieli akademickich zaliczonych do minimum kadrowego określonego w przepisach dotyczących warunków, jakie muszą spełniać jednostki organizacyjne uczelni, aby prowadzić studia na określonym kierunku i poziomie kształcenia» (DU, 26.08.2012) = «вынуждены выполнять условия, прописанные в положениях».

– Значение ‘быть обязанным выполнить действие’: «*Uczący* ma zawsze swoje własne wyobrażenia, jak dany tekst powinien zostać przetłumaczony, ale *musi być świadom* tego, że to nie jest jedyny, a przede wszystkim niekoniecznie najlepszy wariant tłumaczenia tekstu wyjściowego» (Prace jęz. 10, s.43) = «обязан осознавать»; «Jednak w świecie szybkich newsów i tanich sensacji, których łakną media, *premier Tusk musi brać* pod uwagę kolejne sondaże» (Polityka, 20.06.2009) = «обязан принимать во внимание».

– Значение ‘неизбежность выполнения действия, связанная с наличием неотвратимых обстоятельств’: «– Nie wiem, czy odbędzie się spotkanie pana premiera (z Burym – red.), ale na pewno jakieś decyzje w tej sprawie zapadną, bo *muszą zapasć* – powiedział w radiu RMF FM rzecznik rządu» (RP, 04.06.2011) = «в любом случае, неизбежно будут приняты решения»; «Analitycy twierdzą, że jeśli *PKO BP* zaczęłoby od wypłacenia dywidendy, potencjalni nabywcy nowych akcji doskonale wiedzieliby, że jest pod presją, *musi zwiększyć* swój kapitał» (Polityka, 27.06.2009) = «должен (неизбежно) увеличить капитал, поскольку находится под давлением».

Следует отметить особенности функционирования глагола *musieć* в научных текстах, в которых он довольно регулярно употребляется в сослагательном наклонении, что снижает степень облигаторности глагола. Например: «Właściwie *translator musiałby* zgodnie z tymi założeniami *znać* wszystkie kultury, które w czasie jego pracy mogą być dla niego istotne» (Prace Jęz.10, s. 39) = «должен был бы знать»; «Eduard Limonow, Sasza Sokołow, Wiktor Jerofiejew, Władimir Sorokin, Jarosław Mogutin oraz wielu jeszcze podobnych zostaliby zaocznie skazani na zapomnienie, a ich *dziela* (...) na zawsze lub na bardzo długo *musiałyby* oficjalnie *zamilknąć*» (Acta13, s.111) = «неизбежно должны были бы замолчать».

Польский несобственно модальный глагол *mieć* восходит к прасл. *jьmą [Сл. Фасмера] и имеет соответствие в русском языке – глагол *иметь*. Функционируя как самостоятельный глагол со значением ‘иметь’, в сочетании с инфинитивом

он приобретает функцию экспликатора модального значения необходимости²² и довольно широко используется в значении 'должен' (БПРС). При этом исследователи подчеркивают емкость модальной семантики данного глагола. Так, А. Красновольский пишет, что глагол *mieć* «может означать моральную необходимость, логическую необходимость, субъективную необходимость...» [Krasnowolski 2011: 200], а Э. Летко отмечает, что глагол *mieć* «выражает внутреннюю моральную необходимость» [Lotko 1964: 48]. По нашим наблюдениям, наиболее регулярно глагол *mieć* реализует частное значение субъективно-объективной необходимости – 'долженствование', реализуясь преимущественно в газетно-публицистических текстах. Ср.: «*Macie grać do oporu, zdzierać piłki, dresy i buty. Żebyście nie odbiegali od swoich rówieśników z Europy Zachodniej...*» (Wprost, 18.02.2010) = «должны играть»; «*Ja tu jeszcze wrócę – miał powiedzieć Zbigniew Ziobro rozstając się z Ministerstwem Sprawiedliwości i z funkcją prokuratora generalnego*» (Polityka, 27.06.2009) = «должен был сказать»; «*Gdy w 2010 r. obejmował urząd po Horście Köhlerze (...), wydawało się, że osiągnął wszystko. Najmłodszy niemiecki prezydent (ledwie 50 lat) miał tchnąć w urząd nowe życie*» (GW, 13.04.2013) = «должен был вдохнуть новую жизнь».

Как пишет Н.Д. Рыболовлев, при помощи глагола *mieć* выражается «оттенок запланированности действия» [Рыболовлев 1989б: 157]. На это указывают также другие исследователи-полонисты [см., например: Кротовская 2007: 477]. Данный семантический потенциал глагола *mieć* подтверждается и данными нашей картотеки. При реализации данного значения польскому глаголу соответствует в русском языке безличный глагол *предстоит*, который передает оттенок запланированности, однако отличается от глагола *mieć* способом обозначения субъекта. Так, в предложениях с глаголом *mieć* субъект выражен существительным или местоимением в именительном падеже, а также на него может указывать личное окончание глагола, в предложениях с глаголом *предстоит* субъект может быть обозначен именем в дательном падеже. Ср.: «*W weekend John Kerry*

²² Попутно заметим, что русский глагол *иметь* в сочетании с инфинитивом до XVIII века также выполнял функцию соответствующего модального экспликатора, которую, однако, позднее утратил [см. об этом: Ваулина 2007: 544].

ma odwiedzić Pekin i Tokio, gdzie kryzys na Półwyspie Koreańskim budzi wielkie obawy i najpewniej to on będzie stanowić główny temat rozmów amerykańskiego sekretarza stanu» (GW, 12.04.2013) = «должен / предстоит посетить»; «W czwartek sejmowa komisja śledcza *ma przepytac* najistotniejszego, być może, świadka w aferze hazardowej» (Wprost, 17.02.2010) = «должна / предстоит допросить»; «Początkowo *miał pojechać* [Rosół. – E.M.] z teściem, ale plany się zmieniły i ostatecznie wziął z sobą kolegę» (Wprost, 17.02.2010) = «должен был / предстояло поехать».

Глагол *mieć* в ряде зафиксированных нами примеров употребления актуализирует также значение объективной необходимости – ‘вынужденность выполнения действия’. Например: «Jeżeli sąd lub referendarz sądowy postanowi, że obie egzekucje *ma prowadzić* łącznie administracyjny organ egzekucyjny, komornik przed przekazaniem akt administracyjnemu organowi egzekucyjnemu rozliczy koszty egzekucji, zwróci wierzycielowi pozostałości niewykorzystanej zaliczki...» (DU, 23.08.2012) = «вынуждены проводить»; «Z wnioskiem o wydanie pozwolenia na utworzenie uczelni niepublicznej, która *ma powstać* w wyniku połączenia uczelni niepublicznych, występują założyciele łączonych uczelni niepublicznych» (DU, 26.03.2011) = «вынуждена возникнуть»; «Czartoryski w liście do Pietruskiego pisał: „doszły nas smutne przez Kraków wiadomości” i dalej, że *oficerowie mają być* w Austrii *zatrzymani*, a żołnierze do Rosji wydani» (Echa, s. 88) = «вынуждены задержать».

Следует заметить, что для официально-деловых документов и научных текстов глагол *mieć* нетипичен, однако получил широкое распространение в газетно-публицистических текстах. Важно также отметить, что форма с отрицанием глагола *mieć* в разговорном польском языке употребляется довольно редко и лишь в определенных речевых контекстах; в исследованных нами текстах соответствующие формы мы не зафиксировали.

2.2. Близняя периферия микрополя необходимости

Ближнюю периферию микрополя необходимости формирует разнообразный набор лексических конститuentов: безличный глагол *należy*, глагол *potrzebować*, предикатив *warto*, страдательные причастия *zmuszony*, *(z)obowiązany*, прилагательное *konieczny*, глагольно-именные сочетания с лексемами *konieczność*, *obowiązek*, *potrzeba*, составляющие 25,8% от общего количества экспликаторов микрополя.

Безличный глагол *należy* 'нужно, должно, стоит, подобает' (Sł. Doroszewskiego), реализующий, как и эквивалентный ему русский глагол *следует*²³, частное значение общего долженствования, достаточно частотен (7,2%) в научных и официально-деловых текстах. Ср.: «*Należy tu zauważyć, że nie wszyscy staroobrzędowcy byli odnakowo wytrwali w swoim obrządku*» (Acta 13, s. 391) = «следует заметить»; «*Oprócz omówionego wyżej problemu związanego z odróżnianiem płaszczyzny języka i mowy należy uwzględnić i inne zagadnienia*» (Jednostki, s. 181) = «следует учесть»; «*Za słuszne natomiast należy uznać stwierdzenie, że podstawy czasownikowe, od których derywowane są nazwy barw, mają charakter sekundarny*» (Prace jęz.10, s.50) = «следует признать»; «*Jeżeli dane o karalności podejrzanego pochodzą sprzed 6 miesięcy, należy zażądać ich ponownie*» (DU, 3.01.2012) = «следует потребовать»; «*Nie należy dopuszczać do bezpośredniego kontaktu dłoni pracownika z nieosłoniętym materiałem lub produktem, jak również dłoni pracownika z częściami urządzeń stykającymi się bezpośrednio z produktem*» (DU, 14.03.2014) = «не следует допускать»; «*W tym samym pomieszczeniu nie należy jednocześnie pracować z więcej niż jednym czynnikiem biologicznym*» (DU, 14.03.2014) = «не следует работать».

В научных текстах нами был зафиксирован ряд примеров употребления данного глагола в форме сослагательного наклонения. Глагол *należy* в данной форме имеет более низкую степень облигаторности, что снижает категоричность высказывания. Ср.: «W omawianej grupie neoleksemów, zdominowanej przez

²³ Однако необходимо отметить, что в предложениях с глаголом *следует* субъект может быть обозначен именем или местоимением в дательном падеже, в то время как в польском языке в предложениях с модификатором *należy* субъект не обозначается.

impresje słowotwórcze autorów, *należałoby wspomnieć* o zapożyczeniach i neosemantyzmach» (Jednostki, s.199) = «следовало бы вспомнить»; «Reasumując powyższe, naturalnie ograniczone, rozważania, *należałoby stwierdzić*, co następuje...» (Jednostki, s.201) = «следовало бы констатировать».

Страдательное причастие (*z*)*obowiązany* ‘имеющий обязанность, долг сделать что-л.’ (Sł. Doroszewskiego) и предикативное существительное *obowiązek* ‘необходимость совершения поступка, исходящая из внутренних побуждений, общественных или юридических требований’ (Sł. Doroszewskiego), соотносящиеся по модальной семантике с этимологически родственными им отпричастным прилагательным *obozan* и предикативным существительным *obowiązność* (Сл. Фасмера; Sł. Brücknera), употребляются с частотностью 3,1% и 2,7% соответственно преимущественно в газетно-публицистических и, реже, в научных текстах. Ср.: «*Czuję się zobowiązany zawiadomić* wszystkich zainteresowanych, że wczoraj wieczorem przekazałem Jego Ekscelencji Panu Ambasadorowi Markijanowi Malskiemu informację o intencji zakończenia współpracy konsularnej» (Wprost, 23.01.2014) = «чувствует себя обязанным сообщить»; «*Przygotowanie* gruntu na zbliżenie Ukrainy z UE *jest obowiązkiem* Polski i Litwy – powiedział szef PE Jerzy Buzek...» (Wprost, 10.05.2011) = «подготовка является обязанностью»; «*Tłumacz* aktów normatywnych *jest zobowiązany do uwzględniania* kontekstu w procesie przekładu w celu ustalenia właściwych ekwiwalentów» (Scripta, s. 166) = «обязан принять во внимание».

Немногочисленные примеры употребления данных модификаторов в официально-деловых документах связаны с выражением ими значения долженствования с дополнительной модальной семой вынужденности, обусловленной обязательностью выполнения законов юридического характера. Ср.: «W razie odnalezienia legitymacji służbowej *funkcjonariusz jest obowiązany zwrócić* ją do komórki organizacyjnej Biura Ochrony Rządu właściwej w sprawach kadrowych, podając w meldunku okoliczności odnalezienia legitymacji» (DU, 15.03.2011) = «обязан вернуть»; «*Funkcjonariusz jest obowiązany do składania* kierownikowi jednostki organizacyjnej oświadczenia o każdej zmianie miejsca zamieszkania» (DU,

19.04.2012) = «обязан подавать заявления»; «Zmiana adresu pobytu stałego lub czasowego w tej samej miejscowości *powoduje obowiązek zameldowania się* we właściwym urzędzie miejskim, urzędzie miasta i powiatu...» (DU, 29.09.2009) = «обязан регистрироваться».

Наиболее отчетливо выражает частное значение необходимости 'быть вынужденным выполнить действие' страдательное причастие *zmuszony*, производное от глагола *zmusić* 'оказывая давление, влияние, склонить кого-л. к чему-л., сделать так, чтобы кто-л. сделал что-л. против своей воли, заставить' (Sł. Doroszewskiego), эквивалентное по модальной семантике русскому причастию *вынужден*. Данный модификатор зафиксирован нами с частотностью употребления 2,2% в газетно-публицистических и официально-деловых текстах. При этом в целом ряде случаев его реализаций вместо зависимого инфинитива используется отглагольное имя существительное в родительном падеже с предлогом *do*. Ср.: «Bydgoski sąd kilkakrotnie *zmuszony był odrzucić* wnioski o rejestrację z powodu poważnych błędów formalnych» (Polityka, 27.06.2009) = «вынужден был отклонить»; «W obliczu buntu i zdrady własnych senatorów, groźby rozłamu partii Lud Wolności, *zmuszony został* [Silvio Berlusconi – E.M.] *udzielić* wotum zaufania rządowi Enrico Letty» (RP, 03.10.2013) = «вынужден был предоставить»; «Przepisy ust. 1 stosuje się także do osób, które (...) *były zmuszone opuścić* byłe terytorium Rzeczypospolitej Polskiej» (DU, 08.07.2005) = «были вынуждены покинуть».

«To po ich skargach do Europejskiego Trybunału Sprawiedliwości i polskiego Trybunału Konstytucyjnego *ustawodawca został zmuszony do jasnego określenia*, jak długo i z jakich przyczyn skazany pozbawiony zostanie przysługującego mu minimum przestrzeni» (Polityka, 27.06.2009) = «был вынужден описать»; «*Zostałem zmuszony do podjęcia* trudnej decyzji: zostać uwikłanym w przestępstwa przeciw obywatelom Ameryki albo odejść po niemal dziesięciu latach ciężkiej pracy i zamknąć Lavabit» (GW, 09.08.2013) = «был вынужден принять решение».

Глагол *potrzebować* 'чувствовать необходимость чего-л., быть обязанным использовать что-л., не мочь обойтись без кого-л. или чего-л., желать, непре-

менно хотеть чего-л., требовать чего-л.’ (Sł. Doroszewskiego), частотность употребления которого составляет 1,6%, «не имеет полного лексико-грамматического соответствия с русскими конструкциями, выступающими с той же семантикой» [Аскоченская 1998б: 90]. О сочетании данного глагола с инфинитивом в ряде словарей не упоминается (см., например: НПРС, БПРС), однако в БРПС как возможный перевод русского предикатива *нужно* предлагается глагол *potrzebować* в сочетании с инфинитивом.

Отличительной особенностью глагола *potrzebować* является то, что он употребляется только в несовершенном виде и преимущественно с отрицанием, актуализируя частное значение необходимости ‘не иметь потребности выполнить действие’, часто совмещенное со значением ‘не иметь желания выполнить действие’. Ср.: «Normalny Polak, by czuć się bezpiecznie, *nie potrzebuje posiadać* broni – mówi „Polsce The Times” lider SLD Grzegorz Napieralski» (Wprost, 25.10.2010) = «не имеет потребности / не желает иметь оружие»; «– Nie potrzebuje do tego łoży VIP, *nie potrzebuje siedzieć* obok prezydenta Janukowycza, premiera Tuska i prezydenta Komorowskiego – powiedział Hofman» (Wprost, 23.05.2013) = «не испытывает потребности / не желает сидеть рядом с президентом».

Немногочисленные случаи употребления модификатора *potrzebować* в утвердительной форме связаны, как правило, с реализацией значения ‘иметь потребность выполнить действие, обусловленную внешними обстоятельствами’. Ср.: «Angola jest drugim, co do wielkości producentem ropy naftowej w Afryce subsaharyjskiej, jednak *kraj potrzebuje rozwinąć* inne sektory gospodarki» (RP, 30.05.2014) = «страна имеет потребность развить другие секторы экономики»; «To z kolei może przydać się do tego, by po dron sięgali agenci nieruchomości, którzy *potrzebują fotografować* domy i działki z powietrza» (RP, 21.05.2014) = «имеют потребность фотографировать дома и участки в связи с работой».

С глаголом *potrzebować* по модальной семантике соотносится адвербиализованное существительное *potrzeba* ‘то, что нужно; необходимость’ (Sł. Doroszewskiego), зафиксированное нами в микрополе необходимости с частотностью 2,4% во всех рассматриваемых функциональных стилях. Лексическим

эквивалентом данного экспликатора в современном русском языке является предикативное существительное *potrzeba*²⁴. Ср.: «Jako program pozytywny Witte zalecał następujące zachowanie się: (...) jeśliby okazało się to nieefektywne i *wyłoniła się potrzeba* bardziej zdecydowanego *działania*, to unikając nadal kroków separatystycznych doprowadzić do zwołania konferencji międzynarodowej» (Echa, s. 31) = «возникла потребность в более решительных действиях»; «Widzimy, że w większych aglomeracjach *istnieje potrzeba* takiego *rozwiązania*, w Polsce powinno być więc podobnie – mówi Wojtek Dziegielewski» (Wprost, 08.04.2014) = «существует потребность в таком решении»; «Obsługę rachunków bankowych wymienionych w ust. 1 pkt 5 na *potrzeby finansowania* związków operacyjnych i taktycznych oraz oddziałów i pododdziałów Sił Zbrojnych Rzeczypospolitej Polskiej użytych lub przebywających poza granicami państwa może prowadzić bank inny niż Narodowy Bank Polski lub Bank Gospodarstwa Krajowego» (DU, 02.01.2012) = «имеется потребность в финансировании».

Прилагательное *konieczny* ‘неизбежный, необходимый, нужный, обязательный’ (SJP) и глагольно-именные сочетания с предикативным существительным *konieczność* ‘то, что необходимо, нужно, неизбежно’ (SJP), актуализирующие значение ‘иметь потребность в выполнении действия’, зафиксированы нами с частотностью функционирования в 2,1% и 2,2% во всех функциональных стилях, что можно объяснить прозрачностью их модальной семантики и стилистической немаркированностью. Ср.: «...*istnieje konieczność śledzenia* aktualnych trendów w branży budowlanej, wyposażenia wnętrz, jak również uzupełniania wiedzy fachowej» (Wprost, 16.12.2012) = «существует необходимость / потребность следить»; «Ma to szczególne znaczenie w chwili, gdy między stronami dochodzi do sporu, gdyż to wtedy *powstaje konieczność ustalenia*, czy umowa była wykonana prawidłowo» (RP, 11.06.2013) = «возникает необходимость / потребность установить»; «Zapewnienie koncentratów osoczopochodnych (ludzkich) czynników krzepnięcia, odpowiednio, czynnika VIII lub czynnika IX dla dzieci, u których

²⁴ По наблюдениям исследователей, в русском языке старшего периода функционировало эквивалентное польскому *potrzeba* существительное *потрѣба*, которое затем вышло из употребления [см.: Ваулина 1988: 113].

konieczne jest założenie centralnego dostępu żyłnego» (DU, 26.09.2011) = «есть необходимость / потребность в установке»; «Dla przygotowania rejestru jednostek przyimkowych *konieczne było wyjaśnienie* zarówno statusu samego przyimka, jak i innych pojęć związanych z tą kategorią (Acta11, s.281) = «есть необходимость /потребность в выяснении».

Предикативное наречие *warto* ‘следует, подобает, оправдывает себя’ (Sł. Doroszewskiego), ‘стоит, следует’ (БПРС) по модальной семантике соотносится с русскими модальными модификаторами *следует, стоит*²⁵ и употребляется в рассматриваемом микрополе с частотностью 2,3% в газетно-публицистических и научных текстах. Например: «*Warto* jednak *pamiętać*, że komisja odpowiada przed PE i to parlament zatwierdza jej skład» (Polityka, 27.06.2009) = «стоит помнить»; «*Można* byłoby *zadać* pytanie, dlaczego musiało to trwać tyle lat, po co była ta międzynarodowa komprominacja, ale *nie warto*» (Polityka, 27.06.2009) = «не стоит задавать вопроса»; «*Warto* bliżej *przyjrzeć się* poglądom na sztukę przekładu w początkach XIX w., kiedy kształtowała się uznawana do dziś zasada maksymalnej bliskości w stosunku do oryginału traktowanego jako całość artystyczna (Acta 13, s.181) = «следует присмотреться»; «*Warto zauważyć*, iż w latach 1984-1993 żadna z uczennic Liceum Ogólnokształcącego z Białoruskim Językiem Nauczania w Hajnówce nie nosiła tak popularnych do niedawna w społecznościach prawosławnych Białostoczczyzny imion, jak Wiera, Nadzieja, Luba, Zenaida» (W kręgu, s.51) = «следует заметить».

2.3. Дальняя периферия микрополя необходимости

Дальнюю периферию микрополя необходимости в польском языке формирует достаточно широкий состав лексических и некоторых грамматических конститuentов, частотность функционирования которых в микрополе составляет в совокупности 6,5 %.

²⁵ Заметим, что, соотносясь по модальной семантике с русскими модальными глаголами *стоит* и *следует*, предикатив *warto* имеет с ними стилистические различия. Так, *warto*, в отличие от русского глагола *стоит*, регулярно реализуется в научных текстах, а в отличие от глагола *следует*, не зафиксирован в официально-деловых текстах.

2.3.1. Лексические экспликаторы значения необходимости

К лексическим конститuentам дальней периферии микрополя необходимости относятся безличные формы глаголов *zalecać* – *zaleca się*, *wypadać* – *wypada*, *godzić się* – *godzi się*, страдательное причастие *wskazany*, предикативное прилагательное *winię*, адвербиализованные существительные *czas*, *pora*, глагольно-именные сочетания с существительным *sens*, глагольные конструкции с глаголом *mieć*.

Безличная форма глагола *zalecać* ‘советовать выполнение чего-л., давать распоряжение, поручение’ (Sł. Doroszewskiego) – *zaleca się*, частотность которого составляет 0,8%, преимущественно употребляется в официально-деловых текстах, реализуя совмещенное модальное значение долженствования / рекомендации. Данная модальная функция указанного глагола сближает его с русским безличным глаголом *рекомендуется*. Ср.: «*Zaleca się stosować* glebę o następującej charakterystyce: zawartość piasku nie mniej niż 50 % i nie więcej niż 75% ...» (DU, 22.12.2005) = «нужно / рекомендуется использовать»; «*Przy wykonywaniu pomiarów w niesprzyjających warunkach pogodowych (silny wiatr, opady lub intensywne nasłonecznienie) zaleca się stosowanie* namiotów osłaniających grawimetru (DU, 30.03.2012) = «нужно / рекомендуется использовать»; «*Zaleca się wypełnienie* niniejszego kwestionariusza postępowania audytowego w formie elektronicznej i złożenie go za pomocą środków komunikacji elektronicznej do właściwego miejscowo organu Służby Celnej» (DU, 31.01.2013) = «нужно / рекомендуется заполнить».

Безличный глагол *wypada* ‘следует, нужно, подобает; является правильным, необходимым, рекомендуемым’ (Sł. Doroszewskiego), ‘удобно, годится, следует’ (БПРС), частотность функционирования которого в рассматриваемом микрополе составляет 1%, выражает значение необходимости с дополнительным модальным оттенком желательности / рекомендации. Например: «*Jeżeli zaczniemy od Antonycza, co narzuca chronologia, to wypadnie nam odnotować, iż identyfikował się on z ludźmi, jacy zasiedlali zielone doliny Karpat*» (Acta13, s. 80) = «следует / желательно отметить»; «*W tym miejscu wypada zauważyć, że wśród formantów-*

terminoelementów służących do tworzenia wspomnianych neoleksemów niektóre z nich charakteryzują się dużą frekwencją i różnorodnym sposobem łączliwości» (Jednostki, s. 198) = «следует / желательно заметить»; «*Wypada podkreślić, że sygnalizowany wyżej sposób tworzenia nowych wyrazów w grupie nazw-środków transportu jest zjawiskiem marginalnym i raczej okazjonalnym*» (Jednostki, s.199) = «следует / желательно подчеркнуть».

Польскому экспликатору *wypada* в русском языке соответствует предикативное наречие *желательно*. При этом если в научных текстах данный модификатор реализует значение желательности действия, то в газетно-публицистических текстах он, как правило, передает модальный оттенок необходимости, обусловленной принятыми нормами поведения. Ср.: «*Choć z pozoru kompletnie pozbawiona znaczenia, kobieta dla biznesmena lub polityka jest koniecznym elementem, bo w tym świecie po prostu wypada mieć żonę i dzieci*» (Wprost, 22.07.2013) = «необходимо / подобает иметь жену и детей»; «*Trzymałam córkę i nie wiedziałam, co zrobić. Jak długo odstać z nieżywym dzieckiem na rękach. Przecież nie wypada robić hysterii*» (GW, 21.10.2013) = «не следует / не подобает устраивать истерику».

С глаголом *wypada* по модальной семантике соотносится страдательное причастие *wskazany* ‘рекомендуемый, желательный, необходимый’ (Sł. Doroszewskiego), актуализирующее совмещенное значение необходимости и желательности и зафиксированное нами немногочисленными примерами употреблений (0,6%) в газетно-публицистических текстах. Ср.: «*”Rossielchoznadzor uważa za wskazane wprowadzenie tymczasowych ograniczeń na dostawy z tych krajów świń rozplodowych i użytkowych, a także nieprzetworzonych produktów krwi wykorzystywanych do produkcji karm” – głosi oświadczenie na stronie internetowej resortu*» (GW, 30.05.2014) = «считает необходимым / желательным введение ограничений»; «*...z uwagi na zakres ciążących na kierowniku zadań oraz z uwagi na jego odpowiedzialność za prawidłowość usług ratujących często życie i zdrowie wskazane jest ograniczenie tych czynności jedynie do obszaru jednej apteki*» (RP, 16.05.2014) = «необходимо / желательно ограничение».

Безличный глагол *godzi się* ‘следует, подобает; являться уместным; нужно, можно’ (Sł. Doroszewskiego), частотность которого составляет 0,9%, актуализирует совмещенное значение необходимости / возможности. Данный модификатор имеет общий этимологический корень с русским глаголом *годиться* – от о.-с. *goditi (Сл. Черных), при этом, как свидетельствуют этимологические словари, возвратная форма глаголов возникла позже, только после распада общеславянского языка, и в своем развитии изначально была связана с прилагательными *годный* в русском языке и *godny* в польском от о.-с. *godъ (Sł. Brücknera; Сл. Черных). Однако между указанными глаголами наблюдаются как стилистические, так и функциональные различия. Русский глагол *годиться*, как мы отмечали в предыдущей главе, имеет стилистическую помету ‘разг.’, в сочетании с инфинитивом выступает нерегулярно и, как правило, в отрицательной форме. Польский модификатор *godzi się* является стилистически нейтральным и зафиксирован нами в газетно-публицистических и научных текстах, причем не только в отрицательной, но и в утвердительной форме: «*Godzi się także nadmienić, że problemy w rozliczeniach podatkowych mogą także wystąpić w przypadku darowizny zorganizowanej części przedsiębiorstwa...*» (RP, 12.07.2014) = «следует / можно упомянуть»; «*Godzi się tu przypomnieć następujące dwa dokumenty papieża Jana Pawła II: List apostolski Euntes in mundum (Idźcie w świat) z okazji Tysiąclecia Chrztu Rusi Kijowskiej (...) i Posłanie Magnum baptisimi donum (Wielki dar chrztu) do katolickiej wspólnoty ukraińskiej*» (Acta 11, s, 22) = «следует / можно вспомнить»; «*Nie godzi się cieszyć ze śmierci. Nawet jeśli chodzi o bin Laden*» (Wprost, 05.05.2011) = «не следует / нельзя радоваться».

Особенностью модального функционирования предикативного прилагательного *winien* ‘должен, обязан что-л. сделать’ (БПРС), частотность употребления которого составляет 0,4%, как отмечает В. Дорошевский, является то, что он, наряду с обозначением необходимости, «имеет коннотацию вины» и придает высказыванию «книжный, не вполне естественный характер» [Doroszewski 1968: 95]. Эта семантическая особенность модального модификатора *winien* находит отражение и в нашем фактическом материале, относящемся к научным и,

реже, к газетно-публицистическим текстам. Например: «Zakłada się, że końcowym rezultatem badań *winna być seria* wspólnych publikacji (Acta11, s.280) = «результатом должна быть серия публикаций»; «Saudyjczycy odparli na to, że przybysze już wcześniej znali zasady panujące w tym kraju, zgodnie z którymi nie ma w nim miejsca na inną religię niż islam. A co z innymi krajami tego regionu, w których są świątynie chrześcijańskie? Czy sugerujecie, że *kościóły winny tam zostać zniszczone?* – dopytywali się Amerykanie» (GW, 13.04.2013) = «костелы должны быть уничтожены»; «– Za tak wielką aferę *ktoś winien ponieść* odpowiedzialność – podkreślił Ziobro» (Wprost, 30.01.2013) = «кто-то должен нести ответственность».

Адвербиализованные существительные *czas, pora*, эквивалентные русским экспликаторам *время, пора*, актуализируют значение объективной необходимости совершения действия, вызванной факторами темпорального характера, и зафиксированы нами с частотностью их употреблений 0,7% в газетно-публицистических текстах. Например: «Nie muszę ani do niczego namawiać, ani kokietować, ale wymyśliłem bardzo dobre hasło wyborcze. Najwyższa *pora przyłączyć* Polskę do Śląska» (Wprost, 13.05.2014) = «самое время присоединить»; «*Pora więc zakasać* szybko rękawy i zabrać się jak najszybciej do poważnej roboty» (RP, 15.07.2013) = «пора закатать рукава»; «Już *czas rozwalić* wspinały Amazon?» (GW, 15.06.2013) = «время развалить»; «Coraz bardziej dotkliwe fale upałów to jeden z bardziej charakterystycznych objawów obecnych globalnych zmian klimatu. Niestety, *czas powtórzyć* za starożytnymi – dobrze już było» (GW, 23.07.2014) = «время повторить».

Глагольно-именные сочетания с существительным *sens* ‘значение, обоснование’ (SJP), частотность употреблений которых составляет 0,5%, соотносятся с русскими глагольно-именными сочетаниями с существительным *смысл* и, так же, как их русские эквиваленты, реализуя модальное значение ‘(не) иметь потребность в выполнении действия’, функционируют преимущественно в газетно-публицистических текстах. Ср.: «*Nie ma sensu wracać* do starych czasów. Przegrałem wtedy wygrane zawody. Mogłem mieć złoty medal, ale oddałem go bez

walki» (RP, 09.04.2008) = «нет смысла возвращаться»; «Tak jak w takich Niemczech – idzie sobie człowiek chodnikiem i on się nagle urywa, na dwa, trzy metry, piasek jest, bo Niemcy wiedzą już, że *nie ma sensu porywać się* z motyką na słońce, a my uparcie walimy te płyty na ziemię zaraz koło drzew, a potem przez te dołki, które sami sobie wykopaliśmy, potykamy się» (GW, 13.12.2013) = «нет смысла бросаться»; «Nie wiem czy *jest sens wydawać* na to pieniądze» (Wprost, 11.07.2011) = «есть ли смысл тратить на это деньги».

Польские конструкции «*nie mieć + co + инфинитив*» по модальной семантике соотносятся с отрицательными местоимениями *neczego*, *nie k czemu*, местоименным наречием *niezaczem*, являющимися дальнепериферийными конститuentами в микрополе необходимости в русском языке. Частотность употреблений данных конструкций, зафиксированных в газетно-публицистических текстах, составляет 0,3 %. Например: «I *nie ma co zwałać* winy na dziennikarzy» (GW, 23.06.2014) = «нечего взваливать вину»; «Ciężkie warunki były w drugiej serii. Jeżeli *nie ma warunków* nie można odlecieć – stwierdził Ziobro. – *Nie ma co* sobie *psuć* humoru i się denerwować – dodał skoczek» (Wprost, 30.12.2013) = «незачем портить себе настроение»; «Natomiast *co* do depresji – *nie ma się co ludzić*. Jednorazowa wygrana jeszcze nikogo z prawdziwej depresji nie wyciągnęła» (GW, 17.07.2014) = «не к чему создавать иллюзию».

2.3.2. Грамматические экспликатеры значения необходимости

К грамматическим средствам выражения значения необходимости мы относим инфинитивные предложения и конструкции с двойным отрицанием.

Предложения с независимым инфинитивом в рассматриваемом микрополе менее частотны (0,8 %), чем в аналогичном микрополе русского языка, где они занимают ближнюю периферию. Отличием в функционировании польских инфинитивных предложений является также то, что они не зафиксированы нами в официально-деловых документах, в то время как в русских подобных документах данные предложения являются довольно продуктивными экспликатерами модального значения объективной необходимости, обусловленной обществен-

ными правилами и правовыми законами. Как показал анализ фактического материала, инфинитивные предложения употребляются в газетно-публицистических текстах. Ср.: «Uniwersytet Rolniczy wie, jak *leczyć* dzieci roślinami» (Wprost, 04.08.2011) = «как нужно лечить»; «Wojciech Krolopp, zamiast *siedzieć* w więzieniu, wie, że wie spokojne życie emeryta w swoim poznańskim domu» (Wprost, 16.06.2013) = «несмотря на то, что должен сидеть в тюрьме»; «Piotr Kofta wie, co *czytać*» (Wprost, 04.05.2012) = «знает, что нужно читать».

Нами также был зафиксирован ряд примеров употребления инфинитивных предложений в составе вопросительных конструкций. Например: «Jak *postępować* podczas ciąży bliźniaczej? Czy suplementacja witaminowo-mineralowa powinna być większa niż przy ciąży pojedynczej? Na co *zwrócić* szczególną uwagę?» (GW, 03.07.2012) = «как следует поступать; на что следует обратить внимание»; «Jak *odpowiadać* dzieciom na drażliwe pytania?» (GW, 24.11.2011) = «как следует отвечать»; «Jak *rozmawiać* z dzieckiem o śmierci?» (GW, 01.11.2013) = «как следует разговаривать».

К конструкциям с двойным отрицанием, зафиксированным нами немногочисленными примерами (0,5 %) в научных и газетно-публицистических текстах, относятся конструкции, состоящие из глагола *moć* и предикатива *nie można* в сочетании с инфинитивом и содержащие отрицание перед каждым компонентом, что создает возможность выражения ими некоторых частных значений необходимости:

– Значение неизбежности выполнения действия: «Cytat ten jest często przytaczany w literaturze historycznej, nie zawsze jednak z uwzględnieniem tego, iż na wypowiedzianą w nim opinię *nie mogło nie mieć* wpływu już wówczas rozgoryczenie obu ministrów..» (Echa, s. 27) = «неизбежно должно было повлиять»; «Ten proces przecież trwa tak naprawdę od 2006 roku, Polska w nim uczestniczy od 2008 roku i on ma też bardzo duże pozytywne znaczenie, jeśli chodzi o walkę przeciwko podrobkom, szczególnie z państwami trzecimi, to jest także

ochrona polskiego biznesu – powiedział i dodał: – *Nie możemy tego nie podpisać*» (Wprost, 24.01.2012) = «неизбежно должны подписать».

– Значение долженствования: «*Otóż nie można nie przyznać* racji autorowi, gdy konstatuje, iż poprzez rozwój urządzeń i przekazników medialnych w postaci telewizji i przede wszystkim telefonii komórkowej i Internetu, życie toczy się na ekranie i sprowadza się do podróży wyobrażonych i/lub wirtualnych» (Socjologia, s. 41) = «следует признать»; «*Nie można jednak nie zwrócić* uwagi na to, że niektóre odmiany socjalne języka w tym układzie powtarzają style funkcjonalne» (Actaneoph9, s.22) = «следует обратить внимание».

§ 3. Микрополе желательности

3. 1. Центральная зона микрополя желательности

Центральную зону микрополя желательности в польском языке формируют модальный глагол *chcieć* ‘испытывать охоту, желать, жаждать’ (Sł. Doroszewskiego), его префиксальный дериват *zechcieć* и безличные глагольные формы *chcieć się, zechcieć się, zachcieć się/zachciewać się*, частотность употребления которых в совокупности составляет 64,3 % от общего количества конститuentов микрополя.

Очевидным представляется факт модальной эквивалентности польского глагола *chcieć*, частотность употребления которого составляет 49,4 %, и русского *хотеть*, поскольку данные модальные глаголы восходят к единому праславянскому **hotěti*, который, развиваясь, получил распространение во всех славянских языках (ЭССЯ). Однако следует заметить, что в современном русском и польском языках существуют некоторые грамматические различия между данными глаголами. Так, у глагола *хотеть* нет форм причастия и деепричастия и при выражении соответствующего смысла могут использоваться причастные и деепричастные формы глагола *желать*. В русском литературном языке также «избегается употребление формы повелительного наклонения от глагола *хотеть*» [Грамматика 1980: 619], поскольку данный глагол «обозначает не действие, а состояние» [Апресян 1995: 447]. Данная форма отмечается только «в раз-

говорных и экспрессивных сочетаниях, преимущественно с отрицанием» [Грамматика 1980: 619]. Польский же глагол *chcieć* способен образовывать формы действительного и страдательного причастия *chcący/chciany*, деепричастие *chcąc*, а также имеет форму повелительного наклонения *chciej* (SPP), которая, однако, не является достаточно употребительной.

Мнения авторов работ, посвященных семантическому анализу глагола *хотеть*, о которых мы упоминали в предыдущей главе [см. Кибрик 1987; Апресян 1995], соотносятся с мнением ученых-полонистов относительно семантической специфики глагола *chcieć*. Так, например, М. Гугала выделяет те же единицы значения глагола *chcieć*, что и отечественные исследователи для глагола *хотеть*: первая представлена как «X хочет SP/ собирается SP; X думает, что SP может произойти и что ему будет хорошо, когда будет SP; X думает, что сделает что-либо, чтобы был SP», вторая как «X хочет SP; X чувствует, что ему будет хорошо, когда будет SP» [Gugała 2007: 38]. Следует отметить, что А. Богуславский соотносит глагол *chcieć* с глаголом *potrzebować*, который, как нами указывалось в предыдущем параграфе, регулярно реализует значение ‘иметь потребность в выполнении действия’. Исследователь пишет, что данные модификаторы «представляются в некоторых контекстах взаимозаменяемыми» [Bogusławski 1998: 121].

Как показал анализ нашего материала, модальный глагол *chcieć* довольно широко употребляется как в газетно-публицистических, так и в научных текстах, реализуя при этом все частные модальные значения желательности:

– Значение ‘иметь желание выполнить действие’, обозначающее желание в его общем проявлении. Например: «Na podstawie tych przykładów *chcę ukazać* różnorodność możliwych wariantów tłumaczeń poszczególnych passusów tekstów» (Prace jęz.10, s.41) = «хочу показать»; «Według zamysłu Puszkina Maryna miała reprezentować niepohamowaną żądzę panowania i przedkładać to nad uczucie miłości kierujące postępowaniem *Dymitra*, który przede wszystkim pragnie przygód, *chce żyć* intensywnie, o czym mówi jeszcze w klasztorze» (Acta13, s. 91) = «хочет жить»; «Przed mistrzostwami świata w piłce nożnej w 2010 r. minister sportu oznajmił, że

były *prezydent chce być obecny* na ceremonii otwarcia, a jego wnuk Mandela – że woli pozostać w domu» (GW, 12.04.2013) = «хочет присутствовать».

– Значение ‘иметь стремление выполнить действие’, обозначающее интенсивное (активное) желание, определяемое семантическим признаком ‘очень’. Например: «*PiS bardzo chce dalej być popularny*. To typowe dla ludzi» (Wprost, 17.04.2010) = «очень хочет быть популярным»; «Wcześniej w wywiadzie dla magazynu „People” zapewniała, że *bardzo chce żyć*. – Nie ma we mnie ani jednej komórki, która chciałaby samobójstwa» (GW, 10.10.2014) = «очень хочет жить»; «Jestem patriotą. Nie tym takim barykadowym, ale zawsze myślę o Polsce, *bardzo chcę być dumny* z Polski – mówi Jerzy Owsiak, szef Wielkiej Orkiestry Świątecznej Pomocy, zwycięzca plebiscytu „Gazety Wyborczej” i TVN „Ludzie Wolności” w kategorii społeczeństwo» (GW, 03.06.2014) = «очень хочу гордиться Польшей».

– Значение ‘иметь намерение выполнить действие’, обозначающее обдуманное желание. Например: «Тym razem *chce (Maryna Mniszchówna) związać się* z uczciwym i prostolinijnym, w przeciwieństwie do drugiego męża i zawiadki Zarudzkiego, Lapunowem» (Acta13, s. 96) = «хочет связать себя»; «I w tym momencie *mąż chce opuścić* swoją żonę – dochodzi bowiem do wniosku, iż całe życie było kłamstwem, nie opierało się na prawdziwym uczuciu (Acta 13, s. 172) = «хочет оставить»; «*Chcemy uprawnić* zarządzanie naszą parią na poziomie regionalnym, *chcemy dać* naszym członkom w regionach więcej autonomii i kompetencji, niż mieli do tej pory» (Polityka, 06.04. 2010) = «мы хотим уполномочить; мы хотим дать».

– Значение ‘пытаться выполнить действие’, обозначающее желание с указанием на попытку осуществления желания. Например: «W wielu wywiadach *reżyser podkreślał, iż chciał zrobić* spektakl nie tyle o prostytutkach, ile o ludziach i o tym, by jeden człowiek „nie gasił gwiazdy” w duszy drugiego człowieka» (Acta 13, s. 173) = «хотел сделать спектакль»; «Jak wtedy, gdy przyszedł do Rosoła do ministerstwa i narzekał na ślimaczącą się opinię miejskich radnych w sprawie lokalu przy ul. Mickiewicza 63 na warszawskim Żoliborzu. *Sobiesiak chciał otworzyć* tam salon gier. Reporterzy „Teraz my!” TVN ujawnili, że Rosół interweniował w tej

sprawie u swojego partyjnego kolegi, szefa rady dzielnicy Żoliborz Piotra Wertensteina-Żuławskiego» (Wprost, 08.04.2010) = «хотел открыть салон».

При употреблении глагола *chcieć* с отрицанием дифференциация частных значений желательности нейтрализуется и реализацию получает обобщенное значение 'не иметь желания выполнить действие'. Ср.: «*Inka i Zdzisław Foryscy* mieszkają w Sopocie, dwieście metrów od domu, pod którym ludzie wciąż składają kwiaty. Próbowano namawiać ich do wywiadów, ale odmawiali. *Nie chcieli dzielić się bólem z innymi*» (Wprost, 17.04.2010) = «не хотели делиться болью»; «Część dzieci Mandeli zbojkotowała obchody jego 90. urodzin w Qunu (tam się wychował) z powodu sporu o wino. Najstarsza córka Maki wyprodukowała linię win z jego wizerunkiem, a inne uważają, że to skandal, bo *Mandela nigdy nie chciał promować używek*» (GW, 12.04.2013) = «не хотел рекламировать»; «*Nie chciał mieć kontaktów z nami – współczesnymi, ale to nie znaczy, że my nie powinniśmy się o nie starać*» (RP, 20.03.2013) = «не хотел иметь контактов».

Нами зафиксировано незначительное количество примеров употребления глагола *chcieć* в сослагательном наклонении, преимущественно в научных текстах, при этом значение желательности несколько ослабевает, а сама модальная конструкция является своеобразной формулой выражения «авторской вежливости». Например: «Zanim przejdę do właściwych rozwiązań, *chciałabym wyjaśnić* dwa pojęcia, które będę często używała, a które dotyczą omawianego przez mnie problemu» (Prace jęz. 10, s. 37) = «я хотел бы объяснить»; «Dla potwierdzenia moich doświadczeń i rozwiązań *chciałabym zaprezentować* przykłady tłumaczeń z języka polskiego na język niemiecki oraz z niemieckiego na polski, które zostały sporządzone przez studentów w ramach zajęć z translatoryki» (Prace jęz. 10, s. 40) = «я хотел бы представить»; «*Chciałbym bliżej przyjrzeć się* przykładom użycia obrazu matryoski, ruskiej baby w wypowiedziach traktujących o literaturze i sztuce (Acta11, s. 301) = «я хотел бы присмотреться».

Модификатор *zechcieć* 'почувствовать желание, пожелать' (Sł. Doroszeskiego), частотность употреблений которого составляет 8,2 %, так же, как и русский модификатор *захотеть*, в утвердительных предложениях имеет

начинательное значение, а в отрицательных предложениях смещается в сторону чисто видового. Например: «W Teheranie objął nowy *prezydent Hasan Rouhani*, wielu ekspertów wypowiadało się o nim w tonie ostrożnego optymizmu, jako o reformatorze, który – kto wie – może nawet *zechce ocieplić* stosunki Iranu z Zachodem» (RP, 15.11.2013) = «захочет улучшить отношения»; «*Ona* zdecyduje, czy i kiedy *zechce* z niej *skorzystać* – dodaje. Brittany już zdecydowała – będzie świętować z mężem jego urodziny 26 października, a po kilku dniach, 1 listopada podda się eutanazji (GW, 10.10.2014) = «захочет воспользоваться»; «Należy też bardzo uważać, żeby konstruując taką regulację ustawodawca *nie zechciał* niejako „przy okazji” nadmiernie *zaingerować* w niezależność samorządu adwokackiego» (RP, 02.11.2013) = «не захочет вмешаться»; «Proszę mi wierzyć, że nie było żadnych perspektyw dla kogoś, kto *nie zechciał pracować* w jednej z tych firm» (RP, 27.09.2013) = «не захотел работать».

Необходимо отметить, что подобную функцию может выполнять и глагол *chcieć*, имеющий форму сложного будущего времени. Ср.: «Nie chodzi też o to, kto będzie carem, ale czy będzie kierować się dobrem państwa i narodu, czy też w pierwszym rządzie *będzie chciał zaspokoić* własne ambicje» (Acta13, s.91) = «захочет удовлетворить амбиции»; «Jeśli premier ma podstawy sądzić, że przez parlament to przejdzie, to ja nie widzę powodu, bym dzisiaj mówił o tym, że *będzie chciał* sokołwiek *opóźniać*» (Wprost, 20.04.2012) = «захочу задерживать».

В безличных предложениях модальное значение желательности реализуется с помощью безличных глагольных форм *chcieć się*, *zechcieć się*, *zachcieć się/zachciwać się* ‘почувствовать желание, пожелать’ (SJP), частотность употребления которых составляет 6,7 %. В этом случае связь между субъектом и объектом ослабевает и само модальное значение выступает как произвольное желание. Как отмечает А. Холвоет, «с помощью данных конструкций выражаются психофизические состояния разного рода» [Holvoet 1989: 119]. Конструкции с данными безличными формами зафиксированы нами в газетно-публицистических и, реже, – научных текстах. Например: «Jak wytłumaczyć, że podejmując konkretną decyzję (...) nie działa się przeciw społeczeństwa, kocha się

kraj, nawet jeśli *chce się rozmawiać* z Rosją?» (Polityka, 06.04.2010) = «хочется разговаривать»; «Nie mogąc jednak wykazać obojętności wobec losów ludności chrześcijańskiej w Turcji, *chciano* środkami dyplomatycznymi *skłonić* sułtana do reform liberalizujących jego politykę wobec Ormian i innych uciskanych narodów chrześcijańskich...» (Echa, s. 28) = «хотелось склонить»; «Zgodnie z zapisami dokumentu, kto inny ma reprezentować Unię przy podpisywaniu umów handlowych z państwem trzecim, kto inny ma grozić palcem Rosji, gdy tej *zachce się* „wspierać dążenia wolnościowe” Abchazji...» (Wprost, 05.07.2011) = «захочется поддерживать»; «No to jest jednak absurd! *Zachciewa się* filmów *robić*, spiskowcom cholernym, wariatom i obszarpańcom. Banda nierobów i podpalaczy Polski» (RP, 12.11.2012) = «захотелось снимать»; «No, a plan maksimum to oczywiście formacja pod dowództwem Kwaśniewskiego, ale czy leniwemu, sytemu kotowi Kwaśniewskiemu *zechce się* *robić* partię tego nie wie nikt – podkreślił w RMF FM» (Wprost, 22.12.2012) = «захочется создавать».

3.2. Близняя периферия микрополя желательности

К зоне ближней периферии микрополя желательности относится широкий набор лексических экспликаторов: модальные глаголы *pragnąć*, *życzyć*, *starać się*, *próbować*, *usiłować*, *dążyć*, *zamierzać*, *postanowić*, *marzyć*, глагольно-именные сочетания с лексемами *próba*, *zamiar*, *decyzja*, *chęć*, *ochota*, частотность употребления которых в совокупности составляет 29,6 % от общего количества конститuentов микрополя желательности.

Глагол *pragnąć* ‘очень хотеть чего-либо, стремиться к чему-либо; жаждать, требовать’ (Sł. Doroszewskiego), зафиксированный нами с частотностью употреблений 2,8% в газетно-публицистических текстах и, реже, – в научных, по своей модальной семантике соотносится с русским глаголом *желать* и, выражая интенсивное желание, актуализирует преимущественно значение ‘иметь стремление выполнить действие’. Например: «Jednocześnie *pragniemy wskazać*, iż całkowicie nieuzasadnione jest twierdzenie o rzekomym braku chęci współpracy Kasy Krajowej z państwowym nadzorem finansowym» (RP, 21.11.2013) = «жела-

ем/стремимся указать»; «O naszej sile świadczy siła otaczających nas społeczności i właśnie z tego powodu *pragniemy wspierać* je poprzez działania charytatywne – dodaje Essam Abouda, wiceprezydent Hilton Worldwide na Europę Wschodnią, Rosję i Turcję» (RP, 23.10.2014) = «желаем / стремимся поддерживать»; «Cwietajewa prawdopodobnie *pragnęła stworzyć* idealny obiekt miłości – a więc czym nie stała się dla Samozwańca Maryna Mniszchówna, tym stała się Izabela dla Lauzuna (Acta13, s. 73) = «желала / имела стремление создать»; «Czartoryjska *pragnie ofiarować* mu polski tron, bowiem jej mąż, Adam Kazimierz, był jedynym z kandydatów na króla» (Acta13, s. 74) = «желает / стремится предложить».

В немногочисленных случаях глагол *pragnąć* реализует значение ‘иметь намерение выполнить действие’. Например: «Dobrane kryteria nie powinny oczywiście zaskakiwać, ponieważ są one zgodne z lokalną strategią rozwoju, którą LGD *pragnie realizować*» (RP, 05.06.2014) = «имеет намерение реализовать»; «Jako jedyny papież [Jan Paweł. – E.M.] *pragnął on zreformować* tą skostniałą i archaiczną instytucję, postawić tamę obłudzie oraz odnaleźć ducha postępu» (Wprost, 28.02.2013) = «имел намерение реформировать»; «Roggeeven i jego załoga płynęli tamtędy, bowiem *pragnęli odnaleźć* legendarny Łąd Południowy» (Wprost, 28.08.2013) = «имели намерение найти».

Глагол *próbować* ‘пытаться что-либо сделать, прилагать усилия в каком-либо направлении’ (Sł. Doroszewskiego), а также глагольно-именные сочетания с лексемой *próba* ‘попытка, усилие, предпринятое с целью выполнения чего-либо’ (Sł. Doroszewskiego), этимологически связанные с русским глаголом *пробовать*²⁶, довольно частотно представлены в рассматриваемом микрополе (2,5 % и 2,6 % соответственно) и употребляются во всех рассматриваемых нами функциональных стилях, актуализируя частное значение желательности ‘пытаться выполнить действие’. Например: «Osoba nadzorująca badanie: ostrzega dzieci po zakończeniu każdego badania, aby nie bawiły się opakowaniami tego typu lub *nie próbowały ich otwierać*» (DU, 11.06.2012) = «не пробовали открывать»; «Wydaje

²⁶ Как полагают исследователи, глагол *пробовать* является заимствованным либо через пол. *próba*, либо через нем. *Probe* (Сл. Фасмера). В свою очередь польские конститuentы *próbować*, *próba* заимствованы из немецкого языка (Sł. Brücknera). Первоисточником этих слов является ср.-лат. *proba* – то же от *probāre* «испытывать, проверять» (Сл. Фасмера; Sł. Brücknera).

się, że wszechobecna dzisiaj nie tylko w badaniach literackich dekonstrukcja jako modyfikatorka i burzycielka myślowych stereotypów staje się cichym, ale za to pewnym sprzymierzeńcem każdego, *kto próbuje dowieść*, w jaki sposób wprowadza się świadomie czytelnika w błąd» (Acta13, s. 114) = «пробует донести»; «W mojej wypowiedzi *podejmę próbę naszkicowania* polskiego konceptu matrioszka, która – jak będę się starał to udowodnić – skutecznie funkcjonuje w naszych tekstach...» (Acta11, s.299) = «предприму попытку сделать набросок»; «I kiedy dojdą do wniosku, że nadszedł czas, *podejmą próbę przewrotu* politycznego w Polsce – powiedział Leszek Miller» (Wprost, 15.11.2012) = «предпримут попытку переворота».

Глагол *usiłować* ‘стремиться, настойчиво пытаться сделать что-либо (обычно без результатов)’ (Sł. Doroszewskiego) с частотностью 2,3 % зафиксирован нами в газетно-публицистических и официально-деловых текстах. По своей модальной семантике данный модификатор соотносится с русским глаголом *пытаться*. Важно отметить, что в словарной дефиниции глагола *usiłować* указывается на возможную безрезультатность действия. В дефиниции глагола *пытаться* данная семантическая специфика не отмечается, однако мы встречаем ее в словарном определении лексемы *попытка*, однокоренной с указанным глаголом: ‘действие, направленное на осуществление или достижение чего-л., но без полной уверенности в успехе’ (МАС). Материалы нашей картотеки подтверждают, что во многих примерах употребления данного модификатора совершаемое действие не заканчивается желаемым результатом. Например: «*Usiłowalem* osobiście *odpowiedzieć* na wszystkie pytania matury z WOS. Oczywiście *nie udało mi się to*» (GW, 14.05.2012) = «пытался ответить – не удалось»; «Funkcjonariusze pojechali na miejsce i zatrzymali mężczyznę. Gdy *policjant usiłował założyć* mu kajdanki 55-latek ugryzł go w rękę. Funkcjonariusz *trafił do szpitala*» (Wprost, 29.08.2014) = «попытался надеть наручники – попал в больницу»; «Thun i Wojciech Olejniczak, *którzy usiłowali tłumaczyć* zawilości prac parlamentarnych i charakter poszczególnych rezolucji, *byli albo zupełnie niezrozumiani*, albo

przekrzykiwani przez mniej merytorycznych, ale bardziej bojowych dyskutantów» (GW, 16.05.2014) = «пытались объяснить – были не поняты».

Особо следует отметить, что глагол *usiłować* является одним из немногих конституентов микрополя желательности, который употребляется в официально-деловых текстах. Например: «Wzór formularza decyzji o zobowiązaniu cudzoziemca do powrotu, wydanej cudzoziemcowi, który przekroczył lub *usiłował przekroczyć* granicę wbrew przepisom prawa, określa załącznik do rozporządzenia» (DU, 25.04.2014) = «пытался пересечь границу»; «Przewodniczący żąda opuszczenia zgromadzenia przez osobę, która swoim zachowaniem narusza przepisy ustawy albo uniemożliwia lub *usiłuje udaremnić* zgromadzenie» (DU, 09.10.2012) = «пытается помешать проведению собрания»; «Kto: 1) przeszkadza lub *usiłuje przeszkodzić* w organizowaniu lub w przebiegu niezakazanego zgromadzenia, – podlega karze aresztu do dwóch tygodni, karze ograniczenia wolności do dwóch miesięcy...» (DU, 26.03.2013) = «пытается помешать организации».

Аналогичную с вышеуказанным модификатором модальную специализацию имеет глагол *starać się* ‘добиваться чего-либо, стремиться к получению чего-либо, совершению чего-либо; пытаться сделать’ (Sł. Doroszewskiego), семантически соотнесенный с русским глаголом *стараться*. Примеры употребления модификатора *starać się* с частотностью 2,1% были зафиксированы нами в газетно-публицистических и научных текстах. Например: «*Maryna Okęcka-Bromkova* tworząc swój typ gawędowej stylizacji w pierwszej kolejności korzysta z jego oralnej tradycji. *Stara się* przede wszystkim *podszluchać* i *naśladować* żywą mowę» (Prace jęz.10, s. 34) = «старается слушать и подражать»; «*Dramaturdzy* rosyjscy, kreśląc jej wizerunek, nie odbiegali zasadniczo od tego schematu, ale *starali się go wzbogacić* też i innymi cechami osobowości tej postaci» (Acta 13, s. 96) = «старались обогатить»; «Sytuację *starał się łagodzić* lider laburzystów Ed Miliband, podkreślając zasługi byłej premier dla upadku komunizmu i podczas wojny o Falklandy» (GW, 12.04.2013) = «старался смягчить».

Глагол *dążyć* ‘иметь намеченную цель, стараться ее достичь, хотеть что-либо сделать’ (SJP), реализующий частное значение желательности ‘иметь стремле-

ние выполнить действие’, по модальной семантике соотносится с русским глаголом *стремиться*. В то же время следует отметить, что они различаются по синтаксической сочетаемости и стилистически. Так, глагол *стремиться* способен выступать в сочетании и с инфинитивом, и с предлогом *к* + *Дат. п.*, а глагол *dążyć* функционирует только с предлогом *do* + *Род. п.*, редко с предлогом *ku* + *Дат. п.* (SPP), при этом действие, которое объект предполагает совершить, выражено отглагольным существительным. Также глагол *dążyć* маркирован в польских толковых словарях как книжный (SJP; SPP), а глагол *стремиться* стилистически нейтрален.

Примеры употребления модификатора *dążyć* (1,7%) зафиксированы нами в газетно-публицистических и научных текстах. Ср. «W tekstach konceptualnych Prigow dąży do stworzenia efektu schematyzacji, zagęszczenia i przejaskrawienia wybranego stylu, podważając go jednocześnie poprzez wprowadzenie elementów niepasujących do całości» (Actaneoph9, s. 139) = «стремится создать»; «Premier Władimir Putin zapowiedział, że Rosja będzie dążyć do położenia kresu wojnie domowej w Syrii i pojednania między zwaśnionymi stronami» (Wprost, 02.03.2012) = «будет стремиться положить конец войне»; «Jarosław Kaczyński uważa, że obecny rząd dąży do wprowadzenia władzy totalitarnej» (GW, 01.02.2012) = «стремится ввести».

Глагол *postanowić* ‘принять какое-л. решение, остановиться на каком-л. намерении, решиться на что-то’ (Sł. Doroszewskiego), частотность употребления которого составляет 1,8 %, актуализирует частное значение ‘иметь намерение выполнить действие’ и по модальной семантике соотносится с русским глаголом *решить*. Употребления данного глагола относятся к газетно-публицистическим, официально-деловым и, реже, – к научным текстам. Например: «Rüdiger postanowił nie dopuścić Polaków na Podole, a dysponując większymi siłami, i to jeszcze nieustannie wzmacnianymi, mógł zrealizować swój plan» (Echa, s.76) = «решил не пустить»; «PiS już nawet nie udaje, że chce “Polski solidarnej”, podobnie jak SLD postanowił nie udawać, że zależy mu głównie na “odpadających od PO”» (Wprost, 01.05.2011) = «решил не притворяться»; «Komendant placówki

Straży Granicznej przeanalizował Pana/Pani wnioski o wydanie wizy krajowej i *postanowił odmówić* wydania wizy krajowej (DU, 09.05.2014) = «решил отказать».

Глагол *zamierzać* ‘планировать, задумывать, решать, хотеть’ (Sł. Doroszewskiego) и предикативное существительное *zamiar* ‘то, что кто-л. намеревается совершить, проект, замысел, цель’ (SJP) этимологически связанные с русскими конституентами микрополя желательности – глаголом *намереваться* и предикативным существительным *намерение*²⁷, также зафиксированы в качестве экспликаторов частного значения желательности ‘иметь намерение выполнить действие’ с частотностью употреблений 1,6% и 2,2% соответственно в текстах различной функционально-стилистической принадлежности. Ср.: «Zablokowałem żonie dostęp do kont i wysyłam tylko pieniądze na utrzymanie córki, bo *nie zamierzam finansować* konkubenta» (Polityka, 27.06.2009) = «не имею намерения финансировать»; «Jeżeli wytwórca niesterylnej substancji czynnej *zamierza deklarować* lub deklaruje, że może być użyta po dalszym przetworzeniu do wyprodukowania jałowego produktu leczniczego, to jakość wody stosowanej do końcowych etapów procesu jej wytwarzania – wydzielania i oczyszczania powinna być monitorowana, a całkowita liczba mikroorganizmów, mikroorganizmów chorobotwórczych i endotoksyn powinna być oznaczana» (DU, 14.08.2014) = «имеет намерение декларировать»; «Jak podaje Kacper Niesiecki, ksiądz ruski, *mając zamiar porzucić* obrzędy pogańskie, wahał się co do wyboru religii, a więc wysłał posłów na wschód i zachód Europy, pragnąc poznać zalety i wady rozdwojonego już wówczas Kościoła chrześcijańskiego» (Acta13, s.61) = «имел намерение отказать»; «Gen. Prądyński zauważył (przy okazji bitwy pod Ostrołęką), że „generał dowodzący zwołuje zwykle radę, gdy *ma zamiar dokonać* czyn mniej godny, może wcale nikczemny, a pragnie z siebie zrzucić odpowiedzialność za niego i chce się mieć kim zastawić”» (Echa, s.79) = «имеет намерение совершить поступок»; «Bezpośrednio przed użyciem środka przymusu należy wezwać osobę niepodporządkowującą się wydanym poleceniom do zachowania zgodnego z prawem

²⁷ Данные экспликативы восходят к и.-е. *mē- «мерить» (Сл. Фасмера; Sł. Brücknera), при этом вариация развития корня с -р/-г является исключительно славянской, поскольку в других языках данный корень выступает с иными согласными (Sł. Brücknera).

oraz *uprzedzić o zamiarze użycia środka przymusu*» (DU, 10.12.2010) = «имеет намерение применить силу».

Аналогичную модальную функцию в рассматриваемом микрополе – выражение частного значения ‘иметь намерение выполнить действие’ – выполняют глагольно-именные сочетания с лексемой *decyzja* ‘результат обдумывания действий’ (WSJP), соотносящиеся с глагольно-именными сочетаниями с лексемой *решение* в русском языке. Однако следует указать на синтаксические различия между сочетаниями с лексемами *решение* и *decyzja*: в русском языке возможно сочетание указанной лексемы с инфинитивом, а в польском языке лексема *decyzja* выступает в сочетании с девербативом в род. п. или *co do* + сущ. в род. п. / *o* + сущ. пред. п. (SPP). Примеры употреблений данного экспликатора желательности (2,3%) зафиксированы нами в текстах всех рассматриваемых функциональных стилей. Ср: «W celu zwrócenia uwagi na problem wynagradzania korpusu urzędniczego w prokuraturze i sądownictwie *organizacja* związkowa pracowników sądownictwa *podjęła decyzję o przeprowadzeniu* ogólnopolskiego protestu» (RP, 22.09.2014) = «имеет намерение провести / приняла решение о проведении протеста»; «Choć dotychczasowe postępowanie Austriaków z uchodźcami-obywatelami pozwalało mieć nadzieję, że nie będzie się wydanym. Stąd też *decyzja*, aby *przedzierać się* w małych grupach do zaboru austriackiego.» (Echa, s. 137) = «намерение / решение пробираться»; «*Decyzja o wykonaniu* dodatkowych badań i walidacji, potwierdzających zasadność wprowadzania zmiany w zwalidowanym procesie, *powinna wynikać z przesłanek naukowych*» (DU, 14.08.2014) = «намерение проводить / решение о проведении исследований».

Глагол *marzyć* ‘думать об осуществлении чего-л. желаемого, стремиться в мыслях к чему-л., очень чего-то хотеть’ (Sł. Doroszewskiego) реализует частное значение ‘иметь стремление выполнить действие’ и по модальной семантике соотносится с русским глаголом *мечтать*. В то же время эти глаголы имеют различия в синтаксической сочетаемости: глагол *мечтать* сочетается с зависимым инфинитивом, а *marzyć* – с инфинитивным оборотом, который вводится с помощью союзов *że, żeby, by* и пр. Примеры употребления глагола *marzyć* (1,5%)

зафиксированы нами в газетно-публицистических текстах. Ср.: «A *marzy* o tym, żeby *zerwać* kontakt z orwellowskim światem, *odizolować się*, *robić* to, na co ma ochotę» (RP, 05.11.2014) = «мечтает порвать контакт, изолироваться, делать, что хочет»; «Znam przynajmniej kilkunastu polityków, którzy *marzyliby*, żeby *kierować* MSZ, bo to i gwarancja miejsca w historii, i pasjonujące wyzwanie» (GW, 04.05.2013) = «мечтали бы управлять»; «Benjamin, młody chłopak *marzy* o tym, aby *zostać* słynnym pisarzem fantasy» (Wprost, 13.09.2010) = «мечтает стать писателем».

Глагол *życzyć (sobie)* ‘хотеть чего-либо для кого-либо или для себя’ (Sł. Doroszewskiego) по модальной семантике соотносится с русскими глаголами *хотеть*, *желать*, однако не является их полным эквивалентом, поскольку обозначает желание в его общем проявлении и, кроме того, его употребление предполагает обязательное наличие конкретного лица, на которое направлено желание, т.е. глагол выполняет прагматическую функцию выражения волеизъявления. Однако в сочетании с возвратным местоимением *sobie* в дательном падеже – *sobie* глагол *życzyć* способен реализовывать модальное значение желательности, относящееся к ситуативной модальности. Примеры такого рода (1,7%) зафиксированы нами в газетно-публицистических текстах. Ср.: «W telewizji *życzę sobie oglądać* ludzi ciekawych» (RP, 25.10.2013) = «имею желание / хочу смотреть»; «Jeśli *ktos życzy sobie zacząć* od trzeciej, z pomocą przychodzi mu publiczna Jedynka: tam odcinki horroru będą pokazywane w soboty po 23.00» (RP, 01.09.2013) = «имеет желание / хочет»; «O tym właśnie opowiada angielska komedia „Maybe Baby”, prezentująca losy pary młodych ludzi, którzy pragną mieć dziecko, ale nie mogą i czynią różne starania w tym kierunku (...). Tu się pojawia pytanie, dlaczego ta *para życzy sobie mieć* dzieci» (Wprost, 03.07.2012) = «имеет желание / хочет иметь ребенка».

Лексема *chęć* ‘желание, готовность, влечение к чему-л., жажда’ (SJP) семантически и стилистически соответствует русской лексеме *желание*. По мнению Н.Е. Ананьевой, указанные лексемы являются «центральными лексемами репрезентанта концепта ‘желание’» [Ананьева 2005: 113]. Совпадают также син-

таксические связи лексем *żelanie* и *chęć*: они употребляются как в сочетании с инфинитивом, так с номинантом предмета в беспредложной конструкции, однако, в отличие существительного *żelanie*, *chęć* наиболее частотно функционирует в сочетании с девербативами.

Находясь в составе глагольно-именного сочетания, существительное *chęć* способно эксплицировать в зависимости от контекстных условий как значение желательности в ее общем проявлении, так и значение интенсивного желания 'иметь стремление выполнить действие', реализуясь с частотностью 2,1% в газетно-публицистических и научных текстах. Ср.: «Zjeżdżałam wtedy całą Polskę autostopem i poznałam naprawdę wspaniałe miejsca i ciekawych ludzi. Oczywiście, takie inspiracje wynosi się też z domu, ale chodzi o to, że wtedy dostęp do kultury był na wyciągnięcie ręki. A to kultura buduje w nas *chęć pójścia* do przodu» (RP, 18.07.2013) = «имеется желание идти вперед»; «Wobec takich okoliczności, a zwłaszcza francuskiego „nie” i niemieckiej wstrzemięzliwości, Mikołajowi II nie pozostało nic innego, jak z *niechęcią ustąpić* i wycofać się z dalszego popierania projektu Nielidowa (Echa, s. 43) = «отсутствует желание уступить»; «Oznacza to, że bardzo lubię paryski styl życia: kiedy np. widzę ludzi stojących spokojnie w kolejce, czuję *nieprzewartą chęć wepchnięcia się* przed nich» (GW, 11.09.2012) = «имеется стремление пролезть»; «Warto jednak zdać sobie z tego sprawę, aby następnym razem, kiedy odczujemy *przemoczną chęć wyzarcia* czegoś z lodówki, zadać sobie pytanie: po co chcę to zjeść?» (GW, 29.04.2011) = «имеется стремление съесть».

Существительное *ochota* 'желание, влечение к чему-л., воодушевление, старание' (Sł. Doroszewskiego), несмотря на этимологическую общность с русским *охота*, не является его эквивалентом. Так, *охота* в современном русском языке в модальном значении является стилистически маркированной, разговорной лексемой (МАС), а польская лексема *ochota* характеризуется стилистически нейтральностью и во многих контекстах является взаимозаменяемой с вышерассмотренным существительным *chęć* [см. об этом подробнее: Ананьева 2005: 114]. Примеры употребления глагольно-именных сочетаний с лексемой *ochota*

зафиксированы нами в газетно-публицистических текстах (2,4 %) при реализации значения 'иметь желание выполнить действие'. Например: «Ty czy ja *tamą ochotę* czasem *się zgubić*, coś dla siebie odkryć, pójść na ukos, niekoniecznie do parku, który ma wytyczone ścieżki» (GW, 09.06.2010) = «хотим потеряться»; «А jeśli mimo wszystko nadal *tamą ochotę* *sobie ponarzekać*, to zanim to zrobimy przypomnijmy sobie gola Artura Siódmaka w ostatnich sekundach na Mistrzostwach Świata» (Wprost, 19.04.2012) = «хотим пожаловаться»; «Na samą myśl o ich losie robi mi się słabo i *tam ochotę krzyczeć*» (Wprost, 17.09.2013) = «хочу кричать»; «Wiem oczywiście, że niektórzy wracają do domu, że są wśród nich ludzie, którzy nie potrafią żyć w tak spartańskich warunkach i *nie mają ochoty walczyć* przeciwko innym rebeliantom albo ich żony mówią, że to nie jest życie dla nich» (RP, 31.12.2014) = «не хотят бороться».

3.3. Дальняя периферия микрополя желательности

Дальнюю периферию микрополя желательности формирует широкий набор лексических конститuentов: глаголы *zgodzić się*, *myśleć*, *woleć*, *przygotowywać się*, *spodziewać się*, *spieszyć (się)*, *raczyć*, *kwapić się*, глагольно-именные сочетания с лексемами *nadzieja*, *gotowość*, предикативы *żal*, *szkoda*, *(nie)przyjemnie*, *(nie)milo*, *przykro*, прилагательное *skłonny*, страдательное причастие *pożądanu*, составляющие в совокупности 6,1% от общего количества конститuentов рассматриваемого микрополя.

Глагол *zgodzić się* 'дать согласие, разрешение, принять что-л.' (SJP), соотносящийся по модальной семантике с русским глаголом *согласиться*, актуализирует значение 'иметь намерение выполнить действие'. Употребления данного конститuenta (0,7 %) зафиксированы нами в газетно-публицистических и научных текстах. Например: «*Syria zgodziła się oddać* broń chemiczną» (Wprost, 10.09.2013) = «согласится отдать»; «*Przybycie 150 bojowników z Iraku nastąpiło dzięki decyzji Turcji, która po raz pierwszy zgodziła się przepuścić* siły spoza Syrii w celu wsparcia syryjskich Kurdów» (RP, 02.11.2014) = «согласилась впустить»; «*Pozbawiony rad doświadczonego ks. Łobanowa ... Mikołaj II gotów był nawet w*

pierwszym odruchu „połknąć przynętę” i *zgodzić się na usunięcie Abdula Hamida*» (Echa, s. 114) = «согласится устранить».

Глагол *woleć*, однокоренной с «прасловом» *wola* (Sł. Brücknera) и зафиксированный в толковых словарях польского языка со значением ‘считать лучшим, решиться скорее на одно, чем другое’ (Sł. Doroszewskiego), выражая значение ‘иметь намерение выполнить действие’, обусловленное обдуманым выбором субъекта, соотносится с русским глаголом *предпочитать*. Следует заметить, что в русском языке старшего периода в числе лексических экспликаторов желательности находился этимологически родственный данному глаголу модальный глагол *волити* ‘желать, хотеть’ (Сл. Фасмера)²⁸, имевший, по мнению Л.П. Дроновой, «самые глубокие исторические корни и широкую представленность через соответствия в модальном значении желательности» [Дронова 2006 б: 40].

Употребления глагола *woleć* (0,8%) зафиксированы нами в газетно-публицистических текстах. Например: «*Lekarz rodzinny woli uspokajać i wypisywać tabletki, niż skierować na badanie (oszczędza)*» (GW, 15.10.2014) = «предпочитает успокаивать и выписывать»; «*Ojciec Jerzego Janowicza, Jerzy Janowicz senior, twierdzi, że jego syn woli grać w półfinale Wimbledonu z Andym Murrayem niż z Fernando Verdasco*» (Wprost, 04.07.2013) = «предпочитает играть»; «*My, to znaczy Komitet Poparcia Solidarności i IDEE (nie mylić z polską Fundacją IDEE), woleliśmy docierać do poszczególnych „struktur”, jak się wtedy mówiło* (RP, 10.12.2013) = «предпочитали доходить».

Глагол *przygotowywać się* ‘совершить определенные действия, чтобы быть готовым к чему-л.’ (WSJP), глагольно-именные сочетания с существительным *gotowość* ‘решение, желание, склонность, намерение’ (Sł. Doroszewskiego), а также глагол *myśleć* ‘иметь намерение, намереваться, проектировать, решать; хотеть что-л. сделать; задумывать’ (Sł. Doroszewskiego) и его префиксальные дериваты актуализируют частное значение ‘иметь намерение выполнить действие’.

²⁸ О специфике его функционирования в древнерусском и старорусском языках см. [Ваулина 1988].

Данные модификаторы соотносятся с русским глаголом *готовиться* и существительным *готовность*. Однако следует указать, что русский глагол *готовиться*, глагольно-именные обороты с существительным *готовность* выступают в сочетании с зависимым инфинитивом, в то время как польские экспликативы *przygotowywać się* и *gotowość* употребляются в сочетаниях с падежно-именной формой «предлог *do* + *czegoś*». Функционирование указанных польских конститuentов (0,5% и 0,4% соответственно) зафиксировано в газетно-публицистических и официально-деловых текстах. Ср.: «*Minister administracji i cyfryzacji Michał Boni powiedział, że był gotowy zostać w rządzie, ale również przygotowywał się do odejścia*» (Wprost, 20.11.2013) = «готовился уйти»; «*Jerolimaska policja przygotowuje się od rana do zamknięcia dwóch głównych arterii drogowych prowadzących do miasta*» (RP, 17.03.2013) = «готовится закрыть»; «*Mogą one być pokazywane w innych kanałach telewizyjnych (np. kodowanych) tylko wówczas, gdy żaden z nadawców programów kwalifikowanych nie wyraził gotowości zawarcia umowy z właścicielem praw, lub równolegle do transmisji „otwartej”*» (RP, 10.09.2013) = «не выразил готовности подписать»; «*Przy ustalaniu profilu pomocy dla bezrobotnego powiatowy urząd pracy dokonuje analizy sytuacji bezrobotnego i jego szans na rynku pracy, biorąc pod uwagę oddalenie bezrobotnego od rynku pracy i jego gotowość do wejścia lub powrotu na rynek pracy*» (DU, 19.05.2014) = «имеет готовность выйти на рынок труда».

Глагол *myśleć*, соотносящийся по модальной семантике с русским глаголом *думать*, и его префиксальные дериваты реализуются с частотностью 0,4% преимущественно в газетно-публицистических текстах. Например: «*W tej sytuacji coraz więcej francuskich Żydów myśli o opuszczeniu kraju*» (RP, 08.12.2013) = «думает покинуть»; «*Jak z tym niepokojącym niedostatkim pieniędzy zamyśla poradzić sobie zarząd Narodowego Funduszu Zdrowa?*» (RP, 14.01.2010) = «думает справиться»; «*I w te święta nasi mordercy zamyślili ukryć trupa – w tym celu utopili go w stawie, gdzie PGR hodował karpie*» (GW, 25.12.2012) = «задумали спрятать»; «*Jeżeli to przedsiębiorca rozmyśli się i nie będzie chciał lub nie będzie w stanie*

zrealizować usługi, to wysokość kwoty także zależy od tego, czy wpłacony został zadek czy zaliczkę» (RP, 26.08.2014) = «передумает реализовывать».

Глагол *spodziewać się* ‘иметь надежду, допускать что-л.; желать, чтобы что-л. свершилось; ожидать, рассчитывать на что-л.’ и глагольно-именные сочетания с существительным *nadzieja* ‘ожидание осуществления чего-л. желаемого, вера в то, что это исполнится’ (Sł. Doroszewskiego) актуализируют значение желательности, осложненное дополнительнойемой ‘вера в возможность осуществления действия’, выступая с частотностью соответственно 0,4% и 0,5% в газетно-публицистических текстах. Например: «*Spodziewamy się osiągnąć porozumienie do końca roku – informuje „Rzeczpospolitą” Andrea Morawski*» (RP, 04.11.2012) = «надеемся на возможность достичь»; «*Ok. 7-10 nowych projektów inwestycyjnych spodziewa się pozyskać w I kw. 2015 r. Katowicka Specjalna Strefa Ekonomiczna*» (GW, 30.12.2014) = «надеется на возможность получить»; «*Mają nadzieję powtórzyć sukces legendarnego duetu radzieckiego Jekatierina Gordiejewa – Siergiej Grinkow, jedynej jak dotąd pary sportowej, która dwa razy zdobyła olimpijskie złoto*» (RP, 21.10.2013) = «надеются на возможность повторить»; «*Rząd premiera Miro Cerara twierdzi, że procedura sprzedaży aktywów państwowych będzie kontynuowana zgodnie z planem i ma nadzieję sprzedać operatora łączności Telekom Slovenia*» (RP, 12.11.2014) = «надеется на возможность продать».

Глаголы *śpieszyć (się)* ‘поспешно что-л. делать, начинать делать что-л. с желанием, торопиться’ и *kwapić się* ‘быть готовым к чему-л., начинать делать что-л. с желанием, поспешно’ (SJP) актуализируют значение ‘пытаться выполнить действие’, осложненное компонентом времени, что позволяет соотнести их с русскими глаголами *спешить, торопиться*. Указанные польские модификаторы, преимущественно с отрицанием, зафиксированы нами с частотностью употреблений 0,3% и 0,2 % в газетно-публицистических текстах. Например: «*Pojazdy uprzywilejowane nie robią hałasu tylko uprzedzają innych użytkowników drogi, że śpieszą komuś pomóc*» (Wprost, 21.06.2012) = «спешат помочь»; «*Wracać do Polski nie śpieszą się również sami więźniowie*» (GW, 30.10.2013) = «не спешат возвращаться»; «*Kraje arabskie nie chcą ich przyjąć, europejskie też nie kwapią się*

trzymać w swoich więzieniach groźnych przestępców, którzy nie przejawiają chęci skruchy» (Wprost, 15.06.2009) = «не торопятся держать»; «*Nie kwapią się* jakkolwiek *odparować* bezczelną uzurpację Frau Kanzlerin, choć dawno minął na to czas najwyższy» (RP, 25.09.2014) = «не торопятся отразить».

Глагол *raczyć* ‘хотеть что-л. сделать неохотно, снисходительно’ (SJP) является стилистически маркированным, книжным глаголом, который семантически соотносится с русским модификатором *соизволить*²⁹. Немногочисленные примеры употребления данного глагола (0,2%) зафиксированы нами в газетно-публицистических текстах и имеют стилистический оттенок иронии. Ср.: «*Natomiast WSA nie raczył przeprowadzić* postępowania wyjaśniającego, gdy trafiło do niego pismo zatytułowane „powtórny wniosek o przyznanie prawa pomocy”» (RP, 29.10.2013) = «не соизволил провести»; «*W gruncie rzeczy to zależy od właściciela kamienicy, czy raczy ich poinformować*» (GW, 22.10.2014) = «соизволит ли информировать».

Предикативы *przyjemnie* ‘так, что доставляет удовольствие’ (WSJP), *nieprzyjemnie* ‘так, что вызывает неудовольствие’ (WSJP), *(nie)milo* ‘приятно, хорошо, с удовольствием’ (Sł. Doroszewskiego), *przykro* ‘неприятно, плохо, мучительно’ (Sł. Doroszewskiego) эксплицируют значение желательности/нежелательности выполнения действия с элементом эмоциональной оценки, что сближает их с русскими предикативами *приятно/неприятно*. Данные конститuenty, частотность функционирования которых в совокупности составляет 0,6%, зафиксированы нами только в газетно-публицистических текстах. Например: «*Na pewno przyjemnie jest wygrywać*. Sukcesy budują dobrą atmosferę w drużynie i zwiększają pewność siebie» (GW, 18.10.2014) = «желательно/приятно выигрывать»; «*Taki ostry typ może nie dać wyrwać sobie praw autorskich i nieprzyjemnie straszyć* po nocach» (RP, 18.12.2013) = «нежелательно/неприятно пугать»; «*Jak miło było popatrzeć* w środę na niebiesko-żółty Pałac Kultury» (GW, 07.12.2013) = «желательно /приятно посмотреть»; «*Przykro mi to komentować* –

²⁹ Интересно отметить, что, по наблюдениям исследователей, в древнерусском языке функционировал модальный глагол *рачити*, наиболее близкий к доминанте микрополя желательности «по характеру модальной специфики» [Ваулина 1991: 24].

так о словах речника PiS Adama Hofmana mówił w RMF FM речник rządu Paweł Graś» (Wprost, 06.12.2011) = «нежелательно /неприятно комментировать».

Предикативы *żal* ‘чувствовать, что зря растрчивается что-то важное и ценное’, ‘испытывать сочувствие’, ‘испытывать сожаление по поводу того, что делаем или чего не сделали’ (WSJP), *szkoda* ‘жалко, печально’ (SJP), соотносящиеся с русскими предикативами *жалко/жаль*, актуализируют значение нежелательности действия и, так же, как и русские вышеназванные модификаторы, содержат в своем значении сему эмоциональной оценки. Данные модификаторы зафиксированы нами с частотностью употреблений 0,5% в газетно-публицистических текстах. Например: «*Żal mi rozstawać się z czymś, co było dla mnie nieprawdopodobną pasją przez te dwa lata*» (Wprost, 20.11.2013) = «нежелательно/жалко расставаться»; «*Żal było patrzeć na jego piłkarzy, jak ze łzami w oczach przechodzili przez strefę wywiadów*» (RP, 27.11.2013) = «нежелательно/жалко смотреть»; «*Dla mnie powinien on pozostać, jest to człowiek, którego szkoda by było stracić – powiedział Gawlik*» (Wprost, 09.05.2012) = «нежелательно/жалко было бы потерять»; «*Szkoda tarabanić się na drugi koniec miasta*» (GW, 18.11.2013) = «нежелательно/жалко тащиться».

Прилагательное *skłonny* ‘имеющий склонность, желание к чему-л., решающийся на что-л.; готовый к чему-л.’ (Sł. Doroszewskiego) актуализирует совмещенное значение желательности и возможности, что сближает его с русским кратким прилагательным *склонен*. Данный конститuent зафиксирован нами многочисленными примерами (0,4 %) в газетно-публицистических и научных текстах. Ср.: «...Rosja podejmowała pewne kroki wojskowe, chociaż emancypacyjny ruch Ormian, na którego ripostą były owe rzezie, *car skłonny był traktować przede wszystkim jako intrygę angielską, w dużym stopniu nie bez racji zresztą*» (Echa, s.110) = «был склонен / хотел и мог трактовать»; «*Waszyngton jest skłonny uczynić gest, którego oczekują talibowie, czyli uwolnić więźniów – pisze Stratfor*» (Wprost, 08.02.2012) = «склонен / хочет и может совершить»; «*Jest szansa na nowy kontrakt. Izraelczycy byliby nawet skłonni przenieść do nas całą produkcję – mówi*

Stanisław Głowacki, szef „Solidarności” w „zbrojeniówce”» (GW, 04.12.2014) = «были бы склонны / хотели бы и могли перенести».

Страдательное причастие *pożądany* ‘являющийся предметом желания, соответствующий планам, намерениям, уместный, подходящий’ (Sł. Doroszewskiego), соотносящееся по модальной семантике с русским предикативным наречием *желательно*, выражает совмещенное значение необходимости и желательности и зафиксировано нами немногочисленными употреблениями (0,2%) в газетно-публицистических текстах. Например: «Oczywiście *byłoby pożądane*, gdyby międzynarodowej społeczności jeszcze raz udało się *usadowić* przy jednym stole Poroszenkę i Putina» (RP, 07.08.2014) = «было бы желательно / необходимо усадить»; «*Nie jest pożądane*, by widocznemu postępowi w kwestii konfliktu abchaskiego towarzyszył wzrost napięcia na linii południowoosetyjskiej – powiedział» (Wprost, 04.07.2008) = «нежелательно / не нужно, чтобы росло напряжение»; «*”Pożądane jest również zgłoszenie* pobytu i adresu kontaktowego w Ambasadzie RP w Islamabadzie lub Kabulu” – zaznacza MSZ» (RP, 10.02.2009) = «желательно / необходимо сообщить».

Выводы

Как показал анализ фактического материала, план выражения микрополей возможности, желательности и необходимости в польском языке представлен разнообразным набором конститuentов, среди которых преобладают лексические экспликативы. Центральная зона микрополей формируется лексическими модификаторами, характеризующимися емкостью модального значения, высокой частотностью и стилистической немаркированностью. Так, центр микрополя возможности образуют модальный глагол *możę*, предикатив (*nie*) *można*, микрополя необходимости – прилагательное *powinien*, глаголы *musieć* и *mieć*, предикатив *trzeba*, микрополя желательности – модальный глагол *chcieć*, его префиксальный дериват *zechcieć* и безличные формы *chcieć się*, *zechcieć się*, *zachcieć się/zachciwać się*.

Конституенты ближней и дальней периферии, как правило, актуализируют определенные частные значения ситуативной модальности и реализуются в текстах определенных функциональных стилей, что связано с конкретностью их модальной семантики и стилистической спецификой. Кроме того, целый ряд периферийных конституентов эксплицирует совмещенные модальные значения, принадлежащие к плану содержания различных микрополей, что служит наглядным свидетельством диффузности и взаимопроницаемости их границ. Так, например, полифункциональностью характеризуются прилагательное *gotów*, выражающее совмещенное значение возможности / желательности, глагол *potrzebować*, эксплицирующий совмещенное значение необходимости / желательности, а также безличный глагол *godzi się* как актуализатор значения необходимости / возможности.

Грамматические экспликаторы в рассматриваемых микрополях представлены немногочисленным набором и в целом характеризуются невысокой частотностью. В определенной степени это объясняется внутриязыковой грамматической спецификой, примером чему могут служить предложения с независимым инфинитивом, которые не имеют широкого распространения в польском языке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ средств выражения ситуативной модальности, проведенный с целью выявления функционально-семантической специфики реализации модальных значений возможности, необходимости и желательности в современных русском и польском языках, позволил нам сделать ряд выводов и обобщений.

Языковая модальность, обеспечивающая соотнесенность содержания высказывания с внеязыковой действительностью во всем многообразии ее явлений и динамике происходящих в ней процессов, а также устанавливающая коммуникативную перспективу высказывания, характеризуется многослойностью и многоаспектностью своих значений и структуры, что, с одной стороны, закономерно вызывает большой исследовательский интерес к ней, а, с другой стороны, порождает неизбежные сложности в установлении ее семантического объема и средств языковой репрезентации. Использование принципов функциональной грамматики при изучении данной категории позволяет установить ее основные структурно-содержательные пласты, одним из которых является пропозициональная модальность. Данный тип модальности, выступающий в виде функционально-семантического макрополя, включает в себя объективную и ситуативную модальности, которые, в свою очередь, также имеют полевую структуру, организованную по принципу «центр – периферия».

Функционально-семантическое поле ситуативной модальности, раскрывающей связь высказывания с внеязыковой действительностью через отношения субъекта действия и действия с точки зрения «положения дел» относительно наличия или отсутствия ситуации возможности, необходимости, желательности действия, формируется соответствующими микрополями, имеющими план содержания и план выражения.

Проведенный анализ показал, что план содержания микрополей возможности, желательности и необходимости, представленный широким комплексом частных модальных значений, находит адекватное отражение в плане выраже-

ния данных микрополей как в русском, так и в польском языках, эксплицируясь посредством лексических и грамматических модификаторов.

При этом конstituенты центральной зоны микрополей ситуативной модальности в русском и польском языках, представленные лексическими модификаторами (модальными глаголами и предикативами), относящимися к древнейшим пластам лексики (например, *мочь* – *moć*, *должен* – *powinien*, *хотеть* – *chcieć*), характеризуются емкостью модальной семантики, что позволяет им актуализировать весь спектр частных модальных значений, а их стилистическая немаркированность обеспечивает высокую частотность функционирования в текстах всех рассмотренных нами функциональных стилей.

Общим для русского и польского языков является и то, что периферийную зону микрополей также формируют преимущественно лексические модификаторы (глаголы (*уметь* – *umieć*, *следует* – *należy*, *желать* – *pragnąć*), предикативы (*разрешено* – *wolno*, *необходимо* – *warto*, *жалко* – *żal*) и глагольно-именные сочетания (*иметь возможность* – *mieć możliwość*, *иметь обязанность* – *mieć obowiązek*, *иметь желание* – *mieć chęć*), актуализирующие, как правило, определенные частные значения возможности, необходимости и желательности (например, *вправе* – ‘(не) иметь право для выполнения действия’, *вынужден* – ‘быть вынужденным выполнить действие’, *стремиться* – ‘иметь стремление выполнить действие’; *mieć siłę* – ‘(не) быть в состоянии выполнить действие’, *potrzeba* – ‘(не) иметь потребность выполнить действие’, *próbować* – ‘пытаться выполнить действие’). Ряд периферийных конstituентов микрополей ситуативной модальности в силу конкретной модальной семантики или стилистической маркированности зафиксирован нами в текстах не всех функциональных стилей (например, *дерзнуть*, *рискнуть* зафиксированы в газетно-публицистических текстах, *целесообразно* – в научных, *надлежит* – официально-деловых; *mieć rozum*, *mieć szansę* – в газетно-публицистических текстах, *zdolać* – в научных, *dopuszcza się* – в официально-деловых).

Как в русском, так и в польском языках экспликация модальных значений обеспечивается наиболее широким набором конstituентов в газетно-

публицистических текстах, для которых свойственно разнообразие лексического материала и отсутствие стилистических ограничений.

В текстах газетно-публицистического стиля наибольшей продуктивностью характеризуются экспликативные частные значения '(не) иметь возможность выполнить действие' (*невозможно – nie sposób*), 'долженствование' (*должен – powinien*) и 'иметь желание выполнить действие' (*иметь желание – mieć ochotę*).

В научных текстах исследуемых языков наиболее регулярно реализуются экспликативные значения '(не) иметь возможность выполнить действие (в связи с наличием объективных обстоятельств)' (*возможно – da się*), 'иметь желание выполнить действие' (*хочется – chcieć się*), а также значение общего долженствования, связанного с наличием объективных обстоятельств (*следует – należy*), что, по всей вероятности, можно объяснить тенденцией к объективному представлению результатов познания действительности в научном тексте и, в связи с этим, отбором экспликативных, способных выражать частные значения объективной возможности и необходимости, а также значение желания в его общем проявлении.

В русских и польских официально-деловых документах наибольшей продуктивностью характеризуются экспликативные частные значения '(не) иметь право для выполнения действия', 'вынужденность, связанная с обязательностью выполнения общепринятых законов', что обусловлено тематической направленностью данных документов, содержащих материалы об общих нормах поведения, рекомендациях и запретах т.п. При этом в текстах официально-делового стиля средства выражения желательности представлены лишь единичными экспликативными, например, глаголами *пытаться, намереваться*, глагольно-именными сочетаниями с лексемой *желание* в русском языке и глаголами *usiłować, próbować, zamierzać*, глагольно-именными сочетаниями с лексемой *chęć* в польском, что связано с повышенной субъективностью данного значения, не характерной для соответствующих текстов.

Типологическая общность плана выражения микрополей ситуативной модальности в русском и польском языках не исключает, однако специфических черт в выражении значений возможности, необходимости и желательности, что, в частности, проявляется в составе, грамматических особенностях и функционально-стилистической сфере реализации периферийных компонентов ситуативной модальности.

Так, важной особенностью плана выражения микрополей ситуативной модальности является наличие безэквивалентных лексических конstituентов в русском и польском языках. Свидетельством этому могут служить, например, глагол *собираться* как экспликатор значения желательности в русском языке и глаголы *potrzebować*, *mieć* как актуализаторы значения необходимости в польском языке. С наличием безэквивалентных экспликаторов связано также количественное различие в наборе центральных конstituентов микрополя необходимости в исследуемых языках. Так, центральная зона микрополя необходимости в польском языке представлена бóльшим числом экспликаторов, чем в русском (ср. безэквивалентные глаголы *musieć*, *mieć*).

К числу особенностей микрополей ситуативной модальности в русском языке относится более регулярное, по сравнению с польским языком, функционирование грамматических модальных модификаторов, примером чему могут служить предложения с глаголами совершенного вида в форме 2-го лица единственного числа изъявительного наклонения, являющиеся специфичными для русского языка («Служишь добросовестно, имеешь хорошие профессиональные навыки и перспективу карьерного роста, значит, *сохранишь* место в строю. Не отвечаешь этим требованиям, – *снимешь* погоны») – РГ, 20.12.2013; «Пока *не попробуешь* сам, *не поймешь*, насколько это замечательная штука» – АиФ, 22.02.2013), а также предложения с независимым инфинитивом, ограниченность употребления которых в рассматриваемых микрополях современного польского языка связана с общей ограниченностью функционирования инфинитивных конструкций как характерной черты польского синтаксиса.

Ряд лексических модальных конstituентов, функционирующих в микрополях ситуативной модальности русского и польского языков и имеющих генетическое родство, имеет различия в семантическом объеме или функционально-стилистической сфере употребления. Так, например, польский модальный глагол *umieć* обладает более емким семантическим объемом, чем его русский аналог *уметь*, и, в зависимости от речевой ситуации, является эквивалентным русским глаголам *уметь*, *мочь*, *знать*; безличный глагол *godzi się* является стилистически нейтральным, в то время как русский глагол *годится* характеризуется стилистической маркированностью, употребляется нерегулярно и преимущественно в отрицательной форме.

Анализ показал, что семантическая эквивалентность конstituентов ситуативной модальности в русском и польском языках не всегда подразумевает их функциональную эквивалентность. Так, например, польский модификатор *niepodobna* 'невозможно, нельзя' (БПРС) находится на дальней периферии микрополя возможности в силу нерегулярного функционирования, а его семантические эквиваленты в русском языке, а именно центральный модификатор *нельзя* и ближнепериферийный модификатор *невозможно* являются гораздо более продуктивными. Безличный глагол *надлежит* в русском языке в семантическом отношении соотносится с польским безличным глаголом *należy* 'следует, надлежит' (БПРС). Однако модификатор *надлежит* имеет отчетливо выраженный книжный оттенок, вследствие чего частотно употребляется в официально-деловых документах, а у глагола *należy* этот оттенок проявляется менее интенсивно, что позволяет данному модификатору функционировать в текстах всех функциональных стилей.

Проведенный анализ подтвердил отмечаемую исследователями такую существенную особенность функционально-семантического поля ситуативной модальности, как взаимопроникаемость его микрополей, проявляющуюся в способности ряда модальных модификаторов актуализировать совмещенные значения возможности / желательности, необходимости / желательности, возможности / необходимости. Таким свойством межполевой «миграционной активно-

сти» характеризуются некоторые модификаторы центральной зоны (например, глаголы *мочь* и *тос*, в ряде случаев выступающие в качестве актуализаторов совмещенного значения возможности/необходимости) и особенно периферийные лексические конститuentы рассматриваемых микрополей: прилагательное *готов*, глаголы *удаваться/удаться* в русском языке и прилагательное *gotów*, глаголы *udawać się/udać się* в польском, выражающие совмещенное значение возможности/желательности, безличный глагол *рекомендуется*, предикатив *желательно* в русском языке и глагол *potrzebować*, безличный глагол *zaleca się* в польском, реализующие совмещенное значение необходимости / желательности.

Анализ ситуативной модальности как функционально-семантической полевой структуры, предпринятый нами на материале современных разножанровых текстов русского и польского языка, отнюдь не исчерпывает всех проблем ее изучения, но, как нам представляется, открывает перспективы дальнейших исследований, одним из объектов которых могут стать особенности взаимоотношения ситуативной модальности с другими функционально-семантическими полевыми структурами, в том числе относящимися не только к модальности, но и функционально близкими к ней (например, поля персональности, темпоральности, оценочности), что даст возможность более глубоко проникнуть в структурно-содержательную природу языковой модальности как функционально-семантической категории.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Теоретическая литература

1. Адамец П. Образование предложений из пропозиций в современном русском языке. Praha: Academia, 1978. 160 с.
2. Адмони В.Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1955. 391 с.
3. Адмони В.Г. Основы теории грамматики. М.: Наука, 1964. 106 с.
4. Алиева Э.Н. Функционально-семантическая категория модальности и ее реализация в разноструктурных языках (русском, английском и лезгинском): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 63 с.
5. Алисова Т.Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1971. 293 с.
6. Алтабаева Е.В. Категория оптативности в современном русском языке: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 485 с.
7. Амиантова Э.И., Битехтина Г.А., Всеволодова М.В., Клобукова Л.П. Функционально-коокоммуникативная модель языка как одна из составляющих современной лингвистической парадигмы (становление специальности «Русский язык как иностранный») // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. № 6. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 215-233.
8. Ананьева Н.Е. Концепт 'желание' в польском и русском языках (П. польск. *chęć – chcieć*, русск. *желание – хотеть*) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. Вып. 30. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 109 – 124.
9. Ананьева Н.Е. Оппозиция «душа – тело» в западнославянских языках // Материалы научных чтений памяти заслуженных профессоров МГУ Р.Р. Кузнецовой и А.Г. Широковой / Под ред. В.Ф. Васильевой и А.Г. Машковой. М.: МАКС Пресс, 2004. С.3 – 6.
10. Ананьева Н.Е. Понятие «страсть» как компонент категории оптативности (на материале польского, русского и чешского языков) // Язык, сознание, ком-

муникация: Сб. научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ А.Г. Широковой / Ред. колл.: В.В. Красных, А.И. Изотов, В.Г. Кульпина. Вып. 38. М.: МАКС Пресс, 2009. С.26 – 40.

11. Ананьева Н.Е., Васильева В.Ф., Изотов А.И. Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. 326 с.

12. Антонова Л.В. Лингвокультурологический анализ модальности возможности (на материале современного английского языка): Автореф. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007. 25 с.

13. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. 767 с.

14. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта: Наука, 2002. 384 с.

15. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.

16. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Т. 40. № 4. М.: Изд-во АН СССР, 1981. С.356 – 367.

17. Аскоченская В.Ф. Выражение возможности и необходимости в конструкциях с зависимым инфинитивом (на материале польского языка в сопоставлении с русским): Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1971. 186 с.

18. Аскоченская В.Ф. Семантико-синтаксические функции и синонимика модальных и фазовых конструкций с зависимым инфинитивом (на материале польского, русского и украинского языков): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1998а. 47 с.

19. Аскоченская В.Ф. Семантико-синтаксические функции и синонимика модальных и фазовых конструкций с зависимым инфинитивом (на материале польского, русского и украинского языков): Дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1998б. 298 с.

20. Бабайцева В.В. Система односоставных предложений в современном русском языке. М.: Дрофа, 2004. 540 с.

21. Бабанов А.В. Взаимодействие словообразовательных и синтаксических средств выражения направления в славянских языках (на материале болгарского, польского и русского языков): Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1985. 215с.
22. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. М.: Флинта: Наука, 2004. 496 с.
23. Баженова Е.А. Научный текст в дискурсивно-стилистическом аспекте // Вестник Пермского ун-та. Вып. 5. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2009. С. 24 – 32.
24. Баженова Е.А. Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2001. 272 с.
25. Базалина Е.Н. Семантико-синтаксические средства выражения модальности в художественном тексте: (Сопоставительный анализ немецкого и русского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2001. 22 с.
26. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностр. литературы, 1955. 418 с.
27. Барентсен А. О русских глаголах *смочь* и *суметь* // Основные проблемы русской аспектологии. Спб.: Наука, 2002. С. 7 – 29.
28. Барышева И.В. Функциональная синонимия в области выражения «внутренней» модальности в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974. 33 с.
29. Белошапкина В. А. О модальности сложного предложения // Русский язык: сб. науч. тр. М., 1975. С. 44—52.
30. Беляева Е.И. Модальность и прагматические аспекты директивных речевых актов в современном английском языке: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1988. 459 с.
31. Беляева Е.И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1985. 180 с.
32. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 447 с.
33. Бергельсон М.Б. Прагматическая и социокультурная мотивированность языковой формы: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 404 с.

34. Бондалетов В.Д. К типологии направлений современной стилистики // Межд. юб. сессия... 100-летию со дня рожд. В.В. Виноградова. Тезисы. М., 1995. С. 11 – 13.
35. Бондалетов В.Д. Стилистика русского языка. Л.: Просвещение: Ленингр. отд-ние, 1989. 222 с.
36. Бондаренко В.Н. Виды модальных значений и их выражение в русском языке // Филологические науки. № 2. М.: Наука, 1979. С. 52 – 61.
37. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст Л.: Наука, 1971. 116 с.
38. Бондарко А.В. К теории поля в грамматике – залог и залоговость (На материале русского языка) // Вопросы языкознания. №3. М.: Наука, 1972. С. 20 – 35.
39. Бондарко А.В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики // Текст. Структура и семантика. Т. 1. М.: Наука, 2001. С. 4 – 13.
40. Бондарко А.В. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. С. 5 – 39.
41. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л.: Наука, 1983. 208 с.
42. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
43. Бондарко А.В. Теория значения в системе функционирования грамматики: на материале русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
44. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. Л.: Наука, 1976. 255 с.
45. Бондарко А.В. Функциональная грамматика: проблемы системности // Русский язык в научном освещении № 1 (5). М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 5 – 22.
46. Бордович А.М. Модальные слова в современном русском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1956. 21 с.
47. Будагов Р.А. К теории сходств и различий в грамматике близкородственных языков // Вопросы языкознания. № 4. М.: Наука, 1980. С. 3 – 20.

48. Будняк Д. Взаимодействие субъекта речи со средствами выражения субъективной модальности на уровне русского и польского текстов // *Rossica Olomucensia XLII (1)*. Olomouc: Univerzita Palackeho, 2004. С. 55 – 60.
49. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. 463 с.
50. Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 280 с.
51. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина Н.И. Современный русский язык. М.: Логос, 2002. 528 с.
52. Васильев Л.М. Семантическая категория оценки и оценочные предикаты // *Исследования по семантике: Семантические категории в русском языке* / отв. ред. Р.М. Гайсина. Уфа: БГУ, 1996. С. 55 – 62.
53. Васильева А.Н. Практическая стилистика русского языка. М.: Русский язык, 1981. 190 с.
54. Ваулина С.С. Языковая модальность в свете функционально-семантического подхода // *Актуальные проблемы и перспективы филологии*. Калининград: Изд-во Калининградск. ун-та, 1996. С.17 – 23.
55. Ваулина С.С. Языковая модальность как функционально-семантическая категория (диахронический аспект). Калининград: Изд-во Калининградск. ун-та, 1993. 70 с.
56. Ваулина С.С. К проблеме адекватности выражения модальных значений при переводе (на материале романа Б. Пруса «Lalka») // *Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы*. Т.1. СПб., Гранада, 2007. С. 539 – 544.
57. Ваулина С.С. Модальность как коммуникативная категория: некоторые дискуссионные аспекты исследования // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. Вып. 8. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2013. С. 7 – 12.
58. Ваулина С.С. Об особенностях реализации модального значения возможности в романе Г. Сенкевича «Крестоносцы» (к вопросу о межъязыковой эквива-

лентности) // Acta Polono – Ruthenica IX. Olsztyn: Wyd. UWM, 2004. С. 201 – 208.

59. Ваулина С.С. Оценочность и модальность: специфика межкатегориальных отношений // Модальность как семантическая универсалия / под ред. И.Ю. Куксы. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. С. 42 – 50.

60. Ваулина С.С. Соотнесенность эксплицитных и имплицитных способов выражения ситуативной модальности в диахронии русского языка (XI – нач. XVII в.) // Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность/имплицитность выражения смыслов. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. С. 190 – 199.

61. Ваулина С.С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI – XVII вв.). Л.: Изд-во Ленинградск. ун-та, 1988. 144 с.

62. Ваулина С.С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке /XI-XVII вв./: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук, Ленинград, 1991. 39 с.

63. Ваулина С.С., Кочеткова О.Л. Функционально-семантический статус лексических модификаторов возможности в русском литературном языке второй половины XVII – начала XVIII века // Модальность как семантическая универсалия: Сб. науч. тр. / под ред. И.Ю. Куксы. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. С.92 – 102.

64. Ваулина С.С., Кукса И.Ю. Модальность предложения – модальность текста: актуальные аспекты изучения // Acta Polono-Ruthenica XIV. Olsztyn: Wyd. UWM, 2009. S. 513 – 520.

65. Ваулина С.С., Кукса И.Ю. Принцип поля как метод изучения модальности (на материале русской рукописной газеты «Вести-Куранты») // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем: Сб. науч. ст. Ч.1. М.: Изд-во РУДН, 2011. С. 525 – 536.

66. Ваулина С.С., Лашкова И.С. Текстовая функция экспликаторов ситуативной модальности в русском и литовском политическом дискурсе // Acta Polono-Ruthenica. T. XIX. Olsztyn: Wyd. UWM, 2014. S. 273 – 281.

67. Ваулина С.С., Лашкова И.С. Экспликативы модального значения возможности в политических текстах русских и литовских газет // Европейский журнал социальных наук. № 4 (32). М., 2013. С. 165-173.
68. Ваулина С.С., Старовойтова Н.В. К вопросу о модальности сложных предложений // Семантика: слово, предложение, текст. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2007. С. 96 – 105.
69. Ваулина С.С., Федорова И.Р. Детерминирующий фактор возможности: способы языкового выражения // Модальность как семантическая универсалия: сб. науч. тр. / под ред. И.Ю. Куксы. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. С. 114 – 122.
70. Вахтель Н.М. Метаморфозы вопросительной модальности высказывания в позиции заголовка в публицистическом дискурсе // Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. С.161 – 169.
71. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А.Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
72. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416с.
73. Виноградов В.В. О задачах истории русского литературного языка, преимущественно в XVII-XIX вв. // Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка. Вып.3. М.: Изд-во АН СССР, 1946. С. 223 – 238.
74. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике: избранные труды. М.: Наука, 1975. С. 53 – 87.
75. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Вопросы грамматического строя. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 389 – 435.
76. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высш. шк., 1972. 614 с.
77. Володин В.Т. Условно-желательное (гипотетическое) наклонение в современном русском языке. Куйбышев: Изд-во Гос. пед. ин-та им. В.В. Куйбышева, 1961. 64 с.

78. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
79. Выдрин А.П. Система модальности осетинского языка в сопоставительном освещении): Дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2011. 344с.
80. Гак В.Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка // Проблемы функциональной грамматики. М.: Наука. 1985. С. 114 – 213.
81. Гак В.Г. Синтаксис эмоции и оценок // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность: in memoriam Е.М. Вольф. М.: Изд-во Ин-та языкознания РАН, 1996. С. 20 – 31.
82. Гак В.Г. Сопоставительные исследования и переводческий анализ // Тетради переводчика. М.: Международные отношения, 1979. Вып. 16. С. 11-21.
83. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Л.: Просвещение, 1976. 286 с.
84. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000. 832 с.
85. Галкина-Федорук Е.М., Горшкова К.Б, Шанский Н.М. Современный русский язык. Лексикология. Фонетика. Морфология. М.: Учпедгиз, 1958. 411 с.
86. Галкина-Федорук К. М. Безличные предложения в современном русском языке. М.: Изд-во МГУ, 1958. 332 с.
87. Гальперин И.Р. Речевые стили и стилистические средства языка // Вопросы языкознания. №4, М.: Наука, 1954. С.76 – 86.
88. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 140 с.
89. Ганиев Ф.А. О проблеме функциональной грамматики // Научный Татарстан. Филология. Вып.1. Казань: Изд-во АН Респ. Татарстан, 2009. С.106 – 117.
90. Гапонова Ю.В. Средства выражения модальных значений возможности и необходимости в текстах печатной рекламы: Дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2007. 197 с.
91. Гехтляр С.Я. Микрополе инфинитива в функционально-семантической категории модальности // Семантика языковых единиц: Программа и содержание

- науч. докл. XV научно-методической конференции преподавателей кафедр русского языка пед. ин-тов северо-западной зоны. Л., 1975. С. 26 – 30.
92. Гехтляр С.Я. Модальность, персональность, темпоральность как потенциальные грамматические семы инфинитива // Русский инфинитив: категориальная характеристика, функционирование. СПб. – Брянск: Изд-во РГПУ, 1996. С. 104 –164.
93. Голованова А.В. Ценности и оценки в языковом отражении (на материале русского и польского языков): Дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2002. 236 с.
94. Головин Б.Н. Язык художественной литературы в системе языковых стилей современного русского литературного языка // Вопросы стилистики: Межвузовский научный сборник. Выпуск 14. Саратов: Изд-во СГУ, 1978. С. 18 – 23.
95. Горбунова Е.Т. Языковые средства выражения авторской модальности в древненовгородских письмах на бересте: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тольятти, 2012. 25 с.
96. Городецкая Л.А. Русская языковая картина мира // Актуальные проблемы лингвокультурологии. М.: РАН ИНИОН, 2011. С. 24 – 45.
97. Горшков А.И. Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика. М.: АСТ: Астрель, 2006. 367 с.
98. Гребенкина И.И. Проблема многозначности в сфере модальности: на материале английского модального глагола *should*: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 169 с.
99. Гребнева О.В. Модальность необходимости в законодательных текстах Европейского Союза: На материале немецкого и английского языков: Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004. 263 с.
100. Грeпл М. О сущности модальности. М.: Прогресс, 1978. 201 с.
101. Гринберг Дж., Осгуд Ч., Дженкинс Д. Меморандум о языковых универсалиях // Новое в лингвистике. Вып. V. М.: Изд-во иностр. лит., 1970. С. 31 – 44.
102. Громоздова Л.В. Модальность утверждения и отрицания в английском и русском языках: лингвопрагматический аспект: Дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2000. 227 с.

103. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М.: Просвещение, 1969. 184 с.
104. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 530 с.
105. Гусева С.В. Textoобразующие факторы и их функционирование в эпистолярном дискурсе А.П. Чехова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2006. 22 с.
106. Гухман М.М. Грамматические категории и структура парадигм // Исследования по общей теории грамматики. М.: Наука, 1968. С. 117 – 174.
107. Девина О.В. Авторская модальность в произведениях А.Т. Твардовского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2012. 26 с.
108. Демидова И.А. Средства выражения побудительной модальности в русском и английском языках (на материале газет): Дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2005. 198 с.
109. Дешериева Т.И. О соотношении модальности и предикативности // Вопросы языкознания. №1. М.: Наука, 1987. С. 34 – 45.
110. Долинин К.А. Стилистика французского языка. Л.: Просвещение, 1978. 344 с.
111. Дронова Л.П. Когнитивный аспект истории модальности необходимости // Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению. Калининград: Изд-во РГУ им. И.Канта, 2008. С. 265 – 276.
112. Дронова Л.П. Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка. Этнолингвистический аспект. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2006а. 256 с.
113. Дронова Л.П. Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2006 б. 46 с.
114. Ермолаева Л.С. Типология системы наклонения в современных германских языках // Вопросы языкознания. 1977. № 4. С. 97 – 107.
115. Жук Е.А. Сопоставительный анализ ядерных предикатов желания в русском и английском языках (прагмасемантические аспекты): Автореф. дис... канд. филол. наук. Краснодар, 1994. 17 с.

116. Загородская Е.А. Модальность необходимости и ситуации необходимости в значении потребности (на материале французского языка) // Теоретические проблемы функциональной грамматики. СПб.: Наука, 2001. С. 213 – 220.
117. Заикин Г.С. Семантика и прагматика диалогического единства «общий вопрос – ответ» современного английского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1998. 18 с.
118. Зайнуллин М.В. Модальность как функционально-семантическая категория: На материале башкирского языка. Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1986. 123 с.
119. Закиев М.З. Синтаксический строй татарского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1963. 25 с.
120. Зализняк Анна А. Признаки «контроль» и «желание» в семантике предикатов внутреннего состояния // Семантические проблемы речевой деятельности. М.: Наука, 1984. С. 86 – 95.
121. Зарецкий Е.В. Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты (в сравнении с английским и другими индоевропейскими языками). Астрахань: Изд-во Астраханск. ун-та, 2008. 564 с.
122. Зверева Е.А. Научная речь и модальность. Л.: Наука, 1983. 160 с.
123. Зекиева П.М. Заголовочный комплекс как технический конструкт риторической модальности в немецкой публицистике: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2012. 27 с.
124. Зеленщиков А.В. Пропозиция и модальность: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1997. 40 с.
125. Золотова Г.А. О возможностях функционального исследования языка // Русский язык в научном освещении № 1 (3). М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 65 – 73.
126. Золотова Г.А. О модальности предложения в русском языке // Филологические науки. М., 1962. № 4. С. 65 – 79.
127. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 351 с.

128. Золотова Н.С. Модальность научно-педагогического текста (на материале английского и русского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2007. 21 с.
129. Зятькова Л.Я. Субъективная модальность политического дискурса (на материале российских, британских и американских печатных СМИ): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 25 с.
130. Иванов В.В. К типологии инфинитива в балканских языках // Славянское и балканское языкознание. М.: Наука, 1976. С. 216 – 230.
131. Калинина А.А. Сомнение в системе значений утверждения/отрицания // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. № 3 (15). Пенза: Изд-во Пенз. гос. ун-та, 2010. С. 106 – 114.
132. Касторнова О.Н. Слова категории оценки и модальность в русском языке // Вопросы современной науки и практики. Филология. № 4 (6). Симферополь: Изд-во ун-та им. В.И. Вернадского, 2006. С.107 – 111.
133. Кибрик А.Е. Семантика и синтаксис глаголов *хотеть* и *бояться* (типологические наблюдения) // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспектах: Тезисы рабочего совещания. М.: Наука, 1987. С. 56– 59.
134. Клобуков Е.В. Падеж и модальность // Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. М.: Наука, 1984. С. 43 – 65.
135. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: Эди-ториал УРСС, 2000. 352 с.
136. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1983. 223 с.
137. Козлова Р.М. Фразеологизмы польского и русского языков, выражающие отрицательное воздействие на кого-либо: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1993. 199 с.
138. Коковина Л.В. Модальные значения уверенности – неуверенности в поэме Н.В. Гоголя „Мертвые души” и ее переводах на английский язык (функционально-семантический анализ): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2013. 24 с.

139. Колобкова Л.В. Средства выражения модального значения волеизъявления в русском языке XVII – начала XVIII вв.: Дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1995. 176 с.
140. Колтунова М.В. Язык и деловое общение. Нормы, риторика, этикет. М.: Экономика, 2000. 152 с.
141. Колшанский Г.В. К вопросу о содержании языковой категории модальности // Вопросы языкознания. 1961. № 1. С. 94 – 98.
142. Комарова Р.Н. Язык закона: лингвистические характеристики (на материале текста Германского гражданского уложения): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. 18 с.
143. Комлева Е.В. Лингвостилистические особенности выражения побудительности в текстах официально-деловой прозы (на материале современного немецкого языка): Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 221 с.
144. Корди Е.Е. О значениях модальной конструкции с глаголом *de foig* в связи с лексическими характеристиками ее членов // Взаимодействие лексики и грамматики: Межвуз. сб. науч. тр. Калинин: Изд-во Калининск. ун-та, 1982. С. 12 – 27.
145. Кормилицына М.А. Многофункциональность конструкций субъективной модальности в аналитических текстах современной прессы // Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению: сб. науч. тр. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. С. 151 – 161.
146. Косенко Н.А. Семантическое поле «труд» в русской паремиологии (в сопоставлении с польской): Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1993. 134с.
147. Котюрова М.П. Научный текст в аспекте индивидуального стиля мышления // *Styl a text. Materiały międzynarodowej konferencji naukowej*. Opole: Wyd. Uniwersytetu Opolskiego, 1996. С. 243 – 250.
148. Котюрова М.П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста (функционально-стилистический аспект). Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 170 с.

149. Кочеткова О.Л. Средства выражения модальных значений возможности и необходимости в русском языке второй половины XVII — начала XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1998. 24 с.
150. Кошева А.Ш. Функционально-семантическое поле модальности в разносистемных языках: на материале английского и карачаево-балкарского языков: Автореф. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2006. 25 с.
151. Краснова Т.И. Субъективность – Модальность (материалы активной грамматики). СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2002. 189 с.
152. Кривенко Г.А. Модальность художественного текста как проявление авторского «я» // Вестник ПГУ. №2. Пермь: Изд-во Пермск. гос. нац. исслед. ун-та, 2011. С. 47 – 53.
153. Крылова О.А. Лингвистическая стилистика. В 2 кн. Кн. 1. Теория. М.: Высшая школа, 2008. 319 с.
154. Кубарев Е.М. Интонационно-отрицательные конструкции со словами разве, неужели, хоть бы, если бы, будто, чтобы в русском языке в сопоставлении с немецким, французским, английским языками: Дис. ... канд. филол. наук. Куйбышев, 1963. 23 с.
155. Кукса И.Ю. Средства выражения побудительной модальности в древнерусском языке XI – XIV веков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1997. 24 с.
156. Кукса И.Ю. Функциональная специфика модальных конструкций «Лексический модификатор + зависимый инфинитив» в текстах первых российских газет // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Вып. 8. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2011. С. 14 – 20.
157. Курилина И.И. Инфинитивное предложение в деловом языке: сравнительно-сопоставительный аспект (на материале документов XVIII и XX–XXI веков) // Вестник Челябинского государственного университета № 2 (293). Филология. Искусствоведение. Вып. 74. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2013. С. 118 – 119.
158. Кутяева О.М. Опыт лингвистического исследования контекстов деонтической модальности в английском деловом дискурсе: Дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2006. 183 с.

159. Кушнерук С.П. Документная лингвистика (русский деловой текст): Учебное пособие. Волгоград: Изд-во Волгоградск. гос. ун-та, 1999. 96 с.
160. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978. 544 с.
161. Лекант П.А. К вопросу о модальных разновидностях предложения // Современный русский язык: Лингвистический сборник. Вып. 6. М.: Изд-во МГПИ им. Н.К. Крупской, 1976. С. 97 – 102.
162. Ломов А.М. Очерки по русской аспектологии. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1977. 139 с.
163. Ломтев Т.П. Структура и парадигматика предложений на основе свойств грамматической категории модальности // Учен. зап. Моск. пед. ин-та им. В.И. Ленина. № 341. М.: Изд-во МПИ им. В.И. Ленина, 1969. С. 205 – 232.
164. Лопатюк М.В. Ситуативная модальность в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и в его испаноязычном переводе (функционально-семантический анализ): Дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2009. 199 с.
165. Лукьянова Н.А. О соотношении понятий экспрессивность, эмоциональность, оценочность // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования: Сб. науч. тр. Вып. 5. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1976. С. 3 – 21.
166. Ляпон М.В. Из истории выражения модальности в русском языке (на материале сочинений Курбского): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971. 24 с.
167. Макарова Н.П. Диалог. Категория модальности. Саранск: Изд-во Саранск. ун-та, 1989. 87 с.
168. Максимов Л.Ю. Стилистика художественной речи в педагогическом вузе: Спецкурс // Современный русский язык: Лингвистический сборник. М.: Изд-во Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской, 1976. С. 86 – 93.
169. Максимов С.Е. Прагматические и структурно-семантические особенности текста международного договора (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1984. 23 с.

170. Малюга Е.Н. Модальность вопросительных предложений // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 18. М.: МАКС Пресс, 2001. С. 17 – 26.
171. Манакин В.Н. Сопоставительная лексикология. Киев: Знания, 2004. 327 с.
172. Маркелова Т.В. Взаимодействие оценочных и модальных значений в русском языке // Филологические науки. №1. М., 1996. С. 80 – 90.
173. Маркелова Т.В. Функционально-семантическое поле оценки в русском языке // Вестник Моск-го ун-та. Сер. 9. № 4. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 12 – 19.
174. Марков Ю.Г. Функциональный подход и современная наука // Вопросы философии. М.: Изд-во РАН, 1981. С. 148-156.
175. Мартыненко В.В. Модально-временная организация предложений в текстах советского конституционного законодательства: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1988. 18 с.
176. Маслова А.Ю. Эмотивные высказывания со значением утверждения / отрицания в русском и сербском языках // Материалы научных чтений памяти заслуженных профессоров МГУ Р.Р. Кузнецовой и А.Г. Широковой / Под ред. В.Ф. Васильевой и А.Г. Машковой. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 28 – 30.
177. Матвеев А.А. Модальность знания и мнения в публицистике: на материале русской и английской публицистики: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 167 с.
178. Мелиг Х.Р. Частичные и полные вопросы // Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению: Сб. науч. тр. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. С. 75 – 93.
179. Мельниченко М.О. У истоков сравнительно-сопоставительного изучения чешской и русской фонетики. // Материалы научных чтений памяти заслуженных профессоров МГУ Р.Р. Кузнецовой и А.Г. Широковой / Под ред. В.Ф. Васильевой и А.Г. Машковой. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 30 – 33.
180. Мещанинов И.И. Новое учение о языке на современном этапе развития // Русский язык в школе. № 6. М.: Просвещение, 1948. С. 1 – 16.
181. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. Л.: Наука, 1978. 388 с.

182. Мещерский Н.А. К разграничению понятий «литературный язык» и «язык художественной литературы» // Уч. зап. Карельского пед. ин-та. Петрозаводск, т. XVII. Петрозаводск: Из-во КГПИ 1967. С. 3 – 15.
183. Милосердова Е.В. Прагматический аспект модальности простого предложения в современном немецком языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1991. 36 с.
184. Мильруд Р.П. Типологические характеристики модальности в научно-исследовательском письменном тексте // Язык и культура. № 1 (5). Томск: Том. гос. ун-т, 2009. С. 29 – 38.
185. Миронова Н.Н. Средства выражения субъективной модальности в научном тексте (на материале немецких лингвистических текстов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991. 25 с.
186. Миронова Т.Г. Лексико-грамматические средства выражения модальности в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1979. 19 с.
187. Михель Г. Основы теории стиля // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX: Лингвостилистика. М., 1980. С. 271 – 296.
188. Мразек Р. Сравнительный синтаксис славянских литературных языков. Исходные структуры простого предложения. Brno: Univerzita J.E. Purkyně v Brne, 1990. 138 с.
189. Нагорный И.А. Роль частиц со значением недостоверности в выражении утверждения/отрицания // Структура, семантика и функционирование в тексте языковых единиц. М.: МПУ, 1995. С. 31 – 41.
190. Небыкова С.И. Модальность предложений с зависимым инфинитивом (значения возможности и необходимости). М.: УДН, 1981. 89 с.
191. Нелюбин Л.Л. Лингвостилистика современного английского языка: учеб. пособие. М.: МОПИ им. Н. К. Крупской, 1990. 128 с.
192. Немец Г.П. Семантико-синтаксические средства выражения модальности в русском языке. Ростов на-Дону: Изд-во Ростовск. ун-та, 1989. 144с.

193. Никитевич В.М. Модальные функции глаголов изъявительного наклонения в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1953. 16 с.
194. Новоженова З.Л. Модальность как фактор поля глагольного предложения // Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению: сб. науч. тр. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. С. 126 – 133.
195. Новоженова З.Л. Модели русских глагольных предложений // Модели в современной науке: единство и многообразие: Сб. науч. тр. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. С. 111 – 119.
196. Нур З.Р. Функциональные особенности модальных выражений, постоянных сравнений и проблема выражения модальных отношений в процессе перевода: на материале русского, английского и бенгали языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1995. 16 с.
197. Овсейчик Ю.В. Модальность возможности: семантический и прагматический аспекты (на материале французского языка): Автореф. ... канд. филол. наук. Минск, 2004. 18 с.
198. Одинцов Е.В., Одинцова О.А. К вопросу об основаниях дифференциации текстов // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Филология, 1997. С. 145 – 152.
199. Островерхая И.В. Реализация русских модальных имплициторов в английском переводе (на материале романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина») // Модальность как семантическая универсалия: сб. науч. тр. / Под ред. И.Ю. Куксы. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. С. 275 – 281.
200. Островерхая И.В. Русская имплицитность против английской эксплицитности (на примере ситуативной модальности в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина») // Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению: Сб. науч. тр. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. С. 334 – 341.
201. Островерхая И.В. Средства выражения модального значения возможности в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» (функционально-семантический аспект): Дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2004. 201 с.

202. Павловская Н.Ю. Модальность как лингвистическая категория. Минск: МГЛУ, 1995. 24 с.
203. Панфилов В.З. Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения // Вопросы языкознания. № 4. М.: Наука, 1977. С. 37 – 48.
204. Панфилов В.З. Взаимоотношение языка и мышления. М.: Наука, 1971. 230 с.
205. Пете И. Типы синтаксической модальности в русском языке // Studia Slavica. V. 16. № 3 – 4. Budapest, 1970. S. 219 – 237.
206. Петров Н.Е. О содержании и объеме языковой модальности. Новосибирск: Наука, 1982. 161 с.
207. Петрова М.А. Семантическая специфика форм СВ русских глаголов со значением возможности // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2005». М.: Наука, 2005. С. 420 – 424.
208. Петрова М.А. Специфика форм совершенного вида модальных глаголов со значением возможности: *сможь* и *суметь* // Русский язык в научном освещении № 1 (21). М.: Языки славянской культуры, 2011. С.77 – 109.
209. Петрова М.А. Типы немодальных значений модальных предикатов (на материале славянских и германских языков): Дис. ... кандид. филол. наук. М., 2007. 246 с.
210. Петровская С.А. Принципы полевого подхода к категории модальности // Понятийные категории и их языковая реализация. Л.: Изд-во Ленингр. пед. ин-та им. А.И. Герцена, 1989. С. 64 – 78.
211. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиздат, 1956. 512 с.
212. Пиотровская Л.А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования. СПб: Изд-во СПбГУ, 1994. 145 с.
213. Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: УРСС, 2000. 384 с.

214. Плу́нган В.А. Предисловие // Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность / Ред. Ю. А. Ландер, В. А. Плу́нган, А. Ю. Урманчиева. М.: Гнозис, 2004. С. 9 – 25.
215. Пляскина М.В. Модальные слова категории достоверности: структурно-семантический и функциональный аспекты: Автореф. дис... канд. филол. наук. Новосибирск, 2001. 18 с.
216. Подручная Л.Ю. Средства выражения модального значения возможности в языке русского фольклора (функционально-семантический анализ): Дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2010. 207 с.
217. Полонский А.В. Категориальная и функциональная сущность адресатности (на материале русского языка в сопоставлении с польским): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Орел, 2000. 40 с.
218. Попова В.П. Средства выражения модального значения 'волеизъявления' в русском и английском языках (сопоставительный аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2000. 19с.
219. Попова Е.А. Авторская модальность как средство выражения антропоцентричности текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Липецк, 1996. 204 с.
220. Практический курс польского языка / Я.А. Кротовская, Л.Г. Кашкуревич, Г.М. Лесная, Н.В. Селиванова. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 559 с.
221. Пробст Н.А. Вопросительно-побудительная модальность как межполевая зона макрополя модальности в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2014. 23 с.
222. Пуховская М.Ю. Модальные значения сложного предложения в научной (медицинской) речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1995. 20 с.
223. Рагозина Е.В. Модальность вопросительных предложений в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2008а. 187 с.
224. Рагозина Е.В. О составе модальных значений и особенностях их реализации в вопросительных предложениях // Вестник ВолГУ. Серия 2. №1 (7). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008б. С. 32 – 36.

225. Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М.: Высшая школа, 1980. 143 с.
226. Ранинен А.А. Категория модальности на страницах газет как объект анализа языка СМИ // Вестник Югорского государственного университета, Выпуск 1 (20). Ханты-Мансийск: Изд-во ЮГУ, 2011. С. 89 – 91
227. Распопов И.П. Заметки о синтаксической модальности и модальной классификации предложения // Синтаксис и интонация. Вып. 2. Уфа: Изд-во Башкирск. ун-та, 1973. С.3-10.
228. Редкозубова Т.М. Синонимия подчинительных союзов в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2000. 135 с.
229. Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1987. 263 с.
230. Ризель Э.Г. Полярные стилевые черты и их языковое воплощение // Иностранные языки в школе. № 3. М., 1961. С. 97 – 103.
231. Родионова Н.А. Категория модальности в научном тексте // Вестник СамГУ. № 1 (51). Самара: Изд-во СамГУ, 2007. С. 141 – 146.
232. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка: Учебник для вузов. М.: Высшая шк., 1977. 316 с.
233. Романова Т.В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 298 с.
234. Романова Т.В. Модальность. Оценка. Эмоциональность. Нижний Новгород: Изд. НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2008. 309 с.
235. Руберт И.Б. Становление и развитие английских регулятивных текстов: Структурные, семантические, прагматические аспекты: Дис. ... д-ра филол. наук. Спб, 1996. 557 с.
236. Рудник Э.Я. Модальные глаголы и предикативы как имена модальных отношений: Автореф. дис... канд. филол. наук. Воронеж, 1977. 20 с.
237. Русская грамматика. Т. 2: Синтаксис / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 709 с.

238. Рыболовлев Н.Д. Средства выражения модальных значений в русском и польском языках (на примере модальности недостоверности и предметной модальности): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989а. 23 с.
239. Рыболовлев Н.Д. Средства выражения модальных значений в русском и польском языках (на примере модальности недостоверности и предметной модальности): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1989б. 230 с.
240. Рылов С.А. Сопоставительная славянская синтактология: когнитивный аспект (на материале русского и чешского языков) // Лингвистика. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 4 (2). Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2010. С. 697 – 700.
241. Сабанеева М.К. Логическая и лингвистическая сущность модальности высказывания // Проблемы комплексного анализа языка и речи. Л.: Наука, 1982. С. 71 – 75.
242. Савельева Л.В. Отрицательно-безличные предложения в истории русского языка. Л.: Изд-во ЛГПИ им. А.И.Герцена, 1988. 44 с.
243. Савельева Л.В., Черепанова О.А. Отрицание и модальность // Вестник Ленингр. ун-та. Сер.2, 1989. Вып. 2. С. 63 – 68.
244. Сагалова Е.С. Волитивная модальность в древнеанглийских речевых произведениях // Филология. Искусствоведение. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 1. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2009. С. 202 – 207.
245. Сиротинина О.Б. О соотношении формы и стиля речи // Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая реализация. Пермь: Изд-во ПГНИУ, 1986. С. 49 – 57.
246. Солганик Г.Я. Очерки модального синтаксиса. – М.: Изд. Флинта, Наука, 2010. 136 с.
247. Солганик Г.Я. Публицистический стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 312 – 315.
248. Соловьева О.Н. Логическая и лингвистическая интерпретация модальности в трудах языковедов // Вестник Оренбургского гос. пед. ун-та. №4. С.73 – 77.

[Электронный ресурс]. URL: http://vestospu.ru/archive/2012/stat/solov_2012_4.pdf
(дата обращения: 26.04.2013).

249. Сологуб О.П. Официально-деловая коммуникация: сущность, внутреннее устройство, принципы функционирования // Университетская филология – образованию: регулятивная природа коммуникации. Ч.1. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 224 – 228.

250. Сон Х. Выражение семантики необходимости и возможности в высказываниях с модальными предикативами в современном русском языке (на материале публицистики): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2009. 16 с.

251. Старовойтова Н.В. Модальность сложноподчиненных предложений со значением обусловленности в русском языке XVII – первой четверти XVIII века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2006. 24 с.

252. Степанов Г.В. О стиле художественной литературы // Вопросы языкознания. №5. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. С. 23 – 37.

253. Степанов Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М.: Наука, 1976. 207 с.

254. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Наука, 1985. 335 с.

255. Степанов Ю.С. Французская стилистика. М.: Высш. шк., 1965. 355 с.

256. Стефанский Е.Е. Концептуализация негативных эмоций в мифологическом и современном языковом сознании (на материале русского, польского и чешского языков): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2009. 48с.

257. Суворова Н.А. Фразеологизмы как экспликатеры модального значения возможности в русском языке второй половины XVII – начала XVIII веков (на материале памятников деловой письменности): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2001. 21 с.

258. Телия В.Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М.: Высшая школа, 1991. С. 36 – 67.

259. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис (ТФГ) / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1987. С. 5 – 39.
260. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность (ТФГ) / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1990. 263 с.
261. Теремова Р.М. Функционально-грамматическая типология конструкций обусловленности в современном русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1988. 32 с.
262. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000. 624 с.
263. Тимофеева Л.И. Номинализированные конструкции с потенсивной семантикой в русском и польском языках // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. С. 125.
264. Тираспольский Г.И. Стативы в русском, болгарском и польском языках: Дис. ... д-ра филол. наук. Сыктывкар, 1999. 308 с.
265. Тихомирова Т.С. Курс польского языка. М.: Высшая школа, 1988. 279 с.
266. Ткаченко А.И. Textoобразующая роль модальности в газетно-публицистическом дискурсе: Дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2011. 220 с.
267. Толстая О.А. Функционально-семантические особенности ситуативной модальности в романе Л.Н. Толстого «Воскресение» и его польском переводе: Дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2013. 229 с.
268. Тренина Г.А. Сопоставительный анализ функционально-аналитического поля залоговости в английском и удмуртском языках // Актуальные проблемы сопоставительного языкознания. Уфа: Изд-во Башкирск. ун-та, 1998. С. 191 – 197.
269. Трофимова И.А. Средства выражения субъективной модальности в художественном тексте (на материале прозаических произведений А.П. Чехова): Дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2004. 191 с.

270. Трошина А.В. Эпистемические модальные модификаторы в английском и русском языках (сопоставительный анализ на основе переводов): Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 156 с.
271. Троянская Е.С. К вопросу о лингвистических признаках функциональных стилей // Стилль научной речи. М.: Наука, 1978. С. 43 – 58.
272. Трунова О.В. Природа и языковой статус категории модальности. Барнаул: Изд-во Барнаульск. гос. пед. ин-та, 1991. 130 с.
273. Тупикова Н.А. О полевоm функционально-семантическом исследовании русского глагола // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2013. № 3 (19). С. 19 – 26.
274. Тупикова Н.А. Формирование функционально-семантической категории ин-персональности русского глагола: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1997. 50 с.
275. Уразова Е.Ю. Инфинитив в функции второстепенных членов предложения в русском языке (на фоне данных польского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. пед. ун-та, 2003. 20 с.
276. Устинов А.Ю. Функционально-семантический подход к изучению средств языковой модальности в школьном курсе русского языка: Автореф дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 47 с.
277. Федоров А.В. Очерки общей и сопоставительной стилистики. М.: Высшая школа, 1971. 195 с.
278. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Филология ТРИ, 2002. 416 с.
279. Федорова И.Р. Модальность возможности в современном русском языке (на материале газет). Калининград: Изд-во Калинингр. ун-та, 2000. 84 с.
280. Федорова И.Р. Способы выражения значений ситуативной модальности в современном русском языке (на материале газет): Дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 1997. 167 с.
281. Филипповская И.А. Модальность предложения. Душанбе: Изд-во Таджикск. гос. ун-та им. В.И. Ленина, 1978. 52 с.

282. Функциональные стили и формы речи / под ред. О.Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1993. 170 с.
283. Хартавакян В.Г. Латынь как стилеобразующий фактор в официально-деловом стиле английской речи // Проблемы современной филологии: Сб. статей, посвященный 100-летию со дня рождения д-ра филол. наук, проф. Г.В. Валимовой. Ростов н/Д: ПИ ЮФИ, 2011. С. 294 – 302.
284. Хачецукова З.К. Текстобразующие категории рекламы с точки зрения коммуникативного подхода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 1 (5): в 2-х ч. Ч. I. Тамбов: Грамота, 2010. С. 221 – 224.
285. Храковский В.С. Принципы типологического описания содержательных грамматических функций // Тезисы докладов второго Международного симпозиума ученых социалистических стран на тему: Теоретические проблемы восточного языкознания. Ч. II. М.: Наука, 1977. С. 78.
286. Хрычиков Б.В. Категория модальности, ее объем и средства выражения в современном русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Днепропетровск, 1986. 36 с.
287. Худяков И.Н. Об эмоционально-оценочной лексике // НДВШ. Филологические науки. №2. М.: Прогресс, 1980. С.78 – 82.
288. Черепанова О.А. Лексико-грамматические средства выражения модальности в русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1964. 208 с.
289. Чернейко А. О. Порождение и восприятие межличностных отношений оценок // НДВШ. Филологические науки. № 6. М.: Прогресс, 1996. С. 42 – 54.
290. Чернова С.В. Предложения с безличной формой глагола и инфинитивом в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982. 18 с.
291. Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста. СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та экономики и финансов, 2005. 127 с.
292. Чесноков П.В. Логическая фраза и предложение. Ростов-на-Дону, 1961. 98 с.
293. Чибук А.В. Функционально-семантическое поле предположения в немецком и русском языках: сопоставительный аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 19 с.

294. Шапиро А.Б. Модальность и предикативность как признаки предложения в современном русском языке // Вопросы составления описательных грамматик языков народов СССР. Уфа, 1958. С. 57 – 62.
295. Шатуновский И.Б. Основные коммуникативные типы полных (общих) вопросов в русском языке // Русский язык: пересекая границы. Дубна, 2001. С. 246-265.
296. Шатуновский И.Б. Пропозициональные установки: воля и желание // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. С. 155 – 185.
297. Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нерелевантные слова. М.: Языки русской культуры, 1996. 400 с.
298. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л.: Учпедгиз, 1954. 214 с.
299. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. 190 с.
300. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Наука, 1960. 377 с.
301. Шведова Н.Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке // Русский язык: Грамматические исследования. М.: Наука, 1967. С. 3-77.
302. Шевцова М.А. Специфика использования средств выражения модальности вынужденности в романе Э. Мендосы "Sin noticias de Gurb" // Междунар. научно-практич. интернет-конференция «Испания и Россия: диалог культур в свете современной цивилизационной парадигмы», 2011. [Электронный ресурс]. URL: http://conf.sfu-kras.ru/conf/spru/report?memb_id=1259 (дата обращения: 18.02.2013).
303. Шигуров В.В. Краткие страдательные причастия в контексте предикативации и адъективации // Наука и культура России. Самара: Изд-во СамГУПС, 2011. С. 219 – 222.

304. Широкова А.Г. Методологические проблемы сопоставительного исследования близкородственных языков (на материале славянских языков). Вестник Московского университета, сер. 9. Филология №4, 1983. С. 14-26.
305. Широкова А.Г. Методы, принципы и условия сопоставительного изучения грамматического строя генетически родственных славянских языков // Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 10-100.
306. Широкова А.Г. Теоретические предпосылки сопоставительного изучения грамматического строя славянских языков. Вестн. Моск. ун-та, сер. Филология, № 6, 1978. С. 3-13.
307. Шкапенко Т.М. Образ «бега» в косвенной номинации русского и польского языков: Дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2000. 191с.
308. Шлык Е.В. Семантика и средства выражения реальной модальности в русском и английском языках (на материале романа Л.Н. Толстого «Война и мир» и его англоязычного перевода): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2006. 24 с.
309. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М.: Наука, 1977. 168 с.
310. Шорохова И.А. Семантика каузативных глаголов в русском и польском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007. 23 с.
311. Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. СПб: Изд-во СПбГУ; М.: Академия, 1974. 160с.
312. Эслон П. Проблема разграничения модальных значений // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика № 1. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 1997. С.233 – 246.
313. Юнхун Л. Сопоставление языков: концепция, подходы и методы // Вопросы языкознания. № 2. М.: Наука, 2009. С.103 – 109.
314. Яблонский В.Ю. Семантико-семиотическая обусловленность категории модальности в прагматике языков уголовного процесса и судопроизводства: Автореф. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1999. 36 с.

315. Яковлев Г.Ю. Категория модальности в свете представлений о динамической природе языка: (на материале китайского и русского языков): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М, 2002. 18 с.
316. Andrzejewska-Kwiatkowska J. Modalität. Zur Ausdruckbarkeit der Illokution in deutschen und polnischen Werbespots // *Lingua ac communitas* Nr. 16. Warszawa – Poznań: Wyd. Naukowe Instytutu Filozofii UAM, 2006. S. 29-35.
317. Bartnicka B. Funkcje semantyczno-składniowe bezokolicznika we współczesnej polszczyźnie. Wrocław – Warszawa – Kraków: Ossolineum, Wyd. PAN, 1982. 253 s.
318. Bellert I. Niektóre postawy modalne w interpretacji semantycznej wypowiedzeń // *Sesja Naukowa Międzynarodowej Komisji Budowy Gramatycznej Języków Słowiańskich* Nr 23. Wrocław: Ossolineum, 1971. S. 155 – 169.
319. Besters-Dilger J. Модальность в польском и русском языках // *Wiener slavistisches jahrbuch*. B. 43. Wien: Harrassowitz Verlag, 1997. S. 17 – 31.
320. Birecka K. Analiza wybranych czasowników nakazu. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.skj.ifp.uni.wroc.pl/publikacje/b01.pdf>. (дата обращения: 15.09.2012).
321. Birkenmaier W. Modaler Kontext und Verbalaspekt im Polnischen und Russischen // *Anzeiger für Slavische Philologie* XII. Graz: Akad. Druck- u. Verlagsanstalt, 1981. S. 97 – 105.
322. Bogusławski A. O negacji w konstrukcjach z czasownikiem „chcieć” // *Nowe czasy, nowe języki, nowe (i stare) problemy*. Katowice: Wyd. Uniwersytetu Śląskiego, 1998. S. 105 – 127.
323. Bogusławski A. O tzw. modalności zdaniowej // *Sesja Naukowa Międzynarodowej Komisji Budowy Gramatycznej Języków Słowiańskich* Nr 23. Wrocław: Ossolineum, 1971. S. 123 – 128.
324. Bogusławski A. Об иерархии эпистемических понятий и о природе т. наз. пропозициональных аргументов // *A. Bogusławski: Sprawy słowa = Word matters*. Warszawa: Wyd. Veda, 1994. S. 78 – 93.
325. Boniecka B. O pojęciu modalności: Przegląd problemów badawczych // *Język Polski*. 1976. Nr 2. S. 99 – 110.

326. Chojnacka S. *Możliwość a warunek (analiza znaczeniowa wybranych środków leksykalnych w języku polskim i rosyjskim)* – Bydgoszcz: Wyd. wyższej szkoły pedagogicznej w Bydgoszczy, 1999. 98 s.
327. Czapiga Z. *O funkcji modalnej leksemu может / może w języku rosyjskim i polskim // Slavia Orientalis Nr 2. Warszawa : Państwowe Wyd. naukowe, 2005 a. S. 271 – 281.*
328. Czapiga Z. *Rosyjskie leksemy modalne возможно, кажется i ich polskie odpowiedniki // Studia Wschodniosłowiańskie. T. 5. Białystok: Wyd. Uniwersytetu w Białymstoku, 2005 6. S. 151 – 160.*
329. Doroszewski W. *O kulturę słowa. Warszawa: PWN, 1968. 238 s.*
330. Gajewska U. *Metatekstemy charakteryzujące wprowadzane treści pod względem epistemicznym // Składnia, stylistyka, struktura tekstu : księga jubileuszowa dedykowana profesor Teresie Ampel. Red. M. Krauz, K. Ożoga. Rzeszów: Wyd. Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2002. S. 60 – 73.*
331. Godowska H. *Funkcja nakłaniająca a zdania deontyczne z powinien. Postawienie problemu // Prace z językoznawstwa ogólnego i kontrastywnego. Red. J. Sambor, R. Huszczy. Warszawa: Wyd. UW, 1991. S. 35 – 48.*
332. *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia. (Składnia) Red. M. Grochowskiego. Warszawa: PWN, 1984. 396 s.*
333. Grochowski M. *Charakterystyka semantyczna wyrażeń wolitywnych // Polonica IV. Kraków: Instytut Języka Polskiego PAN, 1978. S. 83 – 116.*
334. Grzegorzczkova R. *Czasowniki modalne jako wykładniki różnych postaw nadawcy // Otázky slovanské syntaxe III , Praha : Státní pedagogické nakladatelství , 1973. S. 201 – 205.*
335. Grzegorzczkova R. *Problem funkcji języka i tekstu w świetle teorii aktów mowy // Język a kultura. T. IV. Funkcje języka i wypowiedzi. Red. J. Bartmińskiego, R. Grzegorzczkovej. Wrocław: Wiedza o Kulturze, 1991. S. 11 – 28.*
336. Grzegorzczkova R. *Wprowadzenie do semantyki językoznawczej. Warszawa: PWN, 2001. 217 s.*

337. Grzelak J. Polski język prawa w perspektywie glottodydaktycznej. Praca doktorska. Poznań, 2010. 464 s.
338. Gugala M. O cechach znaczeniowych jednostki „chcieć się” // Poradnik językowy nr 4. Warszawa: Wyd. UW, 2007. S. 36 – 46.
339. Haan de F. The Interaction of Modality and Negation. A typological study. New York, London: Garland Publishing Inc., 1997. 270 p.
340. Hansen B. Das Modalauxiliar im Slavischen. Semantik und Grammatikalisierung im Russischen, Polnischen, Serbischen, Kroatischen und Altkirchenslavischen. München: Otto Sagner (Slavolinguistica, 2), 2001. 452 s.
341. Hansen B. Modalauxiliare in den slavischen Sprachen // Zeitschrift für Slawistik 43/3. München: Otto Sagner, 1998. S. 249-272.
342. Hansen B. The boundaries of grammaticalization. The case of modals in Russian, Polish and Serbian/Croatian // W. Bisang, N.P. Himmelmann, B. Wiemer (eds.). What makes grammaticalization? A look from its fringes and its components. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. S. 245-271.
343. Hartmann P. Texte, Klassen von Texten // Strukturelle Textanalyse. N.—Y., 1972. P. 1 – 22.
344. Hausenblas K. Styly jazykových projevů a rozvrstvení jazyka // Slovo a slovesnost 23. Praha: Akad. věd ČR, 1962. S. 189 – 201.
345. Holvoet A. Aspekt a modalność w języku polskim na tle ogólnosłowiańskim. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Łódź: Wyd. PAN, 1989. s. 171.
346. Horyń E. Nazwy powinności i danin w XVI-XVIII w. (na materiale ksiąg sądowych wiejskich Jadownik, Maszkienic, Iwkowej i Uszwi) // Prace Językoznawcze XI. Olsztyn: Wyd. UWM, 2009. S. 64-79.
347. Jędrzejko E. Modalność – kategoria opisowa stylistyki i tekstologii lingwistycznej // Poznańskie Spotkania Językoznawcze. T. IX. Red. Z. Krążyńskiej i Z. Zagórskiego. Poznań: Wyd. PTPN, 2002. S. 57 – 67.
348. Jędrzejko E. Modalność – w języku i w tekstach: od gramatyki do stylistyki // Kategorie pragmatyczne w tekście literackim. Wstęp do stylistyki pragmatycznej. Red. E. Sławkowej. Cieszyn: Wyd. Innowacje S. C., 2000. S. 113 – 155.

349. Jędrzejko E. Semantyka i składnia polskich czasowników deontycznych. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1987. 125 s.
350. Jodłowski S. Istota, granice i formy językowe modalności // Studia nad częściami mowy. Warszawa: Wyd. PWN, 1971. S. 115 – 146.
351. Kiklewicz A. Podstawy składni funkcjonalnej. Olsztyn: Wyd. UWM, 2004. 297 s.
352. Koseska-Toszeva V. Konstrukcje z polskim mieć i bułgarskim imam // Studia linguistica memoriae Zdislai Stieber dedicata. Materiały z sesji naukowej. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1983. S. 137 – 143.
353. Koseska-Toszeva V. Ze studiów nad modalnością (na przykładzie języków bułgarskiego, rosyjskiego i polskiego) // Studia z filologii polskiej i słowiańskiej XIX. Warszawa: Wyd. Instytutu Slawistyki PAN, 1981. S. 143 – 151.
354. Krasnowolski A. Systematyczna składnia języka polskiego. Warszawa, 2011. 342 s.
355. Łapa R. Czasownik móc we współczesnej prasie polskiej // W przyjacielskim kręgu. Poznań: Wyd. WiS, 1996. S. 134 – 143.
356. Łapa R. Z problemów modalności epistemicznej // Poznańskie studia polonistyczne 10 (30). Poznań: Wyd. WiS, 2003 a. S. 143 – 154.
357. Łapa R. Predykatywne wyrażenia modalne z bezokolicznikiem we współczesnej polskiej prasie. Poznań: Wyd. WiS, 2003 b. 92 s.
358. Laskowski R. Funkcjonalna klasyfikacja leksemów: części mowy i kategorie imienne // Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia. Warszawa, 1984. S. 149-169.
359. Lotko E. Funkcje syntaktyczne bezokolicznika w gwarach zachodniocieszyńskich. Wrocław: PAN, 1964. 105 s.
360. Maldzieva V. Gramatyczne sposoby wyrażania znaczenia “możliwość” w języku polskim i bułgarskim. Wrocław: Ossolineum, 1988. 155 s.
361. Maldzieva V. Gramatyka konfrontatywna bułgarsko-polska. Modalność: hipotetyczność, irrealność, optatywność i imperatywność, warunkowość. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2003. 103 s.

362. Malinowski A. Polski język prawny. Wybrane zagadnienia. Warszawa: Wyd. Prawnicze LexisNexis, 2006. 306 s.
363. Matulewska A. Methods of expressing deontic modality in English and Polish statutory instruments // Comparative Legilinguistics: International Journal for Legal Communication, vol. 1. Warszawa: Wyd. Sowa, 2009. S.133-145.
364. Mirowicz A. O swoistej funkcji gramatycznej partykuł // Język Polski XXIX. Kraków: Wyd. Polskiej Akademii Umiejętności, 1949. S. 30 – 34.
365. Mirowicz A. Pojęcie modalności gramatycznej a kwestia partykuł // Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego. 1956. Nr XV. S. 81 – 92.
366. Mistrík J. Štylistika slovenského jazyka. Košice: Východoslov. vyd., 1970. 415 s.
367. Nowak J. Modalność deontyczna w języku prawa na przykładzie polskiego i hiszpańskiego kodeksu cywilnego. Praca doktorska. Uniwersytet im. A. Mickiewicza. Poznań, 2011. 234 s.
368. Palásti K. Безличные предложения, выражающие модальные значения, в русском, белорусском и украинском языках // Studia Russica XXIII. Budapest: ELTE Ukrán Filológiai Tanszék, 2009. C. 280 – 288.
369. Palmer F.R. Mood and Modality. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 260 p.
370. Паўлоўская Н.Ю. Катэгорыя мадальнасці ў сучаснай беларускай мове. Мінск, 2001. 205 с.
371. Pierzchała E. Język prawny a język urzędowy w prawie administracyjnym // Między tradycją a przyszłością w nauce prawa administracyjnego. Księga Jubileuszowa z okazji 70-tej rocznicy urodzin Profesora Jana Bocia. Red. J. Supernat. Wrocław: Wyd. Uniwersytetu Wrocławskiego, 2009. S. 567 – 576.
372. Puk M. Rosyjski wykładnik modalności epistemicznej положим i jego polskie oraz angielskie odpowiedniki // Język, kultura i świat roślin. Księga pamiątkowa ofiarowana profesor Halinie Chodurskiej. Red. E. Komorowskiej, D. Stanulewicz. Szczecin: Volumina.pl Daniel Krzanowski, 2010 a. S. 217 – 223.

373. Puk M. Rosyjskie wskaźniki modalności epistemicznej по-видимому і видимо і ich polskie oraz angielskie odpowiedniki // Słowo i tekst w opisie porównawczym. Red. A. Czapigi, Z. Czapigi. Rzeszów: Wyd. UR, 2010 б. S. 126 – 137.
374. Puk M. Выражение возможности в русском и польском языках (на материале художественного и научного текстов) // Świat Słowian w języku i kulturze. Językoznawstwo VI. Red. E. Komorowskiej, A. Krzanowskiej. Szczecin: Wyd. Uniwersytetu Szczecińskiego, 2005. S. 215 – 220.
375. Puk M. О некоторых показателях субъективной модальности в русском языке в сравнении с польским (на материале художественного и научного текстов) // Świat Słowian w języku i kulturze. Językoznawstwo VIII. Morfologia. Składnia. Semantyka. Red. E. Komorowskiej, J. Misiukajtis. Szczecin: Wyd. Uniwersytetu Szczecińskiego, 2007. S. 156 – 168.
376. Puzynina J. O modalności polskich derywatów // Tekst i język. Problemy semantyczne. Red. M. R. Mayenowa, J. Puzynina. Wrocław: Wyd. PAN, 1974. S. 225 – 233.
377. Rakoczy K. Rosyjskie odpowiedniki polskich wyrazów modalnych // Polsko-rosyjskie językoznawstwo konfrontatywne. Wybór materiałów. Łódź: Wyd. Uniwersytetu Łódzkiego, 1978. S. 113 – 123.
378. Rieger J. O partykułach // Język Polski XXXVII. Kraków: Wyd. Polskiej Akademii Umiejętności, 1957. S. 179 – 188.
379. Roszko R. Wykładniki modalności imperceptywnej w języku polskim i litewskim. Warszawa: PAN, 1993. 130 s.
380. Rudyk A. O subiekcje semantycznym w rosyjskich zdaniach typu можно идти w konfrontacji przekładowej z językiem polskim // Acta Universitatis Lodziensis, Folia Linguistica Rossica 5. Łódź: Wyd. UŁ, 2009. S. 175 – 183.
381. Rytel D. Leksykalne środki wyrażania modalności w języku czeskim i polskim. Wrocław: Ossolineum, 1982. 184 s.
382. Sommerfeldt K.–E. Einführung in die Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1988. 327 s.
383. Svetlik J. К вопросу о синтаксической модальности // Otázky slovanské syntaxe. T. III. Brno, 1973. S. 127 – 133.

384. Tutak K. Leksykalne nieczasownikowe wykładniki modalności epistemicznej w autobiografiach. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2003. 167 s.
385. Weiss D. Polsko-niemieckie paralele w zakresie czasowników modalnych (na tle innych języków słowiańskich) // Sprach- und Kulturkontakte im Polnischen. Festschrift für A. de Vincenz. G. Hentschel et al. (Hrsg.). München: Sagner, 1987. S. 131-156.
386. Włodarczyk H. Wykładniki wartości informacyjnej wypowiedzenia w językach polskim i francuskim (aspekt, określoność, modalność) // Revue des études slaves, T. 70, fascicule 1. Paris: Institut D'Études Slaves, 1998. S. 53 – 66.
387. Woleński J. Język prawny w świetle współczesnych metod analizy semantycznej // Zeszyty naukowe UJ. Prace Prawnicze. Kraków: Wyd. UJ, 1967. S. 141 – 156.
388. Wróbel H. Gramatyka języka polskiego. Kraków: Wyd. Od Nowa, 2001. 335 s.
389. Wróbel H. O modalności // Język Polski LXXI, z. 3-5. Kraków, 1991. S. 260 – 270.
390. Wronkowska S., Ziemiński Z. Zarys teorii prawa. Poznań: Ars boni et aequi, 2001. 257 s.
391. Ziemiński Z. Logika praktyczna. Warszawa: PWN, 1994. 282 s.
392. Żabowska M. Polskie wyrażenia ewidencjalne a partykuły epistemiczne // Wiener Slawistischer Almanach Sonderband. Wien: Gesellschaft zur Förderung Slawistischer Studien, 2008. S. 377 – 393.

2. Словари и энциклопедические издания

- БПРС* – Гессен Д., Стыпула Р. Большой польско-русский словарь: В 2 т. М.: Рус. яз.; Варшава: Ведза Повшехна, 1988.
- БРПС* – Мирович А. Большой русско-польский словарь: В 2 т. Варшава: Ведза Повшехна, 1993.
- ЛЭС* – Лингвистический энциклопедический словарь / ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
- МАС* – Словарь русского языка. В 4 т. М.: Русский язык, 1981–1984.
- НПРС* – Новый польско-русский словарь / Р.Стыпула, Г.В. Ковалева. М.: Рус.яз, 2004.

РСС – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. В 6 т. / ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998.

Сл. Ахмановой – Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969.

Сл. Евгеньева – Словарь русского языка / ред. А.П. Евгеньева. Государственное издание иностр. и национальных словарей. М., 1957.

Сл. Кузнецова – Большой толковый словарь русского языка / ред. С.А. Кузнецов. СПб: Норинт, 2000.

Сл. Морковкина – Морковкин В.В. Лексические минимумы современного русского языка. М.: Рус. яз., 1985.

Сл. Розенталя – Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов. Минск: Оникс, Мир и Образование, Харвест, 2008.

Сл. Фасмера – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М.: Прогресс, 1986.

Сл. Черных – Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. М., 1999.

СлС – Словарь сочетаемости слов русского языка / Гос. ин-т рус.яз. им. А.С. Пушкина; Под ред. П.Н. Денисова. М.: Астрель, 2000.

ССРЯ – Словарь синонимов русского языка / ред. Л.А. Чешко. М.: Сов. энциклопедия, 1968.

СЭС – Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н.Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003.

ФЭС – Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1983.

EJO – Encyklopedia językoznawstwa ogólnego / red. S. Karolaka. Wrocław-Warszawa-Kraków: Ossolineum, 1999.

EJP – Encyklopedia języka polskiego / red. S. Urbańczyka, M. Kucalę. Wrocław-Warszawa-Kraków: Ossolineum, 1999.

SF PWN – Słownik frazeologiczny. Warszawa: PWN, 2005.

- SJP* – Słownik języka polskiego / opracowanie E. Sobol. Warszawa: PWN, 2005.
- Sł. Bańko* – Bańko M. Inny słownik języka polskiego. T. 1-2. Warszawa, 2000.
- Sł. Brücknera* – Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1970.
- Sł. Doroszewskiego* – Słownik języka polskiego / red. W. Doroszewski. T. I – XI. Warszawa: PWN, 1958 – 1969.
- Sł. Lindego* – Linde S.B. Słownik języka polskiego. Lwów: Państwowy instytut wydawniczy, 1860. [Электронный ресурс]. URL: <http://kpbc.umk.pl/publication/8173>.
- Sł. Skorupki* – Skorupka S. Słownik frazeologiczny języka polskiego. Warszawa: Wiedza powszechna, 1967.
- Sł. synonimów* – Słownik synonimów. Warszawa: PWN, 2006.
- SMJP* – Zgólkowa H. Słownik minimum języka polskiego. Kraków: Wyd. Universitas, 2013.
- SPP* – Słownik poprawnej polszczyzny. Warszawa: PWN, 2005.
- STJ* – Słownik terminologii językoznawczej / red. Z. Gołąb, A. Heinz, K. Polański. Warszawa: PWN, 1970.
- SW* – Słownik języka polskiego / red. A. Zdanowicz (i in.). T. 1-2. Wilno, 1861. [Электронный ресурс]. URL: <http://eswil.ijp-pan.krakow.pl/>
- WSJP* – Wielki słownik języka polskiego PAN, red. P. Źmigrodzki, Instytut Języka Polskiego PAN, Kraków, 2007.

3. Источники

- АиФ* – Аргументы и факты. Изд. дом «Аргументы и факты».
- Вестник БФУ № 9а* – Вестник БФУ им. И. Канта. Выпуск № 9. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2009.
- Вестник БФУ № 6* – Вестник БФУ им. И. Канта. Выпуск № 6 Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2011.
- Вестник БФУ № 9б* – Вестник БФУ им. И. Канта. Выпуск № 9. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012.

Вестник БФУ № 3, № 2, № 9, № 11 – Вестник БФУ им. И. Канта. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2013.

Вестник ВолГУ – Вестник ВолГУ. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001.

ВЯ № 3, 4, 5, 6 – Вопросы языкознания. Москва: Наука, 2006.

КП – Комсомольская правда. Изд. дом «Комсомольская правда».

РГ – Российская газета. Изд. ФГБУ «Редакция „Российской газеты”».

РР – Русский репортер. Изд. ЗАО «Группа Эксперт».

Acta 11 – Acta Polono-Ruthenica XI. Olsztyn: Wyd. UWM, 2006.

Acta 12 – Acta Polono-Ruthenica XII – Olsztyn: Wyd. UWM, 2007.

Acta 13 – Acta Polono-Ruthenica XIII – Olsztyn: Wyd. UWM, 2008.

Actaneoph. 10 – Acta Neophilologica X – Olsztyn: Wyd. UWM, 2008.

Actaneoph. 9 – Acta Neophilologica IX – Olsztyn: Wyd. UWM, 2007.

Administracja – Administracja: teoria, dydaktyka, praktyka nr 4(9). Rzeszów: Wyższa Szkoła Prawa i Administracji, 2007.

Autobusy – Autobusy: technika, eksploatacja, systemy transportowe nr 5. Radom: Instytut Naukowo-Wydawniczy Spatium, 2012.

DU – Dziennik Ustaw. Wyd. Kancelaria Prezesa Rady Ministrów.

Echa – Echa przeszłości. Olsztyn: Wyd. UWM, 2000.

GW – Dziennik «Gazeta Wyborcza». Wyd. Agora SA.

Jednostki – Jednostki językowe – ich powiązania i ewolucja. Olsztyn: Wyd. Wyższej Szkoły Pedagogicznej, 1993.

Humanistyka – Humanistyka i przyrodoznawstwo nr 15. Olsztyn: Wyd. UWM, 2009.

MP – Monitor Polski. Wyd. Kancelaria Prezesa Rady Ministrów.

Polityka – Tygodnik „Polityka”. Wyd. POLITYKA Sp. z o.o. S.K.A.

Prace jęz. 10 – Prace Językoznawcze X. Olsztyn: Wyd. UWM, 2008.

RP – Dziennik „Rzeczpospolita”. Wyd. Gremi Business Communication.

Scripta – Scripta Neophilologica Posnaniensia. Tom IX. Poznań: UAM, 2008.

Wprost – Tygodnik «Wprost». Wyd. Platforma Mediowa Point Group.

W kręgu – W kręgu problemów językoznawstwa i literaturoznawstwa. Olsztyn: Wyd. UWM, 2006.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Диаграммы. План выражения микрополя возможности в русском языке.

Приложение 2. Диаграммы. План выражения микрополя необходимости в русском языке.

Приложение 3. Диаграммы. План выражения микрополя желательности в русском языке.

Приложение 4. Диаграммы. План выражения микрополя возможности в польском языке.

Приложение 5. Диаграммы. План выражения микрополя необходимости в польском языке.

Приложение 6. Диаграммы. План выражения микрополя желательности в польском языке.

Приложение 7. Диаграммы. Функционально-семантическое поле ситуативной модальности в русском языке.

Приложение 8. Диаграммы. Функционально-семантическое поле ситуативной модальности в польском языке.

Приложение 9. Диаграммы. Функционально-стилистическая сфера реализации конstituентов микрополя возможности в русском языке.

Приложение 10. Диаграммы. Функционально-стилистическая сфера реализации конstituентов микрополя необходимости в русском языке.

Приложение 11. Диаграммы. Функционально-стилистическая сфера реализации конstituентов микрополя желательности в русском языке.

Приложение 12. Диаграммы. Функционально-стилистическая сфера реализации конstituентов микрополя возможности в польском языке.

Приложение 13. Диаграммы. Функционально-стилистическая сфера реализации конstituентов микрополя необходимости в польском языке.

Приложение 14. Диаграммы. Функционально-стилистическая сфера реализации конstituентов микрополя желательности в польском языке.

План выражения микрополя возможности в русском языке

План выражения микрополя необходимости в русском языке

План выражения микрополя желательности в русском языке

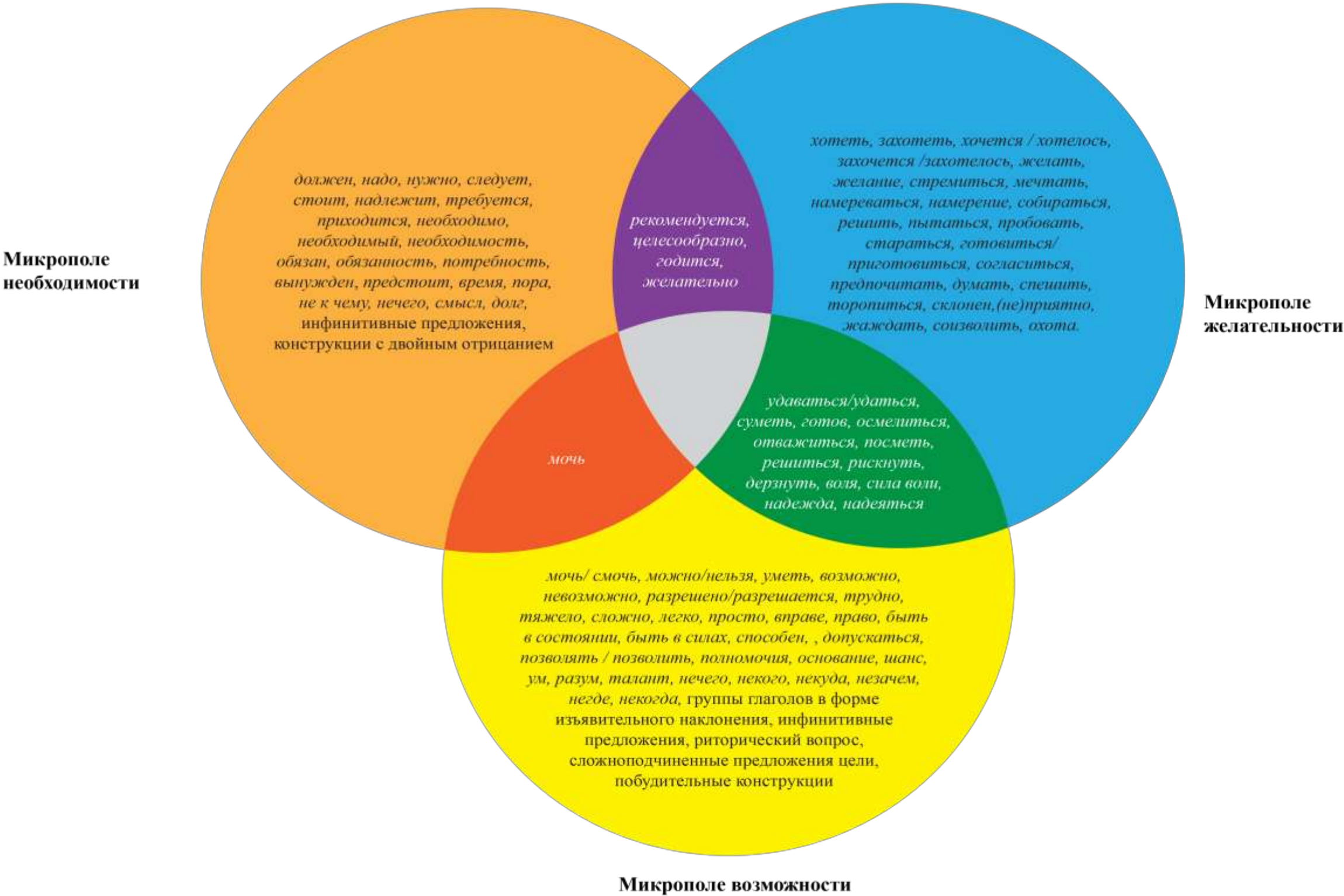
План выражения микрополя необходимости в польском языке

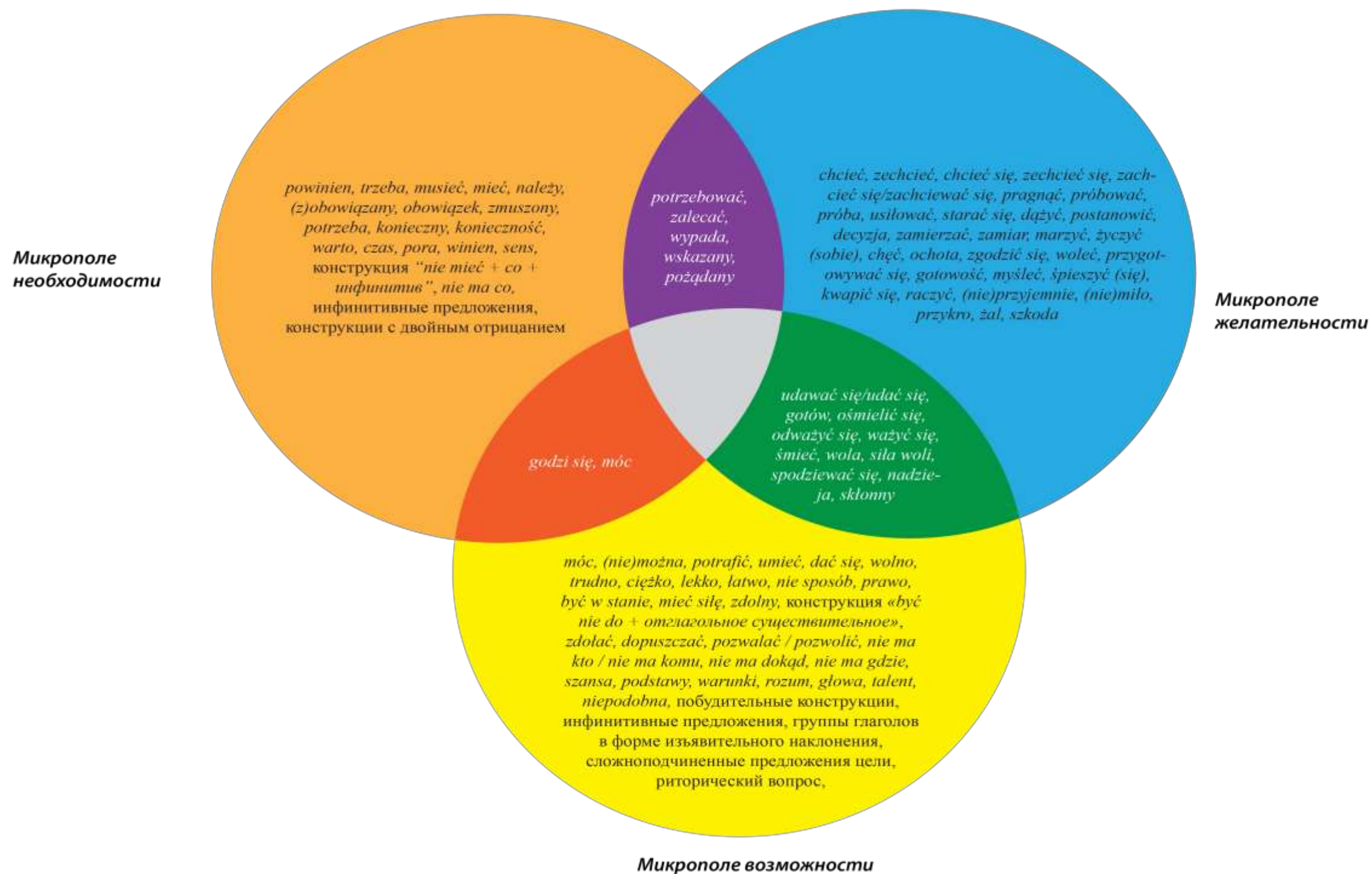
План выражения микрополя желательности в польском языке

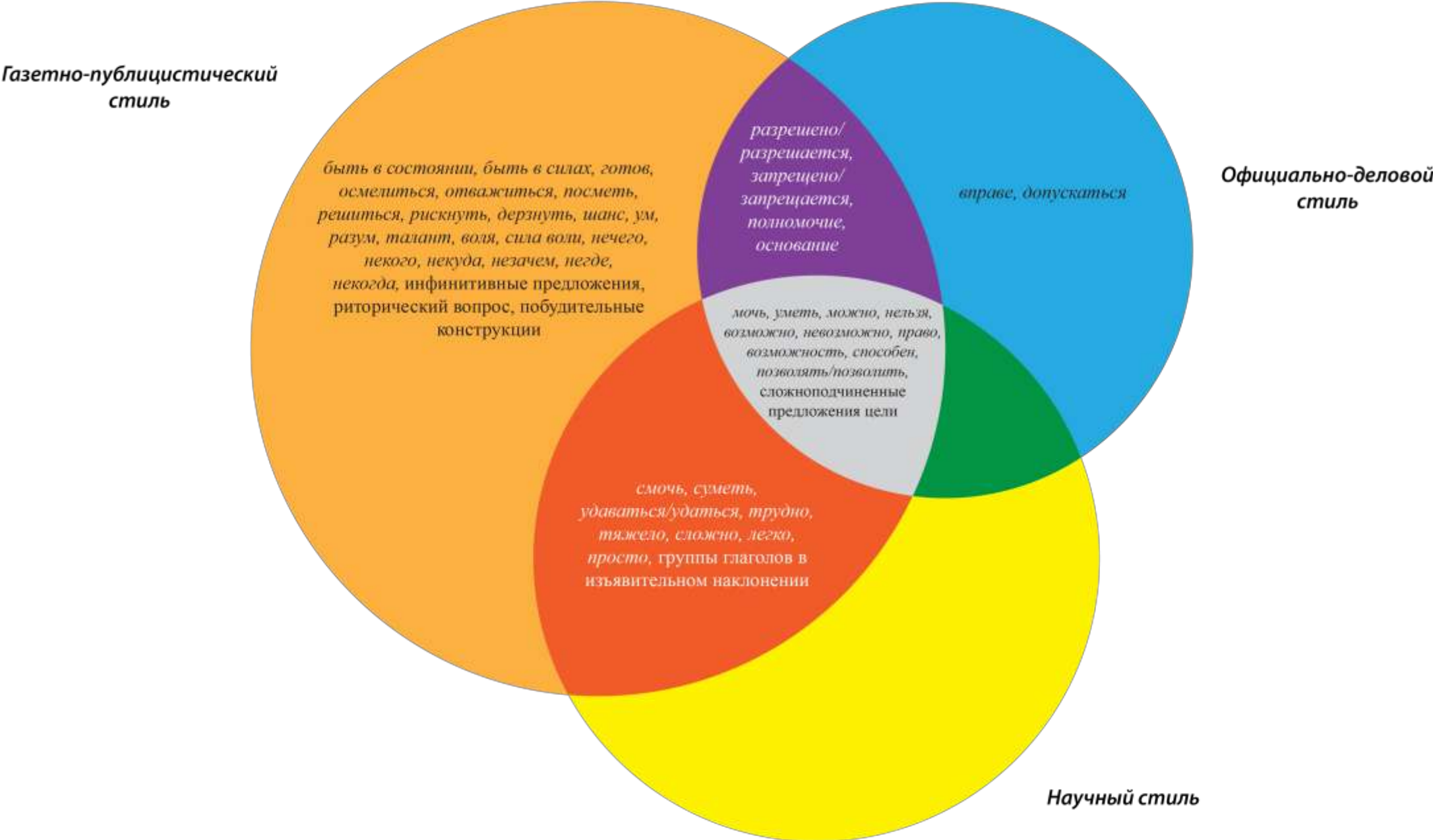
Функционально-семантическое поле ситуативной модальности в русском языке

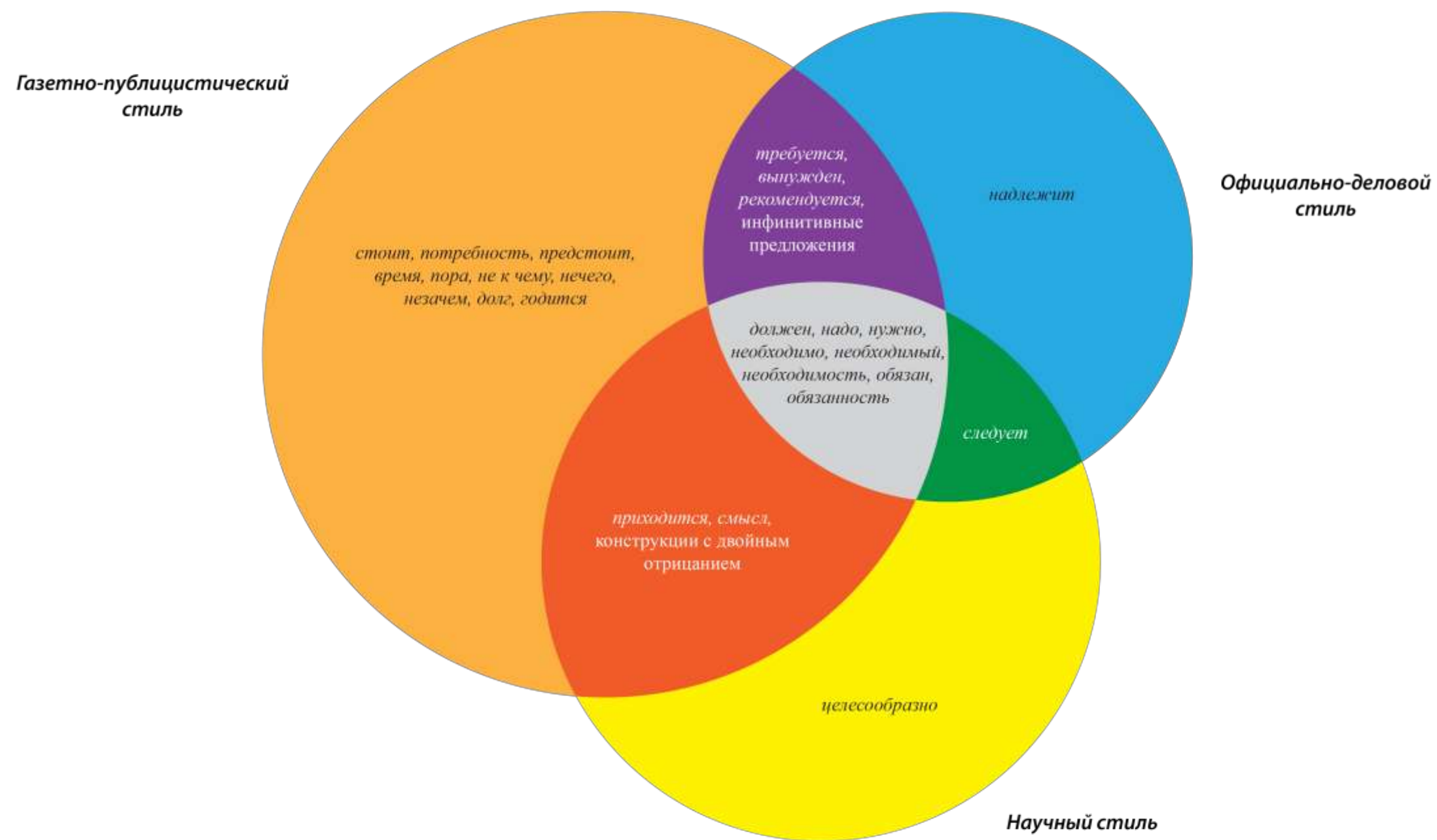
Функционально-семантическое поле ситуативной модальности в польском языке

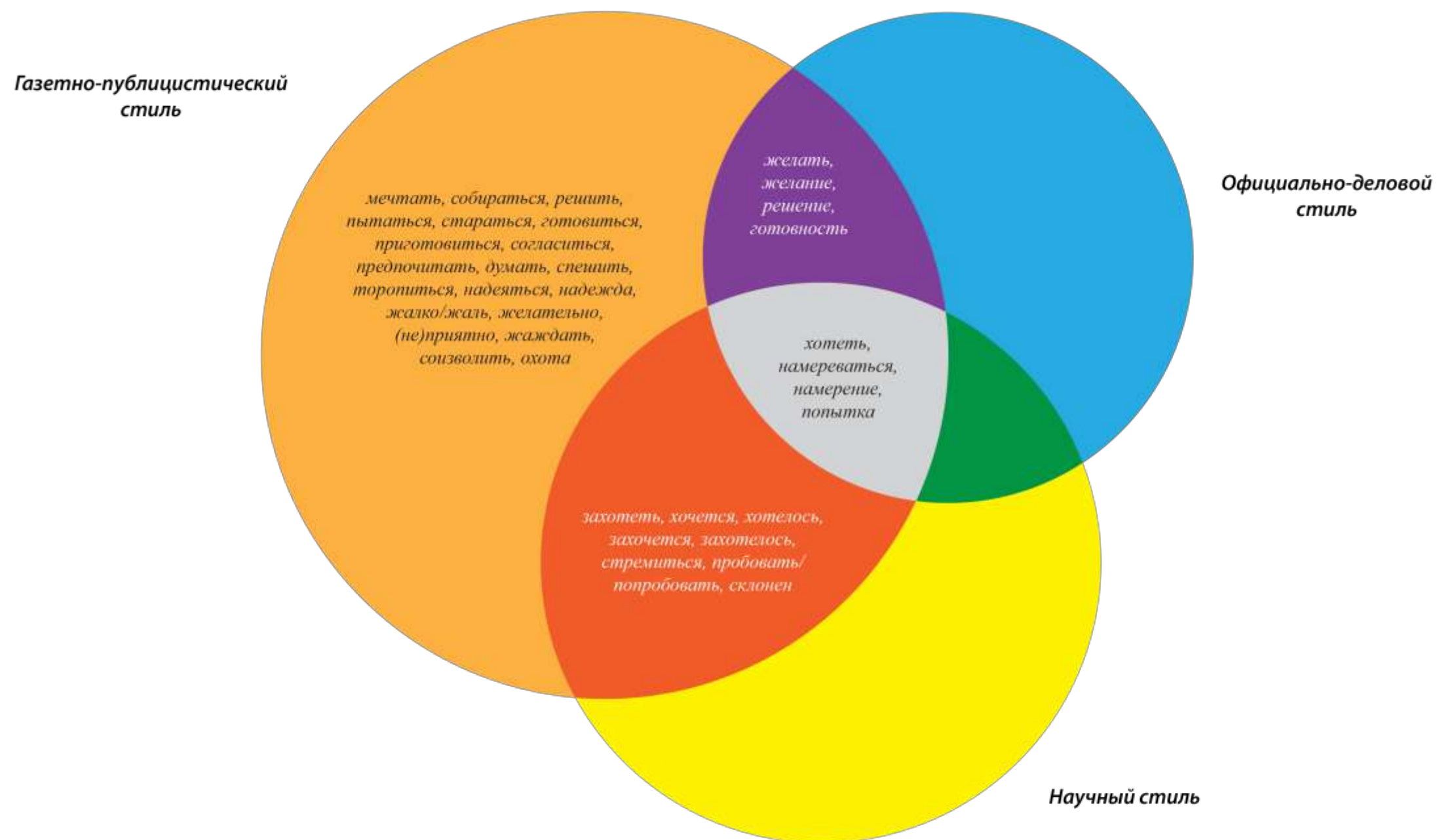
Функционально-стилистическая сфера реализации конституентов микрополя возможности в русском языке

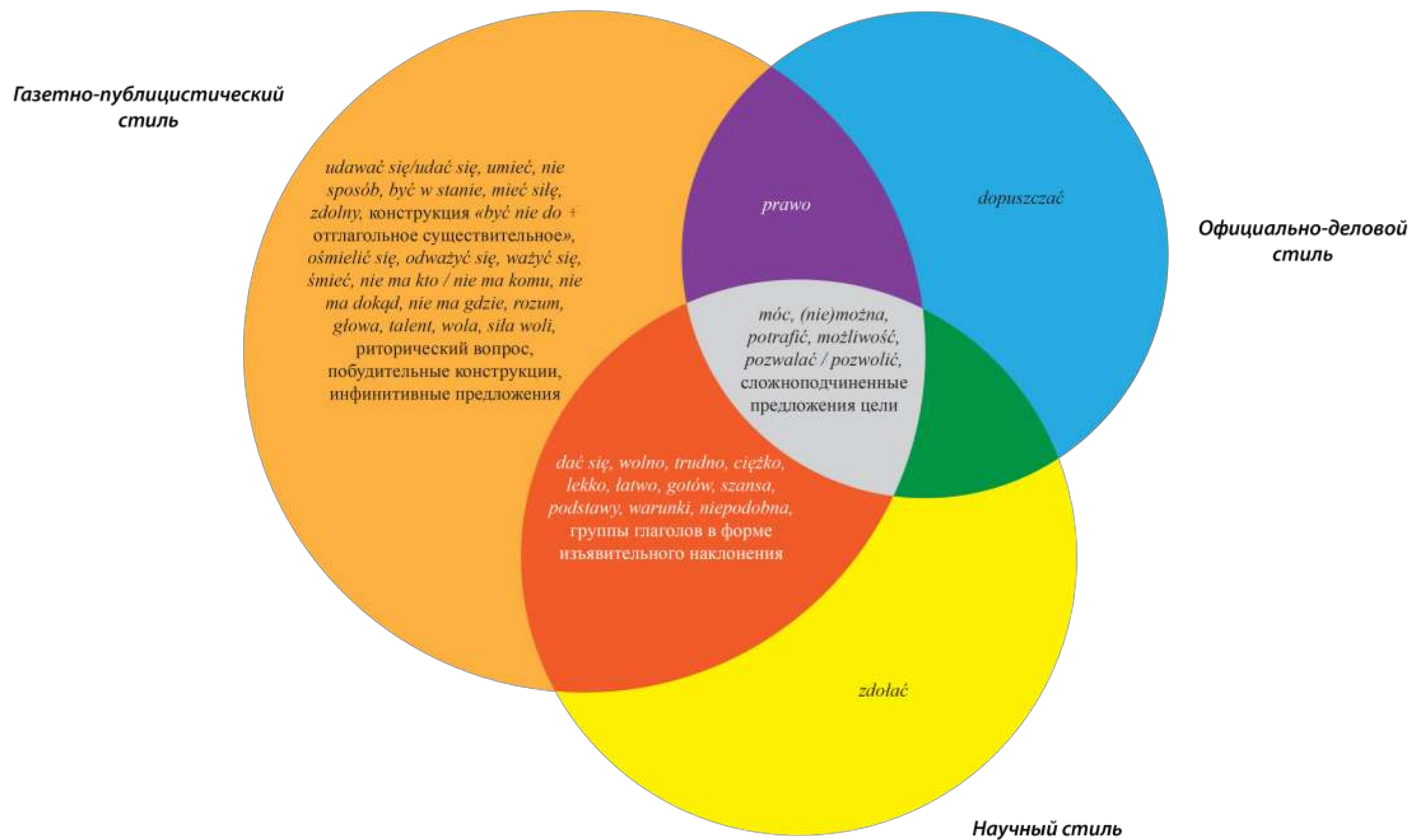
Функционально-стилистическая сфера реализации конституентов микрополя необходимости в русском языке

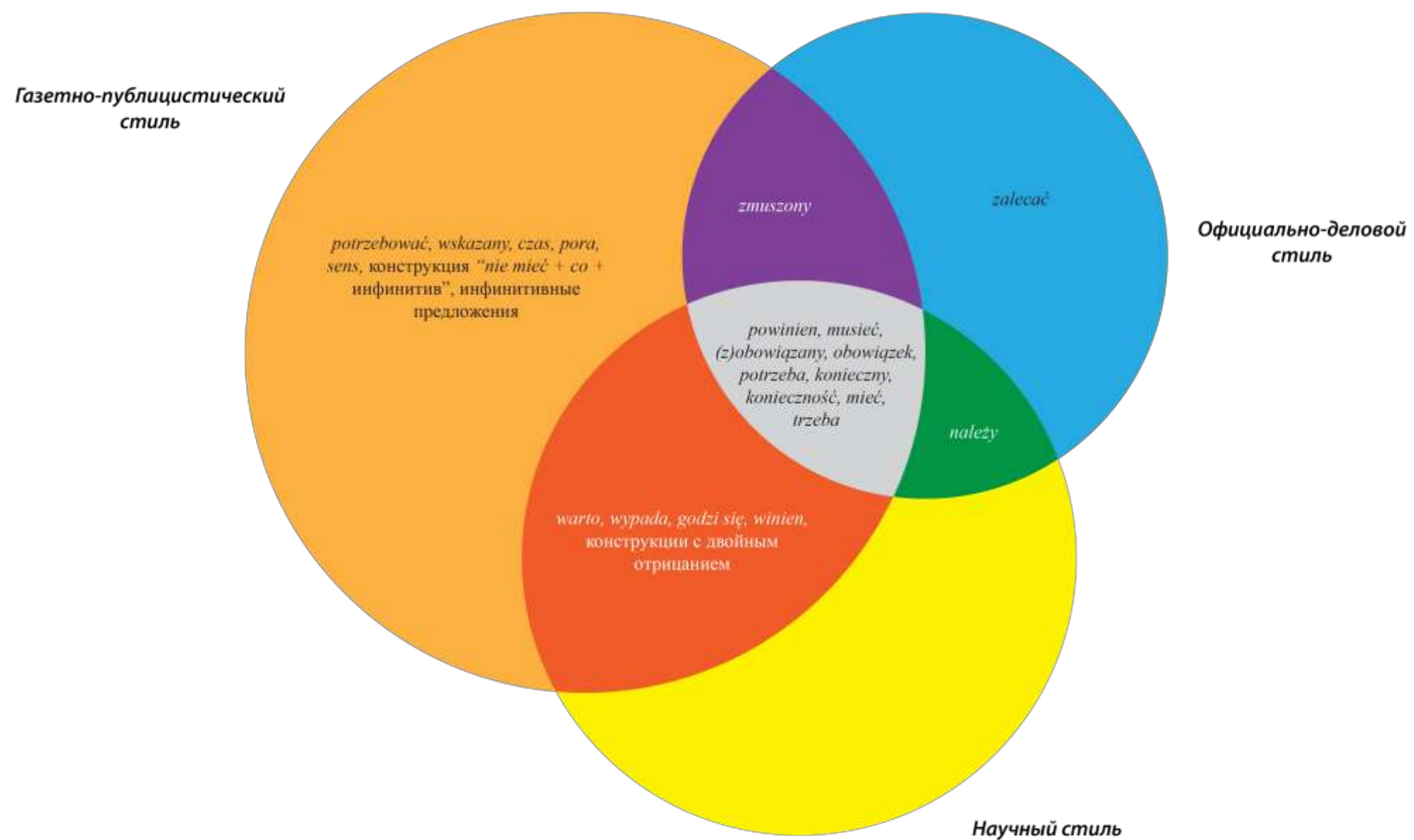
Функционально-стилистическая сфера реализации конституентов микрополя желательности в русском языке

Функционально-стилистическая сфера реализации конститuentов микрополя возможности в польском языке

Функционально-стилистическая сфера реализации конstituентов микрополя необходимости в польском языке

Функционально-стилистическая сфера реализации конститuentов микрополя желательности в польском языке

